

Министерство культуры Российской Федерации
Министерство культуры и архивов Иркутской области

Иркутская епархия Русской Православной Церкви
(Московский Патриархат)

Иркутская областная государственная универсальная научная
библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского

**СВЯТИТЕЛЬ ИННОКЕНТИЙ
(ВЕНИАМИНОВ) И НАУЧНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА
В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА**

Материалы IV межрегиональной научно-практической
конференции

8–10 сентября 2017 г.

Иркутск
2017

УДК 281.93:37(57)

ББК 86.372.24(25)53–8Вениаминов

С 25

Святитель Иннокентий (Вениаминов) и научно-просветительская деятельность православного духовенства в Сибири и на Дальнем Востоке XIX — начала XX века : материалы IV межрегиональной науч.-практ. конф. Иркутск, 8–10 сент. 2017 / сост., науч. ред. С. В. Мельникова ; Иркут. обл. гос. универс. науч. б-ка им. И. И. Молчанова-Сибирского. – Иркутск : ИОГУНБ, 2017. – 200 с.

Сборник статей включает материалы IV межрегиональной научно-практической конференции «Святитель Иннокентий (Вениаминов) и научно-просветительская деятельность православного духовенства в Сибири и на Дальнем Востоке XIX — начала XX века», состоявшейся в г. Иркутске в сентябре 2017 г. в дни празднования 220-летия со дня рождения Иннокентия (И. Е. Вениаминова (Попова), 1797–1879), митрополита Московского и Коломенского и 40-летия (1977) прославления его в лике святых.

Издание адресовано специалистам (историкам, религиоведам, библиографам, архивистам) и всем, кто интересуется православной культурой и ролью Русской Православной Церкви в развитии Сибири, Дальнего Востока и Аляски, в частности ее вкладом в становление региональных науки и образования.

© Иркутская областная государственная
универсальная научная библиотека
им. И. И. Молчанова-Сибирского, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ.....	6
МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ	10
<i>И. А. Курляндский</i> Святитель Иннокентий (Вениаминов) и вопросы духовного образования в эпоху «великих реформ» (1860–1870-е годы)	10
<i>И. Ю. Смирнова</i> «Да скажет Россия: надобно!»: к истории православной миссии в Северо-Тихоокеанском регионе	18
<i>Н. М. Полунина</i> Образ святителя Иннокентия (Вениаминова) в изобразительном искусстве. 1841–2017 годы	33
<i>М. Р. Маняхина</i> Взаимоотношения светской и духовной власти в русской истории.....	47
<i>И. И. Юрганова</i> Инкорпорация Якутского края в российскую государственность: социальная и учебно-просветительская деятельность духовенства	54
<i>Л. В. Камедина</i> Святые миссионеры Забайкалья: подвиги и направления деятельности	71
<i>В. И. Косых</i> Участие забайкальского духовенства в деятельности местных отделений Императорского Русского географического общества (конец XIX — начало XX века)	81
<i>Е. В. Дроботушенко</i> Вопросы историографии образовательной деятельности православного духовенства Забайкальской епархии в XVIII — начале XX века	86

СЕКЦИЯ «ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ».....94

О. А. Михайлова

Документы Российского государственного исторического архива в составе выставки Государственного архива Иркутской области «Святитель Иннокентий (Вениаминов) — миссионер, исследователь, просветитель» 94

В. А. Самсонова

Вклад Михаила Зиновьевича Винокурова в сохранение архивов Русской Православной Церкви в Соединенных Штатах Америки.....100

Г. С. Митыпова

Миссия на Аляске: документ на рукоположение в сан священника 107

И. В. Бондарь

Путевые дневники и отчеты священников-миссионеров как исторический источник: по материалам архивного фонда Иркутской духовной консистории Государственного архива Иркутской области 113

Н. В. Чичкова

Миссионер Яков Чистохин как переводчик, этнограф, член ВСОИРГО: по документам Государственного архива Иркутской области 119

И. П. Бедулина

Архимандрит Иркутского Вознесенского монастыря Вонифатий (Березин) и книга Великих Пастырей.....132

А. П. Санников

Епископ Вениамин (Багрянский): штрихи к биографии 142

<i>В. И. Тарасов</i> Картина «Перенесение мощей святителя Иннокентия» как исторический источник: галерея портретов духовенства губернского Иркутска художника М. А. Васильева	149
СЕКЦИЯ «ЭКСПЕДИЦИОННО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ»	
<i>В. А. Коноплев</i> Географические представления жителей Русской Америки XVIII — первой половины XIX века и их отражение в «Записках об островах Уналашкинского отдела» святителя Иннокентия (Вениаминова)	159
<i>С. В. Мельникова, Т. А. Крючкова</i> Организация церковно-краеведческих исследований как программная задача «Епархиальных ведомостей» и ее интерпретация в иркутском издании	168
<i>Т. А. Максимова, С. В. Мельникова</i> Православная краеведческая экспедиция школьников «По пути священномученика Евгения (Зернова) на Приленской земле»	177
<i>Е. В. Емельянова, Л. А. Глацкова, М. Е. Барсукова</i> Молодежный культурно-просветительский этнографический проект «По пути святителя Иннокентия (Вениаминова)» клуба «Иркутск — Форт Росс»	185
ПРИЛОЖЕНИЕ. ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ	192

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В настоящем сборнике представлены материалы IV межрегиональной научно-практической конференции, посвященной святителю Иннокентию (И. Е. Вениаминову (Попову)), митрополиту Московскому и Коломенскому, апостолу Сибири и Америки.

Конференции данной тематики проводятся Иркутской областной государственной универсальной научной библиотекой им. И. И. Молчанова-Сибирского в сотрудничестве с Государственным архивом Иркутской области и Иркутским областным краеведческим музеем, при благословении и поддержке Иркутской епархии Русской Православной Церкви, начиная с 2014 г.

Конференция 2017 г. приурочена к 220-летию со дня рождения святителя и 40-летию его канонизации и проходит в рамках Международного мемориально-экспозиционного проекта «Путь святителя Иннокентия (Вениаминова)». Открывает конференцию паломническая поездка на родину Ивана Попова (Вениаминова) — в село Анга Качугского района Иркутской области, где в этот день, 8 сентября 2017 г., состоялись освящение Свято-Иннокентьевского храма, торжественное открытие Духовно-просветительского центра им. святителя Иннокентия и музейной экспозиции, подготовленной Иркутским областным краеведческим музеем.

Цель всех объединенных именем святителя Иннокентия конференций¹ — последовательное раскрытие влияния его многогранной личности и трудов на развитие Сибири и сопредельных ей территорий в аспекте как церковной, так и общей региональной истории.

---

¹ Святитель Иннокентий (Вениаминов) – миссионер, исследователь, просветитель : материалы науч.-практич. конф. Иркутск, 23–24 мая 2014 / отв. ред. С. Г. Ступин; науч. ред. С. В. Мельникова; сост. Н. С. Пономарева. Иркутск : изд. Иркут. обл. гос. универс. науч. б-ки им. И. И. Молчанова-Сибирского, 2014. 172 с.; Наследие святителя Иннокентия (Вениаминова) и православная миссионерская деятельность в Сибири, на Дальнем Востоке и сопредельных территориях : материалы II науч.-практ. конф. Иркутск, 15 мая 2015 / отв. ред. С. Г. Ступин; науч. ред. С. В. Мельникова. Иркутск : изд. Иркут. обл. гос. универс. науч. б-ки им. И. И. Молчанова-Сибирского, 2015. 224 с. ; [Наследие святителя Иннокентия (Вениаминова) и православная миссионерская деятельность в Сибири, на Дальнем Востоке и сопредельных территориях: материалы III межрегиональной научно-практической конференции. Иркутск, 12–15 декабря 2015] // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2016. Т. 16. 146 с.

Предшествующие конференции были направлены на изучение миссионерских трудов святителя Иннокентия и его современников, обсуждение проблем сохранения документального и материального наследия духовных миссий, а также использования их исторического опыта в современной миссионерской и социокультурной практике.

Темой IV конференции избраны научное наследие святителя Иннокентия и его просветительская деятельность, в свете которых предлагается рассмотреть общий вклад православного духовенства в развитие региональных науки, образования и культуры.

В конференции 2017 г. принимают участие духовные лица и светские ученые из Иркутска, Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Читы, Якутска, Улан-Удэ, а также представители общественных организаций и творческой интеллигенции.

В программу пленарного заседания вошли доклады исследователей Центра истории религии и Церкви Института российской истории РАН, Государственного исторического музея, Забайкальского государственного университета, Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Новосибирской государственной публичной научно-технической библиотеки.

Пленарные доклады определяют основные направления исследований в контексте заданной тематики: прежде всего, это изучение взгляда святителя на духовно-нравственное воспитание и анализ его роли в истории российского духовного образования (в частности, позиции митрополита Московского и Коломенского по вопросу о преобразовании духовных школ в период «великих реформ» 1860–1870-х гг.); другое направление исследований — деятельность святителя как пример государственного служения и образец церковной дипломатии, позволяющий поставить вопрос о влиянии Православной церкви на становление Российской государственности в процессе инкорпорации в нее северных и восточных территорий, в частности Якутии.

Образ святителя Иннокентия, в котором, по выражению митрополита Филарета (Дроздова), было «что-то апостольское», стал источником творческого вдохновения как для его современников, так и для художников XX — начала XXI века. Этим обстоятельством задано еще одно направление научных разысканий — выявление и изучение изобразительных источников, посвященных святителю, и решение проблемы их атрибуции и систематизации. Данная тема, заявленная в виде научного доклада, получает наглядное продолжение во включенных в программу конференции выставках портретов и скульптурных изображений первого Камчатского епископа и

митрополита Московского и Коломенского, созданных современными авторами (см. Приложение. Программа конференции).

Секционные заседания объединяют сотрудников Государственного архива Иркутской области, Иркутского государственного университета, двух крупнейших библиотек — Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского и Научной библиотеки им. В. Г. Распутина Иркутского государственного университета.

На секции «Документальное наследие Русской Православной Церкви в Сибири и на Дальнем Востоке: современное состояние и перспективы изучения» представлены малоизвестные и редкие документы, главным образом из фондов Государственного архива Иркутской области, касающиеся как личности самого святителя Иннокентия и его окружения, так и в целом биографий местного духовенства XVIII–XIX столетий. Документы рассматриваются в контексте их исторической значимости, атрибуции, а также проблем сохранности, издания и экспонирования (выставка «Утраченные святыни. Путь к возрождению», ГАИО).

Основная тема секции «Экспедиционно-краеведческая работа: исторический опыт в современной практике» — вопрос исторической преемственности и отражения исторического (социального, исследовательского и образовательного) опыта Церкви в современных практиках. Одной из возможных точек такого соприкосновения является церковное краеведение, получившее свое развитие во второй половине XIX — начале XX века и возрождающееся сегодня, подтверждением чему, в частности, служит современная школьная экспедиция, проложенная по историческому миссионерскому маршруту по реке Лене.

Одинаково почитаемое на разных континентах имя святителя Иннокентия — одна из важнейших духовных скреп современного Православного мира. Это наглядно демонстрирует деятельность детско-молодежного историко-краеведческого клуба «Иркутск — Форт Росс». Изучение и популяризация православной истории Русской Америки рассматриваются членами клуба как основа народной дипломатии.

Следует отметить, что программа конференции (см. Приложение) более обширна по сравнению с содержанием сборника материалов. Так, на пленарном заседании прозвучали интереснейшие доклады доктора богословия, протоиерея Бориса Пивоварова, иерея Стефана Бажкова, д-ра ист. наук Н. К. Чернышевой. За рамками сборника научных докладов остается и методическая часть конференции — открытые образовательные площадки (см. Приложение), направленные на

обучение сотрудников библиотек и других учреждений культуры работе с церковными архивами и исторической библиографией и ставшие практическим продолжением поднятых на конференции научных тем.

С другой стороны, в сборник вошли статьи, заявленные как стендовые доклады. В соответствии с содержанием они размещены в материалах как пленарного, так и секционных заседаний. В стендовых докладах поднимается тема Русской Америки и дается общий взгляд на взаимоотношения Церкви и Государства, что расширяет не только географические, но и тематические рамки конференции.

Обширная и разнообразная программа (пленарное и секционные заседания, образовательные площадки, художественные выставки, презентация изданий, творческие встречи и паломническая поездка), разноплановый состав участников (духовенство и светские ученые, художники, писатели, педагоги) свидетельствуют о том, что конференция, по сути, вышла на уровень научно-образовательного и культурного форума, объединяющим началом которого стали традиция почитания и прославления святителя Иннокентия (Вениаминова) и научное изучение его наследия как путь к постижению духовного смысла событий отечественной истории.

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

УДК 281.93:257

И. А. Курляндский*

СВЯТИТЕЛЬ ИННОКЕНТИЙ (ВЕНИАМИНОВ) И ВОПРОСЫ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ «ВЕЛИКИХ РЕФОРМ» (1860–1870-е годы)

В статье освещаются взгляды святителя Иннокентия на духовно-нравственное воспитание и отношение к «либеральным» реформам духовно-учебной сферы 1860–1870-х гг. Раскрываются содержание и обстоятельства полемики святителя в Синоде по поводу инициированных обер-прокурором Д. А. Толстым новых уставов духовных училищ и семинарий, а также позиция святителя в отношении преобразования устава духовных академий.

Ключевые слова: *святитель Иннокентий (Вениаминов), духовное образование, Св. Синод, обер-прокурор Д. А. Толстой, семинарии, духовные училища, духовные академии, уставы.*

Igor A. Kurlyandskiy

ST. INNOCENT (VENIAMINOV) AND SPIRITUAL EDUCATION DURING THE ERA OF «GREAT REFORMS» (1860–1870)

The article covers general view of St. Innocent (Veniaminov) on spiritual and moral education. The article also presents his opinion about «liberal» reforms of the spiritual and educational area of the years 1860–1870. The contents and special circumstances of the polemics of St. Innocent in the Holy Sinod about new Charter of D. A. Tolstoi are unfolded. The Chief Procurator Tolstoi's charters were about Theological schools and seminaries. Besides the article touches upon the position of St. Innocent in regard of transforming the charters of Theological academies.

---

* Курляндский Игорь Александрович, канд. ист. наук, ст. научный сотрудник Центра истории религии и Церкви Института российской истории РАН, г. Москва.

Kurlyandskiy Igor Aleksandrovich, PhD in History, senior researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

E-mail: veracurl@yandex.ru

Keywords: *St. Innocent (Veniaminov), theological education, Holy Synod, chief procurator D. A. Tolstoy, Theological schools, seminaries, Theological academies, charters.*

Святитель Иннокентий (Вениаминов) всегда поддерживал духовное образование детей и юношества, значение которого возросло в связи с распространением в 1860-е гг. материалистических и позитивистских учений. Особенно был опасен возникший на русской почве нигилизм, весьма популярный в некоторых кругах образованной молодежи, отрицавший православную веру (и веру вообще).

Утвержденные 14 мая 1867 г. новые уставы духовных семинарий и училищ не нравились святителю Иннокентию умалением власти епархиальных архиереев и ректоров, введением выборного начала в управление духовными учебными заведениями. Поэтому он резко выступал против них еще весной 1868 г., будучи назначенным митрополитом Московским и Коломенским, требовал отмены уставов, так как видел в них «семя анархии в Церкви», находил их недостаточными для противодействия набиравшему силу в России нигилизму [1, т. 4, с. 86].

Такая негативная позиция была обусловлена также давним убеждением святителя о превосходстве духовно-нравственного воспитания над собственно получением знаний. Так, еще в своих поучениях 1820–1830-х гг., будучи миссионером на Алеутских островах, он утверждал, что «грамотность без нравственности служит более ко вреду, нежели пользе, ...грамотность без нравственности у простого народа есть то же самое, что нож у своевольного ребенка» и что «безнравственные грамотеи ...опасны для спокойствия отечества». В этой связи нравственно-духовное просвещение должно неразрывно соседствовать с умственным и быть первичным по отношению к последнему [2, с. 15]. Те же мысли владыка Иннокентий отстаивал в записке о детском воспитании 13 февраля 1869 г. Отмечая плохую постановку этого дела в большинстве училищ и гимназий, он подчеркивал необходимость «учить не только ум, но и сердце ученика», что было обязанностью духовных пастырей, преподававших Закон Божий. Это должно было оградить молодых людей от «пагубных умствований». Воскресные беседы о православии святитель считал необходимым вести в церкви среди детей от 4–5 лет. Также следовало приходить на беседы к детям, учащимся в школах. А священники должны были им показывать примеры исполнения того, чему они учат. Начинать владыка предлагал с элементарных вещей: крестное знамение, стояние на молитве, поклоны, вход в церковь и т. д. Полезными для

детей он находил рассказы о житиях святых и наставления из Священной истории с объяснениями и поучениями. По мысли святителя, такие регулярные воскресные беседы священников с детьми послужили бы способом улучшения быта духовенства, так как прихожане стали бы заботиться о нуждах священника, видя его попечение об их чадах [3, с. 290–301].

Также важным в представлениях святителя Иннокентия был вопрос о правильной подготовке духовных пастырей.

Недостатки новых уставов духовных семинарий и училищ, по мнению митрополита Московского Иннокентия, стали очевидны в ходе осмотра духовных учебных заведений во время поездки по Московской епархии осенью 1868 г. Владыка считал полезным резко сократить как количество семинарий в России, так и курс наук, преподаваемых в них. Одновременно считал правильным усилить контроль за соблюдением учениками семинарий и училищ постов и молитв, благочиния при богослужениях. Особое недовольство его было вызвано преподаванием в семинариях классических языков, которое он предлагал упразднить вовсе [4, с. 608]. Такой подход противоречил политике обер-прокурора Синода Д. А. Толстого, насаждавшего именно классическое (т. е. основанное на преподавании древних языков) образование как в духовных, так и в светских учреждениях империи. Протоиерей А. И. Невоструев писал епископу Полоцкому Савве, что, «по слухам», обер-прокурор стал действовать против святителя Иннокентия еще до его приезда в Петербург [4, с. 623].

По приезде в Петербург в декабре 1868 г. во время аудиенции у императора митрополит в беседе о важных для Церкви проблемах высказал государю свое мнение о семинарском и училищном уставах. Александр II обещал рассмотреть его предложения. Видимо, владыка сохранял иллюзии в отношении смягчения позиции обер-прокурора. Так, 23 января 1869 г. он писал епископу Леониду, что недостатки уставов Д. А. Толстой сознает и обещает кое-что исправить. Святитель Иннокентий попросил епископа Леонида поручить кому-нибудь из ректоров и других лиц разобрать недостатки уставов «сколь возможно яснее». «На случай, если обер-прокурор не представит сам Государю о пересмотре Устава, о чем я намерен его просить убедительнейше (в тексте подчеркнуто. — И. К.), то я подам записку Государю» [5, л. 96–97].

9 апреля митрополит отправил первое подробное письмо с критикой уставов Д. А. Толстому. Это письмо, являясь продолжением устной беседы святителя с обер-прокурором, дает представление о ее содержании. Так, Толстой, не идя на принципиальные уступки, все же

обещал исправить административным путем одну ошибку Устава — ввести в семинарских церквях ежедневное богослужение. Святитель Иннокентий придавал этому особое значение, ибо так будущие пастыри церкви на опыте должны приучиться к одной из самых главных своих обязанностей — молитве. Владыка отмечал, что прошло четыре месяца, но все осталось по-прежнему (т. е. обер-прокурор обещания не выполнил).

Вторым был поставлен вопрос о функциях ревизоров Комитета духовных училищ при Синоде, наделенных по Уставу обширными правами. Толстой в разговоре уверял святителя Иннокентия, что якобы те будут только исполнителями приказаний архиереев и что Синод в случае разногласий семинарских правлений с епископами всегда поддержит последних. Владыка привел пример, показывающий, что на деле происходит по-другому. Так, Синод принял было сторону самарского епископа Герасима, представившего смотрителя училища к возведению в сан архимандрита, однако сам обер-прокурор отклонил это дело «до справок», поскольку ревизор плохо отозвался о том смотрителе. От такого положения, как отмечал митрополит, страдает авторитет епископов, так как их рекомендация бессильна по сравнению с рекомендацией ревизоров. Учебный же комитет при Синоде выступает явно на стороне семинарских правлений и становится чем-то вроде «судьи архиереев» вопреки канонам. Его функции — фактически судебские, в чем святитель Иннокентий видел «оскорбление для архиереев». Владыке неслыханным казалось выражение правлений «соглашаясь с мнением преосвященного». Значит, могут и не соглашаться, тогда как консистория беспрекословно выполняет резолюции епископов.

Подводя итог замечаниям, владыка полагал, что новые уставы «подготовят либералов, способных пристать ко всяким вредным для Церкви и государства партиям, не увеличат числа благочестивых пастырей и поэтому не послужат к уменьшению раскола. Новые уставы нацелены прежде всего на приготовление ученых людей, а главной целью должна быть подготовка именно благочестивых пастырей, что и требует прежде всего простой народ и истинное благо отечества» [6, с. 184–189; Л. 1–6].

Ответ последовал сразу: 11 апреля Толстой уведомил святителя о том, что 10 апреля представил его заявление государю [6, с. 189–190]. Видимо, такая спешка была вызвана резким тоном письма владыки. При докладе обер-прокурор подал отношение, текст которого заранее настраивал императора в пользу отклонения инициатив святителя: «Посему имею думать, что коренной пересмотр так недавно еще обсужденных Св. Синодом и Высочайше утвержденных уставов, не

вызываемый действительной необходимостью, неминуемо только поколеблет их во мнении духовенства и помешает начинающимся улучшениям в духовно-учебных заведениях» [7, л. 2–3]. Император велел святителю Иннокентию представить свои замечания, касающиеся новых уставов, а Синоду рассмотреть их в присутствии митрополита и дать по ним заключение. Царь распорядился также не предавать делу огласки, «дабы преждевременно не колебать уставы в общественном мнении». Толстой просил святителя Иннокентия ускорить составление замечаний, так как члены Синода разъезжаются на летнее время [8, л. 2–2 об.].

Святитель отправил 3 мая 1869 г. Толстому замечания на уставы. В них он писал, что новый порядок привел в семинарию «профессоров во фраках», и если первые учителя вели себя еще скромно, то вторые стали своим поведением создавать для учеников соблазн, выразившийся в пренебрежении к участию в богослужениях и церковных обрядах. Они позволяли себе судить высших властей, «чего прежде не бывало у нас и в темных углах», запросто стали обращаться с учениками. Владыка делал из этого вывод, что «наши профессора первые показали путь к вольномыслию». В черновике он высказался определеннее: «И эта, по-видимому, безграничная свобода ...должна вести к свободомыслию во всем, и наконец сделалась одною из главных причин порождения нигилизма в воспитанниках».

Одной из ошибок первого Устава 1808 г. святитель считал допущение в наставники без обязательств принять священный сан. Наставник-священник рассматривался им как гарант благочестия в учебном заведении и препятствие распространению нигилизма. Новый Устав не только не исправил эту ошибку, но и допустил еще большую, а именно дозволил избирать в преподаватели богословия лиц, даже не посвященных в стихарь, т. е. лишенных благодати руковоложения.

Волновало святителя Иннокентия положение епископов по новому Уставу. Прежде они могли иметь большое влияние на учеников, наставников и ректора. Теперь же их реальное влияние умахалось: они оказались лишены механизма влияния на выборы руководящих лиц семинарий, а педагогические правления могли не исполнять их приказаний. Владыка настаивал на том, что все духовные епархиальные училища и семинарии должны быть полностью вверены епископу согласно церковному правилу: «ему же суть вручены все люди». Все служащие в них, в том числе и ректор, должны им определяться, «ибо воспитанники семинарии суть его будущие сослужители, сотрудники в деле спасения и пасения паствы, они суть его очи, его уста, его руки; без них он, при всей ревности и даже святости жизни, не может упасти

дobre паству свою». Резко критиковал святитель Иннокентий допущенный Уставом новый порядок — выборное начало. Избиратели, как отмечал он, обычно не участвуют в деле управления вместе с избранным, у нас же получается наоборот: участвуют, но не отвечают за беспорядки, которые могут произойти от неудачного или пристрастного выбора [6, с. 196–197; 7, л. 9–12 об.; 9. Л. 7–9 об.].

К отношению святителя Иннокентия был приложен обстоятельный обзор недостатков нового Устава, выполненный по его поручению в Московской духовной семинарии («Замечания на Устав духовных семинарий и училищ»). Тяжелым испытанием, по мысли авторов «Замечаний», стала доведенная до абсурда навязанная Толстым его излюбленная классическая система — пока только в духовно-учебной сфере. (Опробовав эту систему здесь, в 1874 г. Толстой применил ее в ведомстве Министерства народного просвещения. Так, новые уставы отводили огромное количество часов на изучение латинского и греческого языков и математики в ущерб всем остальным дисциплинам, прежде всего гуманитарным. Для сравнения: в духовных училищах 22 классных занятия в год отводились Толстым латинскому языку, 18 — греческому, а для изучения Священной истории, катехизиса, уставов Церкви — в совокупности 12! В одном только 5-м семинарском классе на греческий язык давалось 24 урока, а в 6-м классе латинский и греческий составляли четверть программы курса. Между тем «живым» европейским языкам, в том числе и родному русскому, новыми уставами уделялось ничтожное внимание. Авторы опасались, что такая программа отобьет охоту у духовных лиц отдавать своих детей в духовно-учебные заведения. С сарказмом замечалось: «Не зная новых языков, наши священники, городские и сельские, будут, напротив, говорить и писать свободно по-латыни и по-гречески, только читать им будет нечего, потому что всегда и русских очень мало, а покупать латинские книги — не на что по бедности духовного звания... если языки мертвые уставами хотят в семинариях сделать живыми, то живые по-прежнему останутся мертвыми» [6, л. 13–46].

6 мая 1869 г. состоялось заседание Синода, посвященное записке святителя Иннокентия. По воспоминаниям епископа Саввы, некоторые члены Синода возражали против мыслей Иннокентия. Особенно упорным его противником стал духовник царской семьи протоиерей В. Б. Бажанов, назвавший записку владыки «неосновательной и отчасти дерзкой». Возражал и митрополит Санкт-Петербургский Исидор. Рассказывали, что «именно он, Исидор, так отделал митр. Иннокентия за его возражения против обер-прокурорских уставов, что тот совсем опешил и стушевался» [10, с. 191]. «Тем и окончилось дело к великому

посрамлению ревнителя-митрополита» [1, с. 302]. Протоколом от 7 мая Синод единогласно постановил считать замечания святителя Иннокентия «неосновательными» и «мало удобными к применению». Выразалась надежда, что опыт и время покажут достоинства и недостатки новых уставов, которые необходимо соблюдать «неукоснительно» [11]. Приложенные к записке владыки «замечания» вообще не рассматривались на заседании [12, л. 5–7 об.].

Поражение святителя Иннокентия в вопросе о пересмотре духовно-училищных уставов свидетельствовало как о слабости позиций митрополита в Синоде, так и о непреклонности линии правительства на частичную «либерализацию» в духовно-учебной сфере.

Работа над составлением нового Устава духовных академий проходила в рамках все той же реформы духовно-учебных заведений 1860–1870-х гг. 15 июля 1867 г. был создан Комитет для обсуждения вопроса о преобразовании академий во главе с архиепископом Литовским и Виленским Макарием (Булгаковым). Как член Синода святитель Иннокентий участвовал в Петербурге в рассмотрении и обсуждении проекта Устава [13, л.1].

Отношение святителя к задуманному преобразованию академий было таким же отрицательным, как и к новым уставам духовных семинарий и училищ. Он видел в этом допущение в церковное устройство либерального духа. Но его радовало, что в вопросе об устройстве академий правительство пошло на уступки его сторонникам, запретив выборность ректоров академий — они по-прежнему должны были назначаться Синодом по представлениям архиереев. Об этом владыка писал епископу Леониду 20 мая 1869 г.: «Академический Устав рассмотрением кончен 18 числа вечером. Ректор назначаем Св. Синодом, права его увеличены, так же как архиереев...» [14, л. 169 об. —170].

30 мая 1869 г. новый Устав духовных академий был утвержден императором [15, с. 1–3]. Права епархиального архиерея по отношению к академии были определены параграфами 12–19, согласно которым архиерей имел право председательства на заседаниях Совета и ученых собраниях академии, руководил направлениями деятельности, решал важнейшие дела, сохранял контроль над назначениями, увольнениями, перемещениями должностных лиц и самое главное — над назначением ректора, ходатайствовал о награждениях и т. п. [16]. Святитель Иннокентий поблагодарил обер-прокурора Д. А. Толстого за поддержку (письмо от 1 июня): «До земли кланяюсь Вашему Сиятельству за то, что Вы в Академическом Уставе не позволили выбирать... и не допустили многоглавия или всеглавия в управлении делами Академии. Слава Богу

и честь и благодарение за то» [17, л. 11–11 об.]. Так, в деле о принятии новых академических уставов святитель Иннокентий, в отличие от уставов семинарий и училищ, одержал победу.

Литература и источники

1. Савва (Тихомиров, Иван Михайлович; архиеп.; 1819–1896). Хроника моей жизни : автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 1–9. Сергиев Посад : 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1898–1911. – Т. 4 : (1868–1874 гг.). 1902. [2], II, 852, XXIII с.
2. Курляндский И. А. Безнравственные грамотеи опасны отечеству. Деятельность святителя Иннокентия // Новые знания. 1996. № 2. С. 15.
3. Творения Иннокентия, митрополита Московского : кн. вторая / собр. Иваном Барсуковым : в 3 кн. М. : В Синодальной типографии, 1887. [4], 494 с.
4. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников / [соч.] Ивана Барсукова. М. : В Синодальной типографии, 1883. VIII, 796, [1], 14, XIV, [2] с.
5. ОПИ ГИМ Ф. 194. Д. 3.
6. Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского / собр. Иваном Барсуковым. СПб. : Общество ревнителей русской истории просвещения в память Александра III, 1897–1901. Кн. 3 : 1865–1878 : Синодальная типография, 1901. [2], VI, 398 с.; ОР ГПБ. Ф. 314. Д. 5.
7. РГИА Ф. 797. Оп. 39. 1 отд. 2 ст. Д. 63.
8. ОР РГБ Ф. 65. К. 3. Д. 5.
9. РГИА. Ф. 314. Д. 12.
10. Никанор (Бровкович, Александр Иванович; архиеп. Херсонский; 1826–1890). Записки архиепископа Никанора. Моя хиротония / Русский Архив. 1908. № 3. С. 145–248.
11. РГИА Ф. 796. Оп. 109. Д. 1518. Протокол № 797.
12. РГИА Ф. 796. Оп. 41. 2 отд., 3 ст. Д. 15.
13. ОР РГБ Ф. 78. К. 26. Д. 8.
14. ОПИ ГИМ Ф. 194. Д. 2.
15. Устав православных духовных академий // Моск. епарх. вед. Отд. 1. Ч. офиц. 1869 г. № 29. С. 1–3.
16. Православное Обозрение. 1869. № 8.
17. ОР ГПБ Ф. 314. Д. 12.

«ДА СКАЖЕТ РОССИЯ: НАДОБНО!»: К ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ В СЕВЕРО- ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ**

В статье на материалах российских архивов (РГИА, РГА ВМФ, Санкт-Петербург) рассмотрены наиболее важные аспекты миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Северо-Тихоокеанском регионе в контексте конкуренции великих держав в середине XIX в. (1840-е — 1860-е гг.). Особое внимание уделено роли выдающихся русских иерархов — митрополитов Московских Филарета (Дроздова; 1782–1867) и Иннокентия (Вениаминова; 1797–1879) в церковной дипломатии на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: миссионерство, Русская Америка, Русская духовная миссия в Пекине, Св. Синод, министерство иностранных дел, святитель Филарет (Дроздов), святитель Иннокентий (Вениаминов).

Irina Y. Smirnova

«LET RUSSIA SAY: IT IS NECESSARY!»: TO THE HISTORY OF THE ORTHODOX MISSION IN THE NORTH-PACIFIC REGION

The article examines the most important aspects of the missionary activity of the Russian Orthodox Church in the North-Pacific region in the context of the competition of the great powers in the middle of the 19th century, studied on the materials of the Russian Archives (RSHA, RSA Navy, St. Petersburg). (1840s — 1860s). Particular attention is paid to the role of the prominent Russian hierarchic figures of the Moscow Philaret (Drozdov, 1782–1867) and St. Innocent (Veniaminov, 1797–1879) in Church diplomacy on the Far East.

---

* *Смирнова Ирина Юрьевна*, канд. ист. наук, ст. научный сотрудник Центра истории религии и Церкви Института российской истории РАН, г. Москва.
Smirnova Irina Yurievna, PhD in History, senior researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

E-mail: irinasmirnowa@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 15-61-01005 а/П.

Keywords: *missionary work, Russian America, Russian Spiritual Mission in Beijing, Holy Synod, Ministry of Foreign Affairs, St. Philaret (Drozdov), St. Innocent (Veniaminov).*

Период 1840-х — 1860-х гг. является наиболее важным не только для истории России XIX в., но и для всей системы международных отношений. На это время приходится пик колониальной политики Франции и Великобритании не только в Ближневосточном, но и в Дальневосточном регионах, которые две крупнейшие морские державы стремились превратить в зоны своего влияния. И главным их оппонентом всегда оставалась Российская империя, границы которой на юго-западе соприкасались с Османской империей, на юго-востоке — с цинским Китаем.

В торгово-политической конкуренции великих держав использовались не только военно-дипломатические, но и миссионерские каналы. Независимо от того, в каком порядке осваивались державами чужие территории — сначала завоеватели, а затем миссионеры или наоборот, «фактическое политическое освоение мира», о котором пишет Маккиндер [1], осуществлялось при неперменном участии миссионеров.

Если на христианском Востоке католическое и протестантское проникновение в середине XIX в. происходило при поддержке европейской дипломатии, то на Дальнем Востоке, в связи с изоляционистской политикой Японии и Китая в отношении иностранных держав, до 1860 г. ситуация была иная. Не имея возможности проникновения во внутренний Китай, миссионеры пытались взять его в своеобразное «миссионерское кольцо» и не только направляли сотрудников различных миссионерских обществ в Юго-Восточную Азию, но и предпринимали попытки устраивать миссии на территории России в пограничных с Китаем районах, как то можно видеть на примере Забайкальской английской духовной миссии (1818–1840) [2]. Но в 1841 г., в связи с началом первой опиумной войны, миссия была закрыта по Высочайшему указу вслед за другими инославными миссиями, действовавшими в России.

К началу 1840-х гг. Дальневосточный регион становится не менее значимым, чем Ближний Восток, и главной задачей имперской политики на Камчатке, в Приморье и Приамурье была не только и не столько защита российских владений от торговой и политической экспансии иностранных держав, сколько укрепление российского влияния среди местного населения. В донесении товарища министра иностранных дел Л. Г. Сенявина великому князю Константину Николаевичу прямо

говорилось, что цель правительства «состояла, по крайней мере на первый раз, не столько в приобретении коммерческих выгод, сколько в том, чтобы посредством торговли установить и постепенно упрочивать влияние над туземцами» [3, л. 184–184 об.].

В этом отношении одной из наиболее действенных мер по русификации народов Дальнего Востока было православное миссионерство, в организации которого ключевая роль принадлежала двум российским иерархам — архиепископу Камчатскому Иннокентию (Вениаминову) и митрополиту Московскому Филарету (Дроздову), выдающимся государственным деятелям и церковным дипломатам.

Пути святителей пересеклись в 1839 г., когда Иннокентий (в то время еще священник Иоанн Вениаминов) прибыл в Петербург для предоставления в Св. Синод отчета о миссионерской работе в Русской Америке. В Петербурге о. Иоанн был тепло принят митрополитом Серафимом (Глаголевским) и обер-прокурором графом Н. А. Протасовым, представив им доклад «Обозрение Православной Церкви в российских поселениях в Америке, со своим мнением об улучшении состояния оной». Но поскольку до начала осенней сессии Св. Синода, на которой должно было состояться чтение доклада, оставалось несколько месяцев, миссионер отправился в Москву для сбора пожертвований «на восточное миссионерство». Там, на Троицком Сухаревском подворье состоялась его первая встреча с митрополитом Филаретом (Дроздовым), определившая дальнейшую судьбу «апостола Америки». С этого времени московский святитель будет всемерно содействовать трудам будущего Святителя, а миссионерское служение о. Иоанна Вениаминова и его восхождение по иерархической лестнице будет связано с именем Филарета (Дроздова).

Митрополит Филарет, деятельно участвовавший не только в решении проблем православия на христианском Востоке [4], но и в развитии православного миссионерства в России (на Алтае, в Забайкалье, в Вятском крае), живо откликнулся на нужды русской духовной миссии на Аляске, приняв «с пастырской любовью близко к сердцу дело Американской миссии» [5, с. 3].

Не одна лишь удаленность края и необыкновенность апостольского служения среди коренного американского населения привлекли внимание к о. Вениаминову московского архипастыря. Приоритетное значение для него имели духовный опыт и личная аскеза современных ему подвижников. И алеутский пастырь вполне соответствовал высоким меркам московского владыки. Современники отмечали светлый ум, нравственную высоту, безыскусную простоту и сердечную теплоту, присущую будущему святителю [6, л. 10–10 об. ; 7, л. 58–59 об.]. «Он так молод душою, — вспоминал об Иннокентии А. Д. Свербеев, — так

искренне радеет о всех нуждающихся, так далек от общественных неестественных и натянутых обычаев и при этом так умен своеобразно, что нельзя не полюбить его» [6, л. 10–10 об.]. При общении с ним, писал тот же автор, «так хорошо и легко бывает на сердце, словно приходит в душу благодать, ему присущая, словно молодеешь душою и сердцем, и пыль житейских попечений и сует слетает с усталых плеч. Никто не производит на меня такого благотворного впечатления, ... видно, слушатель принимает в себя отпечаток прекрасной, простой и христианской жизни духовного пастыря» [8, л. 20–20 об.].

О впечатлении, которое производил пастырь-миссионер на собеседников, Свербеев писал: «Его светлая мысль, его христианское чувство сами проникали в вашу душу и приносили ей, что было нужно: силу, бодрость, утешение. Его пример, простой, великой, смиренной покорности воле Божией подкреплял его слово», он «умирял, успокаивал душу своей любовью, своим милостивым приемом» [7, л. 58].

Филарет, являясь духовным наставником таких выдающихся миссионеров, как основатель Алтайской духовной миссии преподобный Макарий (Глухарев) и просветитель Вятского края архиепископ Кирилл (Богословский-Платонов), уже при первом знакомстве с о. Иоанном не мог не оценить высоту духа и самобытный ум американского миссионера. С тех пор их судьбы оказались тесно связанными, и как в свое время преподобный Макарий Алтайский писал, что «отдал свою волю преосвященному Филарету, ничего не делал и не начинал без его совета и благословения», так и святитель Иннокентий признавался, что «ничего не таил от московского митрополита» [9, с. 411]. Филарет же, в свою очередь, по словам биографа Иннокентия И. П. Барсукова, «когда приходилось говорить о нем, всегда говаривал: “В этом человеке что-то апостольское”» [9, с. 108].

По настоянию митрополита Московского о. Иоанн спустя год после кончины супруги принял монашеский постриг. Филарет участвовал в устройстве его сыновей в духовные школы. Филарету принадлежит редактирование составленной о. Иоанном инструкции для священников-миссионеров под названием «Наставление священнику, назначаемому для обращения иноверных и руководства обращенных в христианскую веру» [10]. Предназначенная первоначально для священников, трудившихся на Аляске, впоследствии инструкция служила руководством для всех православных миссионеров, находившихся в других миссиях Русской Церкви [11, с. 139, 141].

Но главным вкладом Филарета в дело евангельской проповеди в Русской Америке была постоянная поддержка Духовной миссии. Испытывая острую нехватку средств, не имея помощи из Петербурга, Иннокентий писал А. С. Норову: «Средства наши — все те же, и

пособий, требуемых мною, я еще не получил ниоткуда. Только преосвященный митрополит Московский прислал одну тысячу рублей сер. на построение церкви на реке Квихпаке, и, получив разрешение Св. Синода, я к нему же первому отнесся о присылке двух священников для миссии» [12, т. 3, с. 351].

Письма-отчеты Иннокентия на имя митрополита Филарета публиковались в духовных изданиях, и Иннокентий, имея в Св. Синоде крепкую опору в лице митрополита Филарета, знал, что может рассчитывать на его понимание и помощь, что было особенно ценно в конце 1840-х — начале 1850-х гг., когда Иннокентий вынужден был ходатайствовать о перенесении епархиальной кафедры из Ситки на азиатский континент.

Для этого было несколько причин. Еще в мае 1848 г. Иннокентий сообщил обер-прокурору Св. Синода графу Протасову, что «главная цель учреждения Камчатской архиерейской кафедры в Америке (а не в Азии), можно сказать, уже вполне достигнута... Миссии учреждены во всех главных местах (чего, конечно, без пребывания архиерея в Ситке едва ли бы было возможно сделать)... Теперь остается только заведенные миссии поддерживать и постепенно вблизи их открывать новые» [13, кн. 1, с. 192].

Кроме того, управление огромной епархией, раскинувшейся на двух континентах, обозрение которой могло осуществляться преимущественно морским путем, представлялось более эффективным из азиатской части империи по большому удобству в сообщениях между населенными пунктами, в том числе с Петербургом. Надежды на миссионеров из туземцев не оправдывались — учащиеся семинарии из местного юношества проявили мало способностей к обучению и не были готовы к служению на духовном поприще. «Следовательно, деньги и миссионеров для Америки нашей надобно искать в нашей матушке Православной Руси» [12, т. 3, с. 270]. Пребывание же святителя Иннокентия на Аляске, связанное с постоянными перемещениями в неблагоприятных условиях, становилось для него все более затруднительным по состоянию здоровья.

И все же главная причина крылась в осложнении отношений преосвященного Иннокентия с чиновниками Российско-американской компании. Поводом к тому послужила ситуация в Калифорнии, куда в поисках золота хлынули сотни тысяч старателей. Возросший спрос на продукты питания и спровоцированное этим подорожание ставило снабжение духовенства и семинаристов под угрозу, вызывая неудовольствие руководства Российско-американской компании, ответственной за обеспечение епархии [14, с. 188].

Главное правление РАК в Петербурге настаивало на уменьшении духовенства в Новоархангельске. Иннокентий, не желая поступаться интересами миссионерской проповеди, считал, что, напротив, духовенство в Ситке «надобно еще увеличить» [14, с. 248]. При этом «лучшим и единственным средством к уменьшению духовенства в Новоархангельске» он полагал «перенесение архиерейской кафедры и семинарии из Ситки в Аян или куда будет признано за лучшее» [14, с. 249] что, впрочем, признавало и колониальное правление Русской Америки, у которого позиция Иннокентия все чаще вызывала неудовольствие и раздражение. В письме к генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву¹ от 11 февраля 1852 г. председатель правления РАК генерал В. Г. Политковский² откровенно признавался: «Душевно был бы я рад, если бы архиерейскую кафедру перенесли из колонии куда угодно, компания избавилась бы от многих неприятностей и столкновений, которые встречаются теперь от противодействия духовной власти, весьма расширившей свое влияние».

Суть межведомственного конфликта между светским и церковным начальством вполне отразилась в следующих словах того же письма: «Для колоний достаточно иметь благочинного, — утверждал Политковский, — а архиерея нам совсем не нужно, чем он умнее, тем труднее ему уживаться с главными правителями и быть некоторым образом в подчиненности местной власти. Этот предмет... будет вечным камнем преткновения для обоюдного согласия и гармонии обеих властей» [14, с. 28–29].

Перемещение кафедры в Аян, где в связи с переносом Охотской фактории РАК в 1844–1845 гг. был устроен новый порт, оказалось крайне своевременным из-за обострения ситуации на севере Тихоокеанского региона. Внешнеполитическая, коммерческая и миссионерская активность Франции, Великобритании и Северо-Американских Соединенных Штатов у тихоокеанских берегов России, в районе

---

¹ Муравьев Николай Николаевич (1809–1881), граф (1858), государственный деятель и дипломат, генерал-губернатор Восточной Сибири (1847–1861), генерал-адъютант, почетный член Петербургской академии наук, генерал-губернатор Восточной Сибири. Проводил активную политику по освоению и заселению Сибири и Приамурья, руководил экспедицией по Амуру в 1854–1855 гг. и закладкой 35 населенных пунктов в Приамурье и Приморье, в том числе Владивостока (1860). В 1858 г. подписал Айгунский договор с Китаем, определивший новую границу по Амуру и Уссури и закрепивший за Россией права на о. Сахалин.

² Политковский Владимир Гаврилович, генерал, председатель правления РАК в 1850–1866 гг.

Сахалина и Камчатки требовала безотлагательных мер со стороны российского правительства.

Одной из таких ответных мер стала организация Амурской экспедиции под управлением Г. И. Невельского, направленной летом 1849 г. к Охотскому морю. Однако, несмотря на привлечение внимания сановного Петербурга к Дальневосточному региону, все инициативы русских дипломатов — капитана I ранга Г. И. Невельского и генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, направленные на укрепление тихоокеанского побережья и Приамурья, разбивались о нерешительность членов Особого Комитета³, опасавшихся недовольства британского кабинета.

Единственное, в чем члены Комитета не могли не согласиться с Муравьевым и преосвященным Иннокентием, — это необходимость послать православных миссионеров для работы на территориях, занятых Амурской экспедицией. К подобным мерам прибегали и западные державы, и в 1840–1850-х гг. были отмечены неоднократные случаи миссионерского проникновения иностранцев на российские территории Дальнего Востока и в прилежащие к Амуру земли.

Так, в 1848 г. в Восточной Сибири появились два английских «туриста», С. Хилл и Остин. Как отмечал Барсуков, Хилла интересовали пути, связывающие Сибирь с Камчаткой (через Якутск и Охотск). Остин же, побывав в Иркутске, «переправился через Байкал и далее почтовым трактом через Верхнеудинск и Читу в Нерчинск, где немедленно приступил к постройке большого плота, на котором предполагал спуститься вниз по Шилке и Амуру к устью этой реки, надеясь найти там китобойное или иное судно, чтобы добраться через Тихий океан до материка Америки или прямо до Европы». Н. Н. Муравьев, как генерал-губернатор Восточной Сибири, был вынужден организовать за Остином погоню, чтобы «ни под каким видом не допустить его до исполнения своего намерения и живого или мертвого возвратить его в Иркутск» [15, кн. 1, с. 191–192]. В 1852 г. в Петербург сообщили о посещении французскими миссионерами северной части о. Сахалин [3, л. 140], тогда же Невельский рапортовал генерал-губернатору Восточной Сибири, что «все внимание иностранцев направлено на пункты берегов Татарского пролива, к которым подходят или сама река Амур, или главные ее протоки, и этими путями спускаются и их миссионеры» [16, л. 239–239 об.].

---

³ В состав созданного в 1850 г. Особого Комитета по амурским делам входили министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде, военный министр князь А. И. Чернышев, управляющий Главным морским штабом князь А. С. Меншиков.

Болезненно переживая нерешительность правительства в «приамурском деле», архиепископ Иннокентий указывал на ее опасные последствия: «Со всей вероятностью можно сказать, что лишь только мы оставим Амур (а мы должны будем его оставить, если китайцы не позволят нам селиться на нем и плавать с большими ограничениями), то или американцы, или англичане немедленно завладеют им, — и уже не будут так вежливы с соседями нашими» [9, с. 322].

Таким образом, в начале 1850-х гг. перед Церковью и правительством встали новые задачи, связанные с христианизацией населения Дальнего Востока. Однако Высочайшее изволение на устройство Амурской духовной миссии последовало лишь спустя пять лет — как видно из Указа Св. Синода от 24 января 1852 г., на ходатайство Иннокентия об учреждении Духовной миссии среди гилияков Высочайшего позволения не последовало [17, л. 7–8 об.].

Для обеспечения духовных нужд личного состава экспедиции Невельского священником Амурской экспедиции был назначен сын преосвященного Иннокентия, священник Гавриил Вениаминов⁴. По окончании курса Санкт-Петербургской духовной семинарии в 1849 г. он возвратился в Камчатскую епархию, где был определен наставником Новоархангельской семинарии, а оттуда, по воле отца, был «уволен в Россию жениться» [12, т. 3, с. 308]. Как писал в одном из писем митрополит Филарет, «в 1850 году преосвященный Иннокентий заблагорассудил сына своего, студента семинарии Гавриила Вениаминова прислать в Москву, чтобы он здесь избрал себе невесту, вступил в брак, получил рукоположение во священника и возвратился на Восток для миссионерского служения. При посредстве одного московского священника Гавриил Вениаминов избрал себе в невесты сироту... Ей предварительно изъяснены были дальность переселения, нещедрая природа края, в который ей должно переселиться, и образ миссионерской жизни, по необходимости соединяемой с разными неудобствами. Она приняла избрание. Вениаминов вступил с нею в брак, рукоположен в Москве во священника и возвратился с нею к преосвященному Иннокентию...». Хиротонию во священника к собору Михаила Архангела на о. Ситха совершил сам митрополит Филарет

---

⁴ Вениаминов Гавриил Иванович (1824–1880), протоиерей, младший сын святителя Иннокентия (Вениаминова). Род. на о. Уналашка. В 1841 г. был переведен из Иркутской духовной семинарии в С.-Петербургскую. В феврале 1851 г. был рукоположен сначала во диакона, а на следующий день во священника. В 1856 г. возведен в сан протоиерея; в 1862 г. переведен из Николаевска в Благовещенск, определен благочинным средне-амурских церквей. 25.05.1868 вместе с митрополитом Иннокентием прибыл в Москву для служения.

в феврале 1851 г. Летом этого же года о. Гавриил временно был направлен на Амур, так как «корвет не располагал уже зайти оттуда в Аян». Поэтому зиму ему предстояло провести в Ситке, а весной возвратиться в Аян, чтобы оттуда затем отправиться «на Амур на житье». С 10 апреля 1853 г., когда семья Вениаминовых вместе с другими членами экспедиции прибыла из Аяна в Петровское зимовье РАК, находившееся в устье Амура, началась постоянная служба о. Гавриила в качестве священника Амурской экспедиции. В обязанности его, согласно указу Св. Синода, входило «исполнение духовных треб в морских командах, находившихся в приамурских зимовьях» [18].

Между тем постепенно под влиянием самого Иннокентия и корабельных священников участились случаи обращения в православие. В то время, когда в Петербурге «осторожно и неспешно» решалась судьба Дальнего Востока, жители поселений в верховьях Амура и его притоков начали выражать желание «принять православную веру и вступить в подданство России» [16, л. 239–239 об.]. Вместе с тем росла потребность в постоянных миссионерах, так как при назначении о. Гавриила в Амурскую экспедицию Иннокентий, руководствуясь синодальным указом, «не мог дозволить Вениаминову действовать в том краю как миссионеру». В случае же, если объявятся желающие креститься, священнику полагалось обратиться к преосвященному Иннокентию [17, л. 7–8 об.].

Со своей стороны, Невельской, как начальник Амурской экспедиции, обещал «поддержать этот дух народа, а если придется сюда священник, отправить его туда на некоторое время, чтобы удовлетворил просьбу желающих принять нашу православную веру» [17, л. 240–241 об.]. Но новые миссионерские перспективы в Приамурском крае открылись только в связи с состоявшейся в мае 1854 г. первой военной амурской экспедицией под руководством генерал-губернатора Н. Н. Муравьева, когда на повестку дня был поставлен вопрос о христианизации туземного населения обширного края.

Муравьев как командующий войсками, обозревавший территории при устье Амура, где по Высочайшей воле находилось «значительное число наших войск и возведенных укреплений», в письме от 1 сентября 1854 г., отметив миссионерские заслуги капеллана фрегата «Диана» Василия Махова, крестившего 17 гиляков, сообщил преосвященному Иннокентию и о похвальном усердии священника Гавриила Вениаминова, находившегося при Амурской экспедиции, который «не щадя себя, с полным самоотречением» и невзирая на опасности, исполнял свои священнические обязанности, обращая в православие «туземцев, на огромных пространствах обитающих» [17, л. 3–3 об.].

Проблема, однако, заключалась в том, что у о. Гавриила не было формального права на миссионерскую деятельность «без особенного разрешения» преосвященного Иннокентия, но даже если бы он его получил, то из-за обязанностей армейского капеллана для прибывших и расположенных в разных населенных пунктах войск он не имел бы возможности «с надлежащим успехом удовлетворить потребностям духовного просвещения тамошних обитателей» [17, л. 4–4 об.].

Сознавая важность распространения православия среди местного населения, Муравьев поднимает вопрос о подчинении Приамурья в религиозном отношении камчатскому архиепископу. Принимая во внимание тот факт, что Приамурский край, еще не признанный официально российским, граничит на севере с Якутской областью и что в силу удобства сообщения с ним морем через Аян его можно считать входящим в границы Камчатской епархии, генерал-губернатор обратился с просьбой к преосвященному Иннокентию, чтобы тот принял «места, занимаемые по Высочайшей воле Амурской экспедицией, под свое пастырское покровительство и назидание». А с учетом того, что среди многочисленного населения края наблюдается «счастливое направление к принятию св. крещения», генерал-губернатор считал, что дело не терпит отлагательства и «было бы неприлично не оказать этому направлению полное и скорое наше содействие» [17, л. 4–5 об.].

Учитывая экстраординарную ситуацию военного времени и удаленность от высшей духовной власти, Иннокентий дал согласие принять в свое ведение «новозанятые места на устье Амура» еще до того, как было получено особое предписание Св. Синода, и выразил готовность предложить о. Гавриилу взять на себя помимо священнических и миссионерские обязанности. Он также обещал обратиться в Синод с ходатайством определить в Приамурский край особого священника с назначением ему приличного оклада [17, л. 8–9 об.].

В результате длительной переписки между генерал-губернатором Восточной Сибири, МИДом, Морским министерством и Св. Синодом, в декабре 1854 г. последовало Высочайшее утверждение определения Св. Синода о назначении двух священников-миссионеров в Приамурский край, о чем великий князь сообщил Муравьеву в отношении от 5 января 1855 г. [17, л. 16]. Новый масштаб миссионерская деятельность в Приморье и Приамурье приняла уже при новом императоре.

Понимая, как ничтожны силы и средства для решения масштабных государственных задач в обширном крае, архиепископ Камчатский видел выход из положения в привлечении к миссионерскому делу капелланов, служивших на военных кораблях. После нескольких месяцев переписки с Петербургом было удовлетворено и это

ходатайство Иннокентия [17, л. 20]. При этом главной и неперменной обязанностью священникам приписывалось «совершать крещение язычников не по первому их желанию, а только «по усвоению ими, по крайней мере первых начал веры» [19, л. 20–33].

Таким образом, в разгар Крымской войны были приняты важные решения по осуществлению миссионерской работы среди коренных жителей Дальнего Востока, ставшие важной вехой в распространении православия не только на русском Дальнем Востоке, но и во всем Северо-Тихоокеанском регионе, где церковные требы и богослужения совершали капелланы русского флота.

После Крымской войны, когда со всей остротой встал вопрос о разграничении с Китаем, преосвященный Иннокентий в 1856 г. принял участие в специальной экспедиции по Амуру, чтобы на месте оценить перспективы и возможности Приамурского края. Тогда же возникла и идея о перенесении кафедры из Якутска в станицу Усть-Зейскую на Амуре [16, л. 690 об.].

Проект преосвященного Иннокентия, представленный им в Синод осенью 1857 г., был одобрен всеми членами Св. Синода, в частности, митрополит Филарет писал из Москвы: «Радуюсь, что предначертания Ваши утверждаются. Да принесут оные Церкви Божией плод мног» [13, кн. 2, с. 87]. 11 января 1858 г. были учреждены два викариатства Камчатской епархии — с кафедрами викарных епископов в Якутске и Новоархангельске.

Пожелание преосвященного Иннокентия перенести камчатскую кафедру в станицу Усть-Зейскую генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев находил «весьма основательным, ибо оттуда ближе всего действовать на населенную часть Маньчжурии» [16, л. 690–690 об.]. В рапорте от 9 мая 1858 г. на имя великого князя Константина Николаевича Муравьев сообщал из Благовещенской станицы, что «особенные выгоды местоположения Усть-Зейской станицы при слиянии реки Амура с Зеей, одним из значительнейших его притоков, среди довольно густого маньчжурского населения, делают этот пункт весьма важным в стратегическом и коммерческом отношениях, и представляют все условия быстрого и успешного развития» [16, л. 701].

С напряженным вниманием следил за ходом приамурских дел, и митрополит Московский. Так, в апреле 1858 г., отвечая на письмо лаврского наместника архимандрита Антония (Медведева) о миссионерских делах в Приамурье, Филарет писал: «О монастырях по Амуру думать рано. И то, что делается, делается довольно смело. Еще вопрос о принадлежности сего края не беспорен». По поводу

предложения иркутского архиепископа⁵ использовать для подготовки приамурских миссионеров Пекинскую духовную миссию Филарет заметил: «Это долго» и просил графа Муравьева «изыскать меры поспешнее». Работников на миссионерском поприще катастрофически не хватало. Из трех амурских миссионеров, по словам митрополита Филарета «один знает язык инородцев худо, а два вообще не знают и сидят в консистории» [20, т. 3, с. 57].

Несмотря на проблемы с кадрами, преосвященный Иннокентий рассчитывал развернуть миссионерскую деятельность не только среди населения Приамурья, но и среди народов Цинской империи, прежде всего корейцев и маньчжуров. Как отмечал Барсуков, «за амурскими делами преосвященный Иннокентий, как дальнзоркий государственный человек, понимавший даже отдаленные пользы России, еще с 1843 г. неустанно и зорко следил, имея в виду не одни политические цели, но и успешное проповедание слова Божия пограничным подданным Китая» [9, с. 321–322].

Благоприятные условия для расширения поля деятельности возникли в связи с новыми трактатами, заключенными с Китаем сначала Россией (1/13 июня 1858 г.), а вслед за тем и другими державами — 6/18 июня 1858 г. был подписан американо-китайский Тяньцзинский трактат, 14/26 июня 1858 г. — англо-китайский и 15/27 июня 1858 г. — франко-китайский. Все они включали пункт о разрешении пребывания в Китае христианских миссий не только в важнейших портах, но и внутри империи [21, с. 64–69].

Ни у светских, ни у церковных русских дипломатов не было сомнений, что западные миссионеры придут в Китай сразу же по ратификации договоров. А потому оба святителя, и Иннокентий, и Филарет, чтобы предотвратить распространение иностранного влияния в Приамурье, предлагали действовать со стороны сухопутной границы, где меньше вероятности столкновений с иностранными миссионерами, проникавшими в страну «с морской границы Китая». Учитывались и политические интересы России на границе с Китаем. Так, по мнению Филарета, «Российское правительство, без сомнения, обратит внимание на то, чтобы не пришли действовать с нашей границы иностранные миссионеры, от которых наши могли бы ожидать не содействия, а столкновения» [22, т. 5, ч. 2, с. 647–648].

---

⁵ Архиепископ Евсевий (Орлинский; 1805–1883). Образование получил в Тульской семинарии и МДА (1832). 9.03.1847 рукоположен во епископа Винницкого и назначен ректором СПбДА; с 10.12.1850 епископ Самарский; с 3.11.1856 епископ Иркутский; 23.03.1858 возведен в сан архиепископа; с 29.08.1860 архиепископ Могилевский; 16.04.1878 назначен членом Св. Синода. 6.10.1882 уволен на покой с званием члена Св. Синода.

Ссылаясь на статьи русско-китайских трактатов 1858 г. и на расширявшуюся деятельность западных миссий, московский архиепископ считал необходимым поднять дело миссионерской проповеди «около новоутвержденного на Востоке предела» на должную высоту, подчеркивая не только духовное, но и политическое его значение: «Неужели Россия откажется от участия в сем деле с своей стороны? Неужели допустить иностранных миссионеров проникнуть и сюда и распространить здесь свои действия, которые, конечно, будут не в пользу наших и религиозных и государственных видов?» [22, т. 4, с. 376]. Чтобы не упускать возможностей, предоставленных новым трактатом, Филарет, среди прочих мер, считал нужным «не оставлять в бездействии и находящуюся в Китае нашу Миссию» [22, т. 5, ч. 2, с. 647–648]. Это мнение митрополита Филарета послужило отправной точкой для выработки новой концепции русского церковного присутствия в Китае и преобразования Пекинской РДМ в миссионерское учреждение.

Преосвященный Иннокентий, принимавший вместе с Филаретом прямое участие в разработке концепции православного миссионерского присутствия на Дальнем Востоке, не упускал из виду и другие важные в стратегическом отношении регионы. Так, во время длительного пребывания иеромонаха Николая (Касаткина) в Николаевске-на-Амуре перед отправлением в Хакодате зимой 1860 г. Иннокентий готовил его к миссионерскому служению, и будущий апостол Японии через всю жизнь пронес память о «незабвенном Иннокентии, Великом Святителе Камчатском» [23, т. 3, с. 133]. В январе 1870 г. не без участия митрополита Иннокентия Св. Синод постановил «образовать для проповеди слова Божия между японскими язычниками особую Российскую Духовную Миссию» [14, с. 39], а незадолго до своей кончины святитель ходатайствовал об учреждении архиерейской кафедры в Японии.

Предметом особых забот высокопреосвященного Иннокентия оставались северо-американские приходы после продажи Аляски в марте 1867 г. Еще во время Крымской войны, накануне знаменитой Петропавловской обороны, он задавался вопросом: «Что будет с Компаниею, что с церквями и что с новообращенными, которые увеличиваются более и более! Ужели все это должно остаться втуне!.. быть не может» [12, т. 3, с. 581]. Продажа Аляски принесла Иннокентию новые волнения, и не только потому, что стоял вопрос о деле всей его жизни, но и потому что от принятого решения зависела судьба православия в Северной Америке.

Уже в сане митрополита Московского, став преемником своего духовного наставника, святителя Филарета, Иннокентий предлагает

создать самостоятельную американскую епархию, в которую должны будут войти все приходы Аляски и Алеутских островов. Центром новой епархии он предложил сделать Сан-Франциско [13, кн. 3, с. 139]. На окончательный исход дела повлияло мнение Филарета Московского, который еще в апреле 1864 г. на предположение устроить православную церковь в Сан-Франциско с воодушевлением отозвался: «Дело само за себя говорит, что надобно. Да скажет Церковь Российская: надобно! Да скажет Россия: надобно! Да не падет слово на землю бесплодно» [24, с. 526].

Решение о строительстве церкви для калифорнийской православной общины, согласованное МИДом и Синодом в 1864 г. с привлечением российских дипломатов в США, послужило основанием для учреждения Алеутско-Аляскинской епархии с кафедрой в Сан-Франциско.

Таким образом, к началу 1870-х гг. были сформированы важные опорные пункты зарубежного русского церковного присутствия в Северо-Тихоокеанском регионе. Русские духовные миссии в Китае, Японии, Забайкалье, Алеутско-Аляскинская епархия в США были призваны играть существенную роль в распространении православия среди народов Северо-Тихоокеанского региона в условиях политической и миссионерской конкуренции великих держав.

Время великих перемен в становлении православного присутствия в Северной Америке, Китае, Японии и на русском Дальнем Востоке пришлось на время служения двух российских иерархов — святителей Филарета (Дроздова) и Иннокентия (Вениаминова), которые благодаря своему таланту, уму, темпераменту определяли исторические пути православия не только в России, но и в других странах, действуя в интересах России, Русской Церкви и Вселенского Православия. Именно таких как они И. А. Гончаров относил к разряду «величайших колоссальных патриотов».

Литература и источники

1. Маккиндер, Х. Дж. Географическая ось истории // Политология : хрестоматия / сост. М. А. Василик, М. С. Вершинин. М. : Гардарики, 2000. С. 723–737.
2. Тиваненко, А. В. История Английской духовной миссии в Забайкалье (начало XIX столетия). Улан-Удэ, 2009. 251 с.
3. РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Ед. хр. 206.
4. Смирнова, И. Ю. Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М. : РОССПЭН, 2014. 454 с.
5. [Муравьев А. Н.] Из записки А. Н. Муравьева о преосвященном Иннокентии, архиепископе Камчатском. Петроград : Типография Главного управления Уделов, 1915. 8 с.

6. ЦГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Ед. хр. 81.
7. ЦГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Ед. хр. 83.
8. ЦГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Ед. хр. 82.
9. Барсуков, И. П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М. : Фирма Алеся, 1997. 770 с.
10. Инструкция миссионерам [1840] // Известия Братства Православной Церкви в Китае. 1905. Вып. 1. № 1. С. 21–22; № 2–3. С. 28–34; № 4–5. С. 18–25.
11. Климент (Капалин, Герман Михайлович; митр.; 1949–). Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009 604 с.
12. Святитель Иннокентий Московский, просветитель Америки и Сибири. Собрание сочинений и писем : в 7 т. М. : Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012.
13. Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского : [в 3 кн.] / собр. И. Барсуковым. СПб. : Общество ревнителей русской истории просвещения в память Александра III, 1897–1901.
14. Гуличкина Г. Г. Величие святой простоты // Иннокентий (Вениаминов-Попов, Иван Евсеевич; митр.; 1797–1879). Быть полезным Отечеству : сб. писем / сост. Г. Г. Гуличкина. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009. 592 с. : ил. (Письма о духовной жизни).
15. Барсуков, И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам : в 2 кн. М. : Синодальная типография, 1891.
16. РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Ед. хр. 1016.
17. РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Ед. хр. 908.
18. Иннокентий (Ерохин, В. В.; игумен). Протоиерей Гавриил Вениаминов – первый начальник Амурской миссии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vladivostok-eparhia.ru/eparhia/history/?id=1121>, (дата обращения: 5.06.2017).
19. РГА ВМФ. Ф. 909. Оп. 1. Ед. хр. 45.
20. Филарет (Дроздов Василий Михайлович; митр.; 1782–1867). Письма к преподобному Антонию, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1831–1867 : в 3 т. М. : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007.
21. Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / под общ. ред. В. С. Мясникова. М. : Памятники исторической мысли, 2004. 694 с.
22. Филарет (Дроздов, Василий Михайлович; митр.; 1782–1867). Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам,

издаваемое под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. СПб. : Синодальная типография, 1885–1888. Т. 1–5.

23. Дневники святого Николая Японского : в 5 т. / сост. К. Накамура. СПб. : Гиперион, 2004.

24. Смирнова И. Ю. Между Западом и Востоком: из истории церковно-дипломатических отношений на Ближнем и Дальнем Востоке. М. : РОССПЭН, 2016. 616 с.

УДК 281.93:7

Н. М. Полунина*

ОБРАЗ СЯТИТЕЛЯ ИННОКЕНТИЯ (ВЕНИАМИНОВА) В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ.

1841–2017 годы

В статье рассматривается широкий круг изобразительных источников — фотография, графика, живопись, скульптура, в которых запечатлен облик святителя Иннокентия (Вениаминова) как его современниками, так и потомками. Перечень выявленных источников может быть использован исследователями в выставочной деятельности, при создании музейных экспозиций и для иллюстрации публикаций.

Ключевые слова: *святитель Иннокентий (Вениаминов), фотография, графика, живопись, скульптура.*

Nadezhda M. Polunina

IMAGE OF SAINT INNOCENT (VENIAMINIV) IN FINE ARTS. 1841–2017 years

The article describes wide variety of art sources, such as photography, graphics, painting, sculpture, where the image of Innocent (Veniaminov) is imprinted both by people who lived in the same time with him and modern artists. List of sources can be used by researchers when preparing museum exhibitions and publications.

---

* *Полунина Надежда Михайловна, науч. сотрудник Государственного исторического музея, г. Москва.*

Polunina Nadezhda M., research fellow of State Historical Museum, Moscow.

E-mail: nadpolunina@yandex.ru

Keywords: *St. Innocent (Veniaminov), photography, art, fine arts, graphics, sculpture.*

Задумав эту публикацию об образе святителя Иннокентия в изобразительном искусстве, автор, с одной стороны, поставила цель с максимально возможной полнотой выявить изобразительные источники, созданные при жизни святителя. Необходимо было уточнить их датировку, местонахождение и дать о них полноценные сведения, с тем чтобы исследователи могли обратиться к первоисточникам, а не к суррогатным материалам из Интернета. С другой стороны, автор стремилась ввести в научный оборот новые источники, посвященные святителю, — работы современных художников и скульпторов — и сделать их достоянием исследователей, историков и краеведов, занимающихся музейной и выставочной деятельностью, популяризаторов жизни и апостольских деяний святителя Иннокентия. Эти разнообразные источники, запечатлевшие, наравне с письменными свидетельствами (перепиской, воспоминаниями, научными трудами), облик выдающегося деятеля Русской Православной Церкви и русской культуры, могут заслуженно занимать свое место на выставках, в музеях, в публикациях. Способные донести мысли, чувства, высокий духовно-нравственный облик великого гражданина России, они должны быть широко известны.

В биографии Иннокентия, помещенной на страницах «Православной энциклопедии», в разделе «Иконография» есть некоторые сведения о его живописных и графических портретах [1, т. 22. с. 714–716]. Это — единственная публикация на интересующую нас тему, авторы которой проделали большую работу по систематизации материала. Ценная публикация, к огорчению, не избежала неточностей. В ней, в частности, живописный портрет работы Г. И. Белова отнесен к более позднему времени; портрет из собрания В. П. Шереметевой ошибочно приписывается к коллекции А. Н. Муравьева; указана неточная датировка отдельных работ; не соотнесены фотографические оригиналы с литографическими портретами.

В основу статьи легли коллекции фотографий из собрания Государственного исторического музея (ГИМ) и графические собрания Российской государственной библиотеки (РГБ) и ГИМ; сведения о современных художниках и скульпторах, работающих над темой, связанной с личностью Иннокентия, почерпнуты из средств массовой информации и лично у авторов. Ряд материалов получен из частных коллекций. Следует отметить, что ни в одном собрании не сохранилось столько фотографий Иннокентия, как в ГИМ. Хотя их немного, почти

каждая представляет значительный интерес. Графические портреты Иннокентия, кроме РГБ и ГИМ, есть в Российской национальной библиотеке, Пушкинском Доме, Церковно-археологическом кабинете (ЦАК) Московской духовной академии. Наиболее полноценными коллекциями владеют ГИМ (12 единиц) и РГБ (10 единиц).

Церковная сфера деятельности и отдаленный край, где суждено было провести долгие годы святителю Иннокентию, мало располагали к тому, чтобы его личность была увековечена в изобразительном искусстве. И тем не менее судьбе было угодно запечатлеть его облик при жизни, а в последующие годы привлечь к личности святителя внимание художников и скульпторов.

Памятники изобразительного ряда хронологически можно подразделить на три группы, для каждой из которых характерны определенные черты. Первый, самый долгий период жизни Иннокентия, завершившийся в 1868 г., оставил нам мизерное число его изображений — пять, однако каждое из них неповторимо и драгоценно. Вторым, московским периодом, 1868–1879 гг., подарил нам шесть фотографий и более десяти графических портретов. И третий период, который начался в 1977 г. после канонизации Иннокентия и продолжается поныне, радует нас скульптурными портретами и картинами, в которых наши современники пытаются осмыслить и воплотить свое представление о выдающейся исторической личности.

Первый период, до 1868 г. Из литературных источников известно, что до 1868 г. было создано два портрета маслом, также Иннокентий запечатлен в трех сюжетных рисунках. К сожалению, местонахождение ни одного из подлинников неизвестно. Возможно, они все были утрачены в начале XX столетия, в эпоху катаклизма, перевернувшего старую Россию. И тем не менее мы имеем представление обо всех этих работах, так как портреты были воспроизведены в литографиях и опубликованы; сюжетные рисунки также увидели свет в качестве иллюстраций в отечественных изданиях досоветского периода.

Самую большую ценность представляет портрет Иннокентия, созданный в январе 1841 г. Этот портрет можно считать первым прижизненным изображением будущего святителя, запечатлевшим его в минуту коренного перелома жизненного пути: он принимает монашество (29 ноября 1840) и его нарекают епископом Камчатским, Алеутским и Курильским (13 декабря 1840).

К счастью, сохранились сведения, позволяющие воссоздать историю портрета. Об этом на страницах своей книги поведал первый биограф святителя, историк и археограф Иван Платонович Барсуков (1841–1906): «После посвящения архимандрита Иннокентия во епископы Варварою Петровной Шереметевой был заказан

в С.-Петербурге портрет его масляными красками. Он изображен со свитком в руках, на котором начертаны следующие слова: “Удивил Господь милостью свою на мне. Благослови душе моя Господа и не забывая всех воздаяний Его”. На этой же странице, в примечаниях указывается: “На обороте сего портрета имеется следующая надпись: “Преосвященный Иннокентий, епископ Камчатский. Курильский и Алеутский. — Писан в 1841 г. художником Григ. Беловым, иждивением Варвары Петровны Шереметевой”. Портрет этот в настоящее время [т. е. в 1883. — *Н. П.*] хранится у достоуважаемой дочери Варвары Петровны Шереметевой — баронессы Елизаветы Сергеевны Деллер» [2, с. 129]. На вкладке между страницами 128–129 автор помещает литографию с этого портрета, не оставляя нам сомнения в том, какой именно портрет был выполнен в 1841 г. по заказу В. П. Шереметевой. Е. С. Деллер умерла в 1890 г. и следы портрета теряются.

В. П. Шереметева, с которой Иннокентий познакомился во время первого приезда в Петербург, стала его большим другом и благодетелем американской церкви. Она снабжала отдаленную церковь утварью, книгами, оказывала финансовую помощь. В 1841–1851 гг. Иннокентий регулярно пишет ей и ее дочери Деллер и не устает благодарить обеих за доброту и помощь. В их доме нашел приют сын Иннокентия, Гавриил, когда отправился учиться в столицу. Варвара Петровна испытывала большое благоговение перед священником, смиренно выполнявшим свой долг на самом краю Российской империи, в отдаленности от цивилизации. И потому пожелала, чтобы лично для нее был исполнен портрет.

Художник, исполнивший ее просьбу, — Григорий Иванович Белов. В 1836–1839 гг. он обучался как «посторонний ученик» в Императорской Академии художеств и получил статус «свободного художника по живописи исторической» за картину «Св. Иероним». Портрет Иннокентия был написан им не более чем за месяц, так как 15 декабря 1840 г. в Петербурге прошла хиротония Иннокентия, а 30 января 1841 г. новый епископ вновь созданной епархии отправился в обратную дорогу.

С портрета из собрания Шереметевой была выполнена литография. Кто, когда и где сделал это, также известно. Портрет перевел на камень литограф С. Кружкин, а отпечатан он был в 1850-е гг. в литографии Главного Управления публичных зданий и путей сообщений, когда во главе ее стоял известный мастер К. И. Поль. Но это раннее изображение святителя стало широко известно значительно позднее. Портрет в 1883 г. опубликовал в своей книге Барсуков, для чего заказал фотогравюру в мастерской Шерер, Набгольц и К^о в Москве. Под

изображением на фотогравюре помещено факсимиле подписи: «Иннокентий Епископ». Ныне этот портрет Иннокентия разошелся по различным изданиям, его можно найти на бескрайних просторах Интернета. К сожалению, под портретом, как правило, отсутствует подпись и забыты имена тех, благодаря кому мы имеем возможность видеть святителя в расцвете сил и апостольских деяний. Подрисуночная подпись с исчерпывающей информацией должна быть такова: «Портрет епископа Камчатского, Курильского и Алеутского Иоанна (Вениаминова). Литография 1850-х г. С. Кружкина с живописного портрета Г. И. Белова работы 1841 г. Из собрания В. П. Шереметевой. Местонахождение подлинника неизвестно. Изображен в рясе и камиллавке, с панагией, преподнесенной ему из Кабинета Его Императорского Величества, с орденом Св. Анны 2 ст. на ленте».

Авторы статьи в «Православной энциклопедии» указывают, что данный портрет находился в собрании известного духовного писателя и церковного историка Андрея Николаевича Муравьева (1806–1874). Действительно, в собрании Муравьева был портрет Иннокентия, тоже «писан на холсте масляными красками», а после смерти писателя со всей его коллекцией перешел в собственность Киевской духовной академии. Муравьевская коллекция сразу же была описана и выставлена [3, с. 22; 4, с. 54. № 2626], а опись опубликована, однако изображения предметов в ней отсутствовали. Позднее, при создании Церковно-археологического кабинета при Московской духовной академии муравьевская коллекция из Киева переехала в Москву. После 1917 г. ЦАК перестал существовать, и судьба предметов из его собрания исчезла из поля зрения исследователей.

Обобщая известные факты, можно утверждать, что Муравьев владел портретом, выполненным примерно в то же время, что и портрет из собрания Шереметевой. На нем был изображен Иннокентий в таком же монашеском одеянии, с распущенными по плечам волосами, но в профиль и погрудно (на шереметевском портрете он изображен в фас и поколленно). С муравьевского портрета, видимо, также была сделана литография, которая известна по поздним публикациям, однако каких-либо сведений об этой литографии найти не удалось. Ни одна из литографий не имеет сопроводительных подписей и часто эти два портрета — шереметевский и муравьевский — путают, либо считают, что было одно и то же изображение. Но сведения из литературных источников позволяют нам убедительно говорить о существовании двух портретов петербургского периода.

Бесценны для нас и два рисунка, выполненных с натуры в 1842–1868 гг. К сожалению, местонахождение подлинников неизвестно, но не

приходится сомневаться, что когда Барсуков работал над биографией Иннокентия, все рисунки были в его распоряжении. Они известны нам по публикации в книге З. Н. Барсуковой [5, с. 42–43, 52–53], в которой указано, что биография составлена по материалам И. П. Барсукова.

Особенно примечателен рисунок, выполненный в 1842–1843 гг. [5, с. 42–43] (*Рис. 1*). Он запечатлел Иннокентия и членов его миссии в первом камчатском путешествии, продолжавшемся 16 месяцев. Поездки Иннокентия по труднодоступным местам хорошо известны по его дневникам, письмам, воспоминаниям. Читаешь их и сердце леденеет порой от описания тех условий, в которые попадал путник и его свита. Рисунок, сделанный одним из участников этого похода, воочию демонстрирует те условия. На нем сделана надпись: «Архиепископ Иннокентий спускается на дно ущелья на Камчатке. Ни одному из русских иерархов не доводилось еще вносить свое благословение в подобные юдоли». В той экспедиции участвовали священник, протодиакон, певчие. Кто из них сделал рисунок с природы — неизвестно. Но автора текста на рисунке можно предположить. Примерно такие слова написал в своих воспоминаниях протоиерей Прокопий Васильевич Громов (1801–1880), известный церковный историк и мемуарист. Вот строки из его воспоминаний, которые цитирует в своей книге Барсуков: «...в этом, одном из глубочайших ущелий Камчатки, как сейчас вижу епископа Иннокентия, в темную зимнюю ночь, сидящего в одеянии из оленьих кож на камне, освещаемого заревом, отражающемся на вершинах гор, окружающих пропасть... Ни одному из русских иерархов не доводилось еще вносить свое благословение в подобные юдоли» [2, с. 197].

Под другим рисунком читаем следующие строки: «Крестный ход в селении Олекминском, в Восточной Сибири, совершаемый Иннокентием, архиепископом Камчатским и Алеутским. Снимок с природы» [5, с. 52–53]. Возможно, он выполнен в 1857 г.

Третий рисунок имеет также подробную подпись: «Приютное воспоминание о богослужении, совершенном Преосвященным Иннокентием, архиепископом Камчатским и Алеутским в протоке Палово (на реке Амур), в августе 1858 г. в присутствии гг. офицеров и команды паровой шхуны «Восток» под командою капитан-лейтенанта барона Шлиппенбаха» [2, с. 426–427; 5, с. 68–69]. На рисунке в левом углу автограф — «А. Кондырев. 1869 г.». К сожалению, сведения о нем не были найдены.

Сохранилось устное предание, что в 1855 г., когда святитель был в поселке Аян (на берегу Охотского моря, ныне Хабаровский край), его фотографировали. Предание кажется фантастическим — неужели

в таком отдаленном поселке было фотоателье? К тому же известно, что когда архиерей прибыл сюда, в поселке никого не было — жители оставили дома и ушли в лес, так как шла Крымская война и на Дальнем Востоке хозяйничала англо-французская эскадра. И сам архиерей чуть не был пленен. Но он убедил врагов не брать в плен пожилого человека, который станет им обузой. Хорошо известно, что первая встреча десанта с архиереем произошла в храме, где святитель молился. На врагов она произвела глубокое впечатление. И они оказывали архиерею знаки внимания, навещали его в доме, вели беседы. Так, может быть, фотографию сделали враги? Не исключено. Хорошо известно, что ход Крымской войны освещали не только корреспонденты, но и фотокорреспонденты — английский подданный Роджер Фентон (1819–1869) был первым официальным военным фотокорреспондентом. Возможно, и тогда, на Дальнем Востоке кто-то из офицеров фотографировал. К сожалению, упорные поиски фотографии не дали результата.

Второй период, 1868–1879 гг. Возведение Иннокентия на кафедру Московскую не могло не вызвать своего рода бума у художников. Портрет главы Русской Православной Церкви, митрополита Московского и Коломенского Иннокентия должен был — и обязан быть — во всех епархиях, церковных учреждениях, да и просто в домах православных людей. Известные автору на сегодня шесть фотографий Иннокентия запечатлели его именно в 1868 г. Среди них две особенно привлекли наше внимание.

Первая была сделана в Иркутске, где Иннокентий остановился по дороге из Благовещенска в Первопрестольную, к месту своего нового служения. 13 марта его встречали иркутяне «при звоне на всех 17 колокольнях города», а провожали 19 апреля. В этот период и была сделана не только первая фотография Иннокентия в новом сане митрополита, но вообще первая его фотография. Кто этот человек, которому пришла мысль пригласить в фотоателье митрополита Московского Иннокентия и вместе с ним епископа Иркутского Парфения и епископа Камчатского Вениамина, мы, видимо, так и не узнаем. Но наша благодарность ему — безмерна. Мы видим великого человека на его родной иркутской земле. Иннокентий в монашеском одеянии, в «алмазном клобуке», которым был награжден еще 4 апреля 1865 г. Здесь ему 71 год. Умудренный старец, большой труженик. Изборожденное морщинами простое крестьянское лицо. Пытливый взгляд. Вероятно, заведение, куда пришли три епископа, было «Собственная фотография В. Динесс», располагавшаяся на Тихвинской площади, самая ближайшая к архиерейскому дому, который находился

в ограде кафедрального собора Богоявления. Этот снимок трех иерархов хорошо известен по публикациям. Есть он в фондах Иркутского областного краеведческого музея; точно такой же хранится в коллекции фотографий Государственного исторического музея. Однако последний снимок (ГИМ. 21_20294_95976/2) имеет на обороте весьма примечательную надпись чернилами. Текст ее гласит: «Снято в Москве с иркутской фотографии. — Куплена 68 г. июня 21 д., за 1 р. 25 коп. у Беккера, на Кузнецком мосту, в Москве». С такими подробностями подписывал все фотографии известный иркутский купец и коллекционер Василий Николаевич Баснин (1799–1876). Почерк его хорошо известен. Главная инвентарная книга ГИМ дает ответ, как фотография оказалась в его фондах. Она поступила сюда в числе других изобразительных материалов в 1955 г. от внучки иркутского купца, бывшей сотрудницы Исторического музея Софьи Николаевны Басниной. Эта фотография, и притом с автографом В. Н. Баснина — настоящая реликвия.

26 мая 1868 г. высокопреосвященный Иннокентий вступил впервые под своды Успенского собора Московского Кремля, а 31 мая на экстренном поезде выехал в Троице-Сергиеву Лавру, где пробыл до 2 июля. В этот лаврский период было сделано пять фотографий, которые, напечатанные большим тиражом, разошлись по всей России, и именно они стали прототипом для литографических портретов. Лаврские фотографии — трех основных видов. Два первых отличаются лишь числом наград: на одном, кроме пангии, две звезды — орденов Св. Александра Невского и Св. Владимира (ГИМ. ИВИ-11874; ИВИ-11875; 21_20349_95/71); на другом Иннокентий изображен также в клобуке и рясе, с пангией, но здесь мы видим почти все имевшиеся у него награды и крест с украшениями (ГИМ. 21_02303_82086/51). Третий вид фотографии 1868 г. — Иннокентий предстает в полном митрополичьем облачении, с жезлом в левой руке, правая рука — в благословляющем жесте, на груди из-под мантии видны награды (ГИМ. ИВИ-11876; ИВИ-11877).

Свою последнюю награду — орден Св. апостола Андрея Первозванного Иннокентий получит в 1871 г. после четырехлетней службы на кафедре Московской, но ни на одной из фотографий этого ордена нет. Следовательно, можно сделать вывод, что, говоря современным языком, фотосессия 1868 г. в Лавре была почти единственной. Лаврские фотографии, наклеенные преимущественно на бланки «визит-портрет» собственной фотографии Троице-Сергиевой Лавры (размер бланка 10,5 x 6,5, отпечатка — 9,1 x 5,7) продавались повсеместно в Москве на протяжении всего времени, когда Иннокентий

занимал кафедру Московской митрополии. На фотографиях под изображением напечатано — «Высокопреосвященнейший Иннокентий. Митрополит Московский и Коломенский», на некоторых ниже — «Собственность фотогр. Троице-Сергиевой Лавры»; на обороте штамп — «Фотография Троице-Сергиевой Лавры». Таким образом, эти надписи, а также облачение митрополита, его поза, атрибуты интерьера показывают, что перечисленные выше фотографии выполнены в Лавре и не позднее 2 июля 1868 г., так как уже на литографиях, выполненных с этих фотографий, указано, что цензурой они одобрены и стоят июньские даты: 1, 4, 10, 11, а также 20 и 27 июля. Удалось установить и имя автора снимков.

Среди фотографий, выполненных в июне 1868 г., есть единственная семейная фотография Иннокентия. На ней он изображен с сыном, священником Гавриилом и внуком, семилетним Евсеем, которые приехали вместе с ним из Благовещенска (Рис. 2). Эту фотографию также можно найти в отдельных изданиях, однако никогда не указывается, где, когда и кем она сделана, либо датируется ошибочно (например, в «Православной энциклопедии» указана дата — 1879 г.). На экземпляре из собрания ГИМ под изображением читаем: «Фотогр. Троице-Сергиевой Лавры. Фотогр. Ф. Осипов» (ГИМ. ИВИ-11878). Сравнивая эту семейную фотографию с фотографиями, на которых Иннокентий изображен один, можно убедиться в том, что сделаны они в одном и том же месте, в одно и то же время. Таким образом, именно он, Феофан Григорьевич Осипов, один из известных мастеров Лавры, первым сфотографировал только что вступившего на кафедру Московскую Иннокентия. Публикуя в 1873 г. реестр выполненных им фотографий и продающихся в Лавре, Феофан Осипов в двух разделах указывает портреты митрополита Иннокентия. Этот реестр подтверждает: Осипов был автором фотопортретов Иннокентия. Из реестра мы также узнаем, что карточки («визит-портрет») стоили 10 коп. серебром, а фотографии большого размера — 50 коп. серебром [6, с. 7. № 163; с. 12. № 32]. О Ф. Г. Осипове можно найти сведения в известном словаре-справочнике А. П. Попова [7, т. 2. с. 678, 777].

Кроме работ Осипова, встречаются портреты, выполненные еще двумя мастерами: московским фотографом Михаилом Петровичем Настюковым (ГИМ. ИВИ-11872) и петербургским мастером Вильгельмом Везенбергом (ГИМ. ИВИ-11873_15493/ш; 21_02294_95171). Сравнение портретов показывает, что подлинная, точнее первичная, — московская фотография. Петербургский фотограф просто переснял ее, растиражировал, наклеил на бланк собственной фотографии и продавал в Петербурге.

Фотографии 1868 г. работы Ф. Г. Осипова тогда же, в июне 1868 г. легли в основу множества литографических портретов Иннокентия. Все 9 литографий, хранящиеся в фонде РГБ, выполнены в Москве именно в 1868 г. разными литографическим заведениями, в том числе литографией А. Руднева (3 типа изображений; 6323-38; 96493-0; 96494-0), А. И. Стрельцова (96491-0), Шарапова (6187-38), Чередеева (96495-0), А. В. Морозова (9671-38) (Рис. 3) Е. Яковлева (96496-0). Место издания одной литографии не было указано (96492-0). Одна гелиографюра выполнена в Петербурге П. П. Протасовым в 1894 г. (48603-54), в основе ее также лежит фотография 1868 г. (Рис. 4).

Иконографический тип портретов скромен. Можно говорить о двух типах: поколенном изображении святителя в рясе и клобуке, с длинными седыми волосами, с окладистой раздвоенной бородой, с четками в левой руке, с наградами (панагия и две звезды ордена) или поколенном изображении святителя в митрополичьем облачении.

Интересно отметить, что эти литографии относятся к народным картинкам и хранятся в библиотеке в фонде лубка. Действительно, эти литографические портреты изготавливались самым дешевым способом, на самой дешевой бумаге, большими тиражами — до тысячи и более можно было напечатать с одного камня. Это обуславливало их дешевизну. Они продавались в магазинах, на ярмарках и развозились по всей России. Но вследствие чрезвычайной хрупкости материала литографии быстро ветшали. Поэтому они сохранились большей частью в частных коллекциях, владельцы которых берегли их. Именно из частных коллекций литографические портреты Иннокентия перешли в музейные и библиотечные собрания. Так, например, в собрание ГИМ они поступили от владимирского дворянина Михаила Петровича Строилова (1842–1895) и московского купца Петра Ивановича Щукина (1853–1912).

Есть сведения об одном из графических портретов Иннокентия английской работы, однако изображения такого найти не удалось [8, с. 9]. Также в литературе упоминается литография Леонтьева по рисунку художника Кулакова, однако поиски ее не дали результатов [8, с. 9].

Третий период, современный, наступил в 1977 г. В том году определением Синода Иннокентий был причислен к лику святых. А вскоре произошло еще одно важное событие — 1997 год Русская Православная Церковь объявила Годом святителя Иннокентия по случаю 200-летия со дня его рождения. К образу святителя обратились не только иконописцы, но и художники и скульпторы.

Художники М. Яковлев и О. Кузьмин выполнили его живописный портрет, который был напечатан в 1997 г. в формате открытки Троице-

Сергиевой Лаврой и широко разошелся по стране. Вероятно, им также принадлежит графический рисунок святителя Иннокентия, который печатали на открытках, конвертах и других изданиях юбилейного года. В основе портрета лежат фотографии 1868 г. Отметим, что на живописном портрете к числу наград, изображенных на оригинале, добавилась цепь ордена Св. Апостола Андрея Первозванного. Это единственное изображение святителя с высшей наградой Российской империи, которую он получил в 1871 г.

Вероятно, тогда же был исполнен живописный портрет святителя, находящийся в резиденции митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия (Лопухинские палаты Новодевичьего монастыря) [9, с. 31].

В 1999 г. в Анкоридже (США) вышел сборник, посвященный Русской Америке. На его страницах напечатаны три картины, связанные с американским периодом жизни святителя: художника Николая Соломина, запечатлевшего Иоанна Вениаминова с семьей на палубе судна, пересекающего Тихий океан, во время первого плавания в Русскую Америку; иностранного художника Остина Дюэля, изобразившего крестный ход вокруг собора Св. Михаила на Уналашке; Николая Колупаева, запечатлевшего Иннокентия во время священнослужительства в Ситке [10, с. 15, 55, 63].

Среди живописных работ следует назвать в первую очередь картины московского художника Филиппа Москвитина (род. в 1974). Первая его картина была написана в 2010 г. — «Свт. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, апостол Сибири и Америки (холст, масло; 220 x 110), последняя — «Святитель Иннокентий Вениаминов причащает алеутов» (холст, масло; 130 x 140) — в 2017 г. (Рис. 5). Художник напряженно трудится над живописной сценой, посвященной Иннокентию, желая отразить основные вехи его апостольской деятельности [11, с. 258–274; 12].

Московский скульптор-монументалист Александр Николаевич Провоторов (род. в 1959) еще в 1996 г., накануне 200-летия со дня рождения Иннокентия, задумал проект памятника для г. Ленска (Якутия-Саха). Тогда проект не был воплощен. Скульптор продолжает работать над композицией «Иннокентий учит детей», надеясь отлить ее и установить в одном из городов Восточной Сибири (Рис. 6).

Художник-прикладник Илья Павлович Вьюев (род. в 1944) задумался над образом святителя Иннокентия, решив создать серию «Герои Русской Америки» [13, с. 48–55]. Работа началась в 2010 г. и продолжается. В скульптурной галерее исторических личностей, связанных с периодом Русской Америки, есть святые и пастыри, герои первой и второй Камчатских экспедиций, дипломаты и чиновники,

«Птенцы гнезда Петрова», ученые и преподаватели навигацкой школы. Все те государственные и церковные деятели, исследователи, моряки, первопроходцы, чьими усилиями прирастала наша страна на своих восточных рубежах. Один из центральных образов скульптурной галереи — образ святителя Иннокентия. Ему мастер посвятил уже десять композиций. Здесь и портреты, и сюжетные композиции, в том числе и многофигурные, и проекты памятников.

Проект памятника для Иркутска, созданный в 2014 г., передает образ святителя как носителя «благой вести», неутомимого путешественника, просветителя, пастыря — именно таким был подвижнический путь Иннокентия. Он изображен идущим, с дорожным посохом (вариант — с Евангелием в руке), в рясе и камлавке. На всех сторонах трехчастного постамента — изображения, в том числе иркутского Благовещенского храма, и в картуше на средней пирамидальной части — краткая летопись жизненного пути Вениаминова.

Одна из многофигурных композиций, над которой автор работал в 2015 г., получила название «Якутские чтения Иннокентия Вениаминова» или «Якутские переводы». Мастер сумел передать беседу единомышленников, обсуждающих тонкости якутского языка, особенностей перевода священных текстов, планов миссии.

Среди работ мастера выделяется триптих «Жития святого Иннокентия», завершённый в 2011 г. (Рис. 7). Он включает три сюжета из жизни святителя, посвященных апостольскому служению его на Аляске, объединенных общим пластическим и композиционным решением. Мастер нашел интересное решение, когда силуэтная уплощенная скульптура в то же время остается круглой, ее можно обозревать со всех сторон, и она словно воспроизводит в скульптурном объеме житийные сцены традиционной русской иконописи.

Центральная композиция «Путь через океан» изображает Иннокентия на лодии, символизирующей Церковь. Святитель управляет кормилом (веслом) — будущим епископским посохом. Православный крест — мачта с реей и наполненным ветром парусом, на мачте летящий голубь — Дух Святой и хартия с азбукой, знаменующей просветительскую деятельность миссионера. У подножия мачты — ящик с ремесленными инструментами, также имеющий символическое значение: Иннокентий обучал аборигенов Аляски различным ремеслам, сам ими прекрасно владея.

Левая композиция «Роща бисхопа Вениаминова» напоминает о деянии миссионера, повторяющего подвиг многих православных

подвижников, когда долгое время надо было завозить на лодке с материка землю, на которой потом он высаживал привезенные, и также с материка, кедры, которые там прижились. Это единственная роща на тех совершенно безлесных островах, где суровые климатические условия, особенно сильные ветры, не позволяли укорениться иной растительности, кроме тундровой. Эта роща — особая гордость жителей Уналашки, где начинал свой путь миссионер Иннокентий. Она сохранилась и носит его имя — священника Вениаминова. Правая композиция — «Иннокентий и орлан». В своей основе она, как и левая композиция, имеет реальные события. Иннокентий подобрал, выкормил и воспитал птенца белоголового орлана, который ходил за ним как преданная собака и кормился из его рук. Не случайно именно эта композиция привлекла внимание создателей музейной экспозиции на родине святителя, в селе Анга Иркутской области. Триптих, созданный мастером, призван украсить музей. Открытие его 8 сентября 2017 г. приурочено к юбилейным торжествам на иркутской земле, посвященных Иннокентию.

Другой московский скульптор-монументалист Дмитрий Владимирович Кукколос (род. в 1972) в 2012 г. создал скульптурный портрет Иннокентия (бронза, высота 115 см) для бывшей митрополичьей дачи в Черкизове при храме пророка Божия Илии. Бюст предназначался для установки на постаменте в сквере перед дачей. Однако по некоторым причинам он не был поставлен и потому было принято решение передать бюст в дар Иркутску, установить в сквере рядом с собором Богоявления. Открытие памятника 7 сентября 2017 г. приурочено к торжественным мероприятиям, связанным с 220-летием со дня рождения святителя Иннокентия (*Рис. 8*).

Вероятно, еще есть работы наших современников, которые не попали в поле зрения автора статьи.

Работа над темой позволила атрибутировать ряд фотографий святителя Иннокентия, выявить неизвестные литографические портреты, раскрыть историю его первых изображений в живописи и графике. В статье представлены работы наших современников, которые, к сожалению, часто остаются в собственности самих создателей, не имеющих возможности показать их широкой публике. Автор статьи надеется, что, публикуя их, привлечет внимание тех, кто сможет использовать созданные художественные произведения в целях просвещения и возвеличивания святителя Иннокентия, Апостола Сибири и Америки.

Литература

1. Зеленина Я. Э., Лопухина Е. В. Иннокентий (Вениаминов). Иконография // Православная энциклопедия. Т. XXII : Икона – Иннокентий. М. : Православная энциклопедия, 2014. С. 714–716.
2. Барсуков И. П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по сочинениям, письмам и рассказам современников. М. : В Синодальной Типографии, 1883. VIII, 769, 14, XIV, [2] с.; 5 л.
3. Петров Н. И. Указатель Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1880. 60 с.
4. Петров Н. И. Указатель Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. 2-е изд., испр. и доп. Киев : Тип. ун-та св. Владимира, 1897. 292 с.
5. Барсукова З. Н. Просветитель сибирских стран Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. СПб. : Тип. товарищ. «Обществ. польза», 1901. 91 с.
6. Список фотографических снимков в фотографии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры // Фотограф Феофан Осипов. М. : Тип. Т. Рис, 1873. 39 с.
7. Попов А. П. Российские фотографии (1839–1930): словарь-справочник: в 3 т. Т. 2. Коломна : Музей органической культуры, 2013. 292 с.
8. Выставка в память митрополита Филарета по случаю 40-летия его кончины: каталог выставки в память митрополита Филарета по случаю 40-летия его кончины (19 ноября 1867 г.). М. : Печатня А. И. Снегирева, 1907. 16 с.
9. Святитель Иннокентий (Вениаминов). Быть полезным Отечеству. М. : Сретенский монастырь, 2009. 590 с.
10. Russian America. Anchorage, 1999. 96 p.
11. Ефимовская В. В. Света источник: о творчестве современного русского художника Филиппа Москвитина // Родная Ладога. 2010. № 4.
12. Филипп Москвитин. Живопись: буклет / сост. Н. М. Полунина. М., 2013. 32 с.
13. Липилина И., Росер В., Росер Г. Знакомьтесь, Вьюев! // Искусство. 2014. № 2. С. 48–55.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СВЕТСКОЙ И ДУХОВНОЙ ВЛАСТИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

В статье рассматривается история взаимоотношений Русской Православной Церкви и государства — от диалога и содружества до дуалистической дискуссии и воинствующего атеизма.

Ключевые слова: *Русская Православная Церковь, сакральное и профанное, секулярное и мирское, антиномия, теократия.*

Marina R. Manyakhina

THE RELATIONSHIP OF SECULAR AND SPIRITUAL POWERS IN RUSSIAN HISTORY

The article examines the history of the relationship between the Russian Orthodox Church and the state — from dialogue and commonwealth to a dualistic discussion and militant atheism.

Keywords: *Russian Orthodox Church, sacred and secular, worldly and profane, antinomy, theocracy.*

Глобализация, став одной из главных черт современной эпохи, вызывает не только интенсификацию «цивилизационных контактов», но и порождает этнические, социальные, религиозные и культурные конфликты. В связи с этим, помимо вопроса об идентичности и разделении духовных традиций и интеллектуальных парадигм, актуализируется вопрос о взаимодействии и взаимовлиянии церкви и государства. Часто эти контакты оценивают в терминах «столкновения» и «борьбы», или «содружества» и «диалога». Необходимо отметить, что в истории цивилизаций эти контакты приводили как к конфликтам и размежеванию, так и к взаимному обогащению и трансформации культур, а иногда и порождали новые, отличные от предшествующих, духовные традиции, которые становились стержнем новой

---

* *Маняхина Марина Ревовна, д-р культурологии, профессор кафедры социально-политических наук Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича.*

Manyakhina Marina Revovna, doctor of culturology, professor of the Department of Social and Political Sciences of the St. Petersburg State University of Telecommunications of Prof. M. A. Bonch-Bruevich.

E-mail: dekanat-gf@mail.ru

цивилизационной идентичности: возникновение и становление христианской цивилизации тому пример.

Существуют экзистенциальные вопросы, поисками ответов на которые занимается мыслящий человек и с которыми, так или иначе, сталкивается всякий. К таким вопросам относятся проблема осмысления всего спектра отношений между сакральным и профанным в культуре и обществе.

Христианство дает свои ясно сформулированные ответы на эти вопросы, но в основных его изводах (направлениях) — протестантские идеологии, католичество, православие — ответы эти часто не совпадают, а порой и приобретают характер антиномии.

С другой стороны, светские идеологии — коммунистические, либеральные и т. д. — носят секулярный характер, стремясь вытеснить религию за пределы важнейших областей жизни (политики, культуры, образования и др.). Следует отметить, что секулярная мысль России формируется под влиянием секулярной мысли Запада, которая, в свою очередь, есть не что иное как продукт разложения и обмирщения многообразных протестантских богословских концепций (не только их одних, но преимущественно таковых). Тем самым в России создается парадоксальная ситуация духовного конфликта и напряжения между традиционными православными ценностями, псевдотрадиционными и неотрадиционалистскими (славянофильствующими или русофобскими, в зависимости от симпатий носителей), с одной стороны, и секулярными (постпротестантскими и посткатолическими или либеральными) — с другой.

Сегодня вновь активно обсуждается проблема о противостоянии России и Запада: о самобытности и особом пути России или о ее «нецивизованности». Для образованного человека наше отличие очевидно: Россия как восточная цивилизация имеет только ей присущие неповторимые черты культуры, отличные от западной цивилизации. Корни отличия в том, что Россия наследовала восточную ветвь расколовшегося христианского мира. Тысяча лет русской истории — это история восточного христианства, «с его мистико-спиритуалистическим акцентом, хорошо усвоенным опытом Платона и неоплатоников, исихастами, тогда как западная ветвь — европейская — последнее тысячелетие развивалась с опорой на Аристотеля, Августина и Фому Аквинского, подготовивших идейное торжество рационализма, и в отрицании хорошо усвоенного урока борьбы с гностиками); но здесь и корни единства: в обоих случаях это была христианская цивилизация, имевшая общим опытом становления предыдущее тысячелетие — от раннехристианской церкви и поздней античности» [1, с. 261–264].

Поэтому осмысление современных культурологических конфликтов и связанных с ними мировоззренческих проблем, посвященных предельным, экзистенциальным вопросам, представляется не только оправданным и чрезвычайно продуктивным, но и *смыслообразующим дискурсом*, столь необходимым в современном мире, где смыслы искажаются, ценности рушатся, культуры деградируют, а социум «взрывается». Этот анализ чрезвычайно важен и полезен, поэтому продуктивным было бы рассмотреть историю взаимоотношений церковной и светской власти в России.

Христианская церковь — это тип религиозного сообщества, организационная форма религии, которая стала универсальной, оторвавшись от специфического «витального» сообщества, тем самым обремененная новой функцией — миссионерской («спасти», «поставить на путь истины»). В этом типе религиозной организации также складывается традиция, а духовенство является ее хранителем и посредником в передаче религиозного наследия. Христианская церковь стала самостоятельным институтом, функционирование которого в исторической действительности было связано с тем, что церковь должна была осуществить «соединение временного и вечного, ценности и данности, нетленности и гнущегося» [5, с. 60], т. е. соединить в теле «христовом» две антиномии — мир сакральный и мир профанный. В этой антиномичности — существенное свойство религии и церкви.

В Русской церкви взаимоотношения сакрального и профанного, мирского и светского, церкви и государства основаны на православно-каноническом строе. Но в то же время эти два института власти не были равнозначными в государственном устройстве страны. Православная теология сформировала целостную систему представлений о месте и роли церковной и светской власти. В соответствии с ее принципами церковь как институт стремилась к отрешению от профанного мира и не искала осуществления в форме государства. Она осознавала себя как явление само в себе конкретное и живое, поэтому действовала в своей, чисто духовной сфере. Историк П. Громов отмечал, что в отличие от католических, православные церковные иерархи не вели упорной борьбы с целью установить в мире господство теократии и подчинить себе все сферы человеческой жизнедеятельности — государство, экономику, искусство и т. д., хотя им присуще желание «интернационализации» своей власти. Такая позиция была связана с логикой развития религиозной системы православия, которое не стремилось установить тоталитарное управление над обществом. Напротив, Православная церковь желала отграничить себя от государства. В то же время, признавая в нем отдельную,

самостоятельную сферу, церковь требовала от государства ее признания. Церковь утверждала, что светская власть не от нее, а от Бога, а она только призвана облекать в эту власть избранного из своей среды. В свою очередь представители духовной власти, через которую она действует, посвящаются на свое служение не внешнею, земною властью, а через священное таинство. Поэтому в своей сфере они независимы от государства: не государство дает им власть, и не ему дано право отнять ее.

В то же время церковь признает, что избранные духовные лица, представляющие ее, не составляют отдельного государства, они живут и действуют в нем наравне со всеми другими лицами, подчиняющимися верховной государственной власти. В этом отношении духовные лица могут пользоваться правами, данными им государством, как сословию, например, правом владения именьями и гражданского судопроизводства. Эти права церкви дает государство и поэтому может их отнять. Светская власть, осознавая свою неустойчивость, кроме того, что опирается на практику репрессивного ограничения, стремится к подкреплению ее «облачением» в сакральные одежды, придав официальный статус с целью идеологического воздействия на массы. Таким образом, церковь и государство в своих областях независимы друг от друга, и в то же время оказывают взаимное влияние: церковь сакрализует верховную государственную власть, дает ей религиозное значение и ограничивает лишь христианской совестью. Государство же защищает церковь от внешних нападений, содействует ей в искоренении злоупотреблений, охраняет интересы ее представителей и в своей сфере держит их в зависимости от своей власти [2, с. 599–600].

Таковы взаимоотношения церкви и государства по духу православия. Но в реальной истории страны равновесие сил государства и церкви существовало не всегда, нередко один из институтов власти стремился возвыситься над другим, подчинив его себе.

В истории Русской церкви до Петра I П. Громов выделяет два периода. Первый продолжался от основания православного церковного института в Древней Руси до правления Иоанна III, т. е. до образования Русского государства как единого целого политического «тела». Этот период характеризуется преобладанием в жизни общества церковного элемента над государственным. Церковные иерархи были активно включены в политическую жизнь страны, сакрализуя и направляя ее, оказывая влияние на все важнейшие государственные мероприятия — мир, войны, административные распоряжения, а также имели значительную власть над удельными князьями. «Примат церковной власти в жизни государственной можно объяснить двумя причинами:

первая связана с периодом до татарского нашествия, когда процесс становления русского централизованного государства протекал в историческом времени достаточно долго и существовал только в перспективе. Поэтому церковь была автономна от власти государства, которое на первых порах своего существования поглощалось церковью. На все документы государства налагалась печать церковности. Государство осуществляло политику в рамках церковности. Предстоятели церкви, не обладая политической властью, оказывали влияние на жизнь государственную. Это был период не «внешнего», а «внутреннего» господства церкви, основанного лишь на религиозно-нравственном авторитете ее представителей и большом практическом значении христианской религии в жизни людей. Таким образом церковь существовала в форме средневекового теократического варианта» [2, с. 595–599, с. 602–603].

Второй период начинается с формирования Русского государства при Иоанне III и продолжается до Петра I, точнее до смерти патриарха Адриана и учреждения Св. Синода. Этот период характеризуется конфронтацией светского элемента с церковным за разграничение этих двух сфер. П. Громов отмечал, что «в ходе исторического развития государства его насущные потребности стали все более и более заявлять свои права на их осуществление; государство стало постепенно втягиваться в общую систему европейских государств, приобретая современное положение. Параллельно с усложнением государственной жизни и с расширением обязанностей и деятельности государственной власти суживался очерченный круг прав церковной власти. Взаимоотношения двух ветвей власти изменялись: церковь была подвержена массивному воздействию со стороны государства и в конце концов была обращена в «ведомство православного исповедания» [2, с. 598–599, 602–603].

Этот период также можно разделить на два этапа. Первый — до учреждения патриаршества: церковь была свободна от слабого, не сформировавшегося в политическом плане государства и поэтому, со своей стороны, лишена оснований для противодействия ему, но принимала на себя функции и полномочия государственной власти. Второй этап связан со временем учреждения патриаршества церкви (1589 г.), получившей в лице патриарха «приращение власти», стремящейся к расширению своих прав, к выходу за пределы религиозной сферы. Государственная власть, в свою очередь, также стремилась утвердить свою независимость от церкви. *Этот период можно назвать периодом дуалистической дискуссии церкви и государства.*

Радикальный перелом в пользу примата авторитета государства и его абсолютистской тенденции над угасавшей средневековой теократией произошел в период петровских преобразований, обусловленных исторически. Начатые Петром I реформы явились логическим продолжением ранее ведущейся русскими царями (начиная с Иоанна IV) политики подчинения церковного института светской власти. Поэтому с приходом к власти Петра I неотъемлемым атрибутом всех его преобразований, да и последующих, стала секулярная тональность.

Петр I, стремясь устранить «двойника» государства и самостоятельность церкви, должен был отменить единоличную власть церкви и в церковно-политических целях подчинить ее своей самодержавной воле. Теократия должна была уступить протестантской системе примата государства, облеченного в форму монархии, с его утилитарными потребностями. Империя всегда подразумевает примат авторитарной государственности. И какое бы важное значение не имел религиозный институт, он в отношении к светскому началу власти всегда носит подчиненный характер. И. Л. Солоневич отмечал, что «вся та политическая конструкция, которая возведена была в России в результате петровских реформ, была *нерусской* конструкцией и *никак не* устраивала русский народ. Советская революция есть логическое завершение или логический результат именно этой конструкции — результат полной оторванности “верхов” от “низов”, “интеллигенции” от “народа”, “разума” от “инстинкта” — или, если хотите, — “теорий” от “интересов”» [3, с. 14].

Советские десятилетия оказались наиболее трагичными для религиозной жизни страны. Это был период репрессивной и тотальной секуляризации, принявшей форму «воинствующего атеизма», возведенного в ранг государственной политики. Социалистический секуляризм стал кульминацией в развитии взаимоотношений между двумя институтами власти (светской и духовной), так как он провозгласил отделение церкви от государства. Церковь была лишена не только права юридического лица, но и статуса общественной организации «по причине реакционного и антикультурного характера деятельности» [4, с. 62]. Следует отметить, что репрессивная политика государства была направлена в первую очередь на Русскую Православную Церковь. Апогеем этой политики стали конец 1920-х — начало 1930-х гг. Д. В. Поспеловский отмечал в связи с этим, что «восстановление справедливости по отношению к духовенству было

гораздо более редким явлением, чем противоположные процессы» [4, с. 62].

Но сужение сферы действия церковного института не означает уничтожения авторитета и присутствия религии в жизни общества. У секуляризации есть другая, не менее существенная сторона: как общественный процесс она разворачивается тогда, когда существующий до этого религиозный уклад жизни исчерпывает свои духовные и социальные возможности, возникает потребность в его переконструировании. Секуляризация не устраняет религиозной потребности личности. В какой-то мере она приводит формы выражения этой потребности в соответствие с изменяющимся контекстом бытия верующих. Секуляризация объективно способствует установлению оптимального для изменяющихся условий строя религиозной жизни, стимулирует церковь к пересмотру и отказу от неэффективных форм организации, к включению ею механизмов адаптации. При всем драматизме судеб конфессиональных сообществ в советский период следует отметить, что одной из причин произошедшего стала беспомощность прежней модели религиозной жизни.

В то же время диктатура атеизма стала «пробным камнем» для проверки «качества» религиозного начала в человеке, которое раскрылось как основа его личности. С устранением конфессиональной монополии на первый план выходят не формальные, а сущностные параметры религиозности — удерживается и сохраняется то, что не конъюнктурно, а выражает саму суть религиозной потребности. Несмотря на то, что религия перестала быть доминантой общественного сознания, она продолжала оставаться и в советский период составной частью национальной культуры. В новых условиях изменилось лишь положение религии и степень ее воздействия на общество. В период радикальной перестройки государственной жизни в 1990-х гг. именно церковь оставалась для широких масс населения моральным авторитетом, носителем национальной традиций, исторической памяти народа.

Сакральное — это сфера не материальная, а семиотическая, т. е. сфера значений. Для верующего человека духовность там, где Святой Дух. Можно уничтожить храм, но уничтожить память о нем у народа невозможно. Отец Павел Флоренский писал, что «человек — сам живое единство бесконечности и конечности, вечности и временности, безусловности и тленности, необходимости и случайности, узел мира идеального и мира реального, “связь миров”» [5, с. 58–59].

Литература

1. Абрамов, С. А. Россия и Запад: христианская идея Логоса как историческое обоснование нашей общности // Диалог культур в условиях глобализации: XI Международные Лихачевские научные чтения, 12–13 мая 2011 г. СПб. : СПбГУП, 2011. Т. 1: Доклады. С. 261–264.
2. Громов, П. Преобразовательная деятельность Петра Великого по церковному управлению // Вера и разум. Харьков, 1890. № 22. С. 598–638; 1891. № 1. С. 1–22; № 2. С. 95–110.
3. Солоневич, И. Л. Народная монархия = Monarquía popular. [3-е изд.]. Буэнос Айрес : Наша страна, 1973. 494 с.
4. Поспеловский, Д. В. Русская православная церковь в XX в. М. : Республика, 1995. 509 с.
5. Флоренский, П. А. (свящ.; 1882–1937). Собрание сочинений. Философия культа: (Опыт православл. антропологии). М. : Мысль, 2004. 685 с.

УДК 281.93:257(571.56)

И. И. Юрганова*

ИНКОРПОРАЦИЯ ЯКУТСКОГО КРАЯ В РОССИЙСКУЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: СОЦИАЛЬНАЯ И УЧЕБНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУХОВЕНСТВА

В статье рассматриваются социальная и учебно-просветительская деятельность духовенства Якутии в контексте его цивилизационной составляющей инкорпорации края в состав российской государственности. Определено, что социально-просветительское направление деятельности Православной церкви способствовало привлечению населения к христианской культуре, а духовенство выступало в качестве трансляторов цивилизационных

---

* Юрганова Инна Игоревна, канд. ист. наук, ст. научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск.

Yurganova Inna Igorevna, PhD in History, senior researcher in the Institute of Humanitarian Research and the Problems of Minority Peoples of the North of the SB RAS.

E-mail: inna.yurganova@mail.ru

ценностей. Установлено, что территориально-климатические особенности Якутии обусловили приоритет Православной церкви в социально-просветительской деятельности, так как государственные учреждения данного профиля возникали позже и вслед за церковными.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь в Якутии, социальная деятельность церкви, учебно-просветительская деятельность духовенства, церковные школы, церковная благотворительность, приходские попечительства, Якутская духовная семинария, колония прокаженных.

Inna I. Yurganova

INCORPORATION OF YAKUTIA REGION INTO RUSSIAN STATEHOOD: SOCIAL AND EDUCATIONAL ACTIVITY OF THE CLERGY

The article considers social and educational activities of the clergy of Yakutia in the context of its civilizational component to the incorporation of the region into the Russian statehood. It was determined that the social and educational activity of the Orthodox Church contributed to the attraction of population to the Christian culture and the clergy acted as deliverers of civilizational values. It was established that the territorial and climatic characteristics of Yakutia led to the priority of the Orthodox Church in social and educational activities, as the state institutions of this profile arose later and after Church-related ones.

Keywords: *Russian Orthodox Church in Yakutia, the Church's social action, educational outreach clergy, Church schools, Church charity, parish guardianship, Yakut theological seminary, colony of lepers.*

На протяжении тысячелетия Русская Православная Церковь занималась просвещением и благотворительностью. Формы и методы социальной работы церкви варьировались в зависимости от потребностей времени и обстоятельств и определялись каноническими правилами жизни православного христианина, обязывающими быть милосердным, жертвовать и благотворить. Одной из задач было воспитание христианской морали, нравственности и благочестия.

Социальное служение церкви распространялось на все категории населения: обеспеченных и нищих, осужденных и находящихся в тюрьмах, здоровых и больных, многодетных и сирот. В задачи духовенства входило воспитание паствы, в том числе в проповедях и

духовных беседах с прихожанами. В проповедях разъяснялись не только основные заповеди христианской морали, но и рассказывалось о происходящих в мире, стране, епархии и регионе событиях, о пользе ведения сельского хозяйства и оседлости, пропагандировался трезвый образ жизни. Именно священник был ответственен за нравственное состояние своей паствы.

Активное развитие всех форм социального служения Русской церкви (государственное, общественное и частное) относится к XIX в. — времени, когда сфера социальной деятельности была уже освоенным, но еще не систематизированным пространством и социальное служение можно было соотносить как с духовной (духовное окормление паствы и всех нуждающихся, попечительство о тюрьмах, церковные школы, издательское дело), так и с материальной (содержание школ, богаделен, домов трудолюбия, приходские попечительства и др.) сферами.

После безуспешных попыток светской власти прививать население от оспы император Николай I обратился за помощью к Православной церкви. Указом 1830 г. предписывалось прочтение в храмах поучения о пользе прививки (не менее трех раз в год), а с 1839 г. священнослужителям был поручен контроль за оспопрививанием [1]. В 1866–1868 гг. духовенство Якутской области, в связи с недостаточностью медицинских кадров, приняло обязанности по оспопрививанию прихожан [2, с. 328–329]. Впоследствии церковные причты Якутии отказались от этой практики, так как она занимала много времени, но во время поездок по приходам священнослужители проводили разъяснительную работу и ежегодно доставляли в оспенные комитеты сведения о численности привитых детей.

Якутия, со времени включения ее территории в состав Русского государства, была местом ссылки, и все ссыльные, исповедующие православие, окормлялись местным духовенством. В обязанности священнослужителей входило устройство храмов и молитвенных комнат на территории тюрем, совершение богослужений, проведение пастырских бесед с заключенными, распространение духовной литературы и составление специальных молитвословов. В г. Якутске при тюремном замке действовала Александро-Невская тюремная церковь, расположенная в здании тюрьмы, имеющая отдельный причт, получавший государственное жалование и ружное содержание.

Еще одной из форм социальной работы якутского духовенства стала организация помощи больным проказой¹. В 1891 г. в г. Якутске был

---

¹ Проказа (лепра) — тяжелое инфекционное хроническое заболевание, поражающее кожу, верхние дыхательные пути, кисти и стопы.

создан комитет помощи прокаженным, построена колония и возведен храм с отдельным причтом, церковная утварь для которого была приобретена на пожертвования, собранные жителями Москвы и Иркутска.

Во второй половине XIX — начале XX в. начинают складываться традиции благотворительности, находящей выражение в строительстве и обустройстве храмов. Купцом 2-й гильдии И. Я. Шиловым-вторым были переданы крупные суммы на строительство монастыря, Градо-Якутской Николаевской, Охотской и Гижигинской церквей. Тунгусом С. Соломоновым была построена часовня, снабженная всей необходимой церковной утварью. Купец Ф. И. Лепчиков пожертвовал свой дом для приходского училища, купец П. И. Захаров передал свой дом в г. Якутске женской гимназии, став ее попечителем, выделял средства для приобретения мебели и учебников. Храмы и церковные школы Олекминского округа поддерживались благотворительностью купца С. И. Идельгина.

Меценатами были не только представители купечества. В рапорте благочинного Колымских церквей священника А. Трифонова за 1892 г. упоминается о пожертвовании чукотским головой П. Арарой 50 оленей в пользу церковно-приходского попечительства, с тем «чтобы эти олени были розданы бедным жителям прихода весной, когда ощущается большая нужда в жизненных припасах» [3].

В 1864 г. императором было утверждено «Положение о приходских попечительствах при православных церквях», ставшее основой создания приходских благотворительных учреждений. Задачами попечительств являлись благоустройство церквей, обеспечение благосостояния причтов, организация первоначального обучения детей и благотворительная деятельность. Средства попечительств формировались из членских взносов, добровольных пожертвований, кружечных сборов и процентов от церковных капиталов.

В Якутии приходские попечительства стали создаваться с 1880-х гг. в составе непременных (постоянных) и выборных членов, где первыми были члены причта и церковный староста, а выборные избирались из уважаемых прихожан.

Преимуществом церковно-приходских попечительств являлось их функционирование под сенью церкви, воспитывающей чувства сострадания к ближнему, и предполагалось, что компактно проживающие в определенной местности прихожане должны быть осведомлены о нуждах и проблемах ближнего и необходимости оказания помощи. В условиях Якутии данный аспект сопричастности терял свою актуальность в связи как со значительностью территории приходов, так и обособленностью проживания семей.

Положение о попечительствах не стремилось направить их деятельность в реальную филантропию и предоставляло свободу выбора между заботой о надобностях церкви и ее причта или же оказанием попечения и материальной помощи бедным прихожанам. В практической деятельности в центральной части империи это привело к предпочтению целей первого направления, но в Якутии приоритетным стало «обустройство» обучения детей. Содержание церковно-приходских школ и школ грамоты епархии во многом зависело от средств, собранных попечительствами, что предусматривало приобретение и содержание школьных зданий и зданий пансионов (общежитий).

Эффективность приходской благотворительности зависела, в том числе, и от инициативы духовенства (священников и псаломщиков), и размеры сборов попечительства были пропорциональны усердию приходских причтов.

К началу XX в. приходские попечительства были открыты в 13 приходах Якутской епархии [4]. В большинстве храмов они учреждались одновременно или вслед за созданием церковно-приходских школ и школ грамоты, как гарантия обеспечения их деятельности.

Особое значение для помощи неимущим должно было иметь развитие системы приходского попечительства в сельской местности, так как все благотворительные учреждения области были сосредоточены в г. Якутске. В приходах требовались средства на ремонт храмов и содержание учебных заведений, и приходские попечительства расходовали свои средства на эти цели в ущерб благотворительности.

Причины недостаточного развития приходского попечительского движения в Якутской епархии имели как объективный, так и субъективный характер. К первым следует отнести бедность сельского населения и нерегулярное посещение храма прихожанами. Субъективным фактором являлись недостатки в принципах организации и функционирования попечительств. В условиях отсутствия органов и учреждений земства на территории области приходские попечительства могли рассчитывать только на силы местных причтов, занятых священнослужением, церковным хозяйством, законоучительством и преподавательской работой, так что благотворительность и налагаемые на нее обязанности оставались, за редким исключением, вне поля деятельности приходского клира.

Русская Православная Церковь всегда откликалась на войны и народные бедствия, обращаясь к своей пастве с призывами защиты Отечества и благословляя ее на участие в освободительных войнах.

Якутия, на территории которой не было боевых действий, принимала участие в сборе средств. Во время Русско-японской и Первой мировой войн прихожане приносили свои сбережения в храмы для пересылки их в Красный Крест. Некоторыми благочиниями были приняты решения о выделении одного процента от жалования духовенства для нужд пострадавших на войне [5].

Приходские церкви епархии являлись культурно-информационными центрами для населения, а священники выступали в роли культурагентов.

Первая школа в Якутии была монастырской и действовала в 1736–1744 гг. Ее учениками стали 10 детей в возрасте от 7 до 15 лет, в том числе 6 якутских мальчиков.

В сентябре 1737 г. был подписан императорский указ о «заведении духовных школ в объеме семинарий» [6, с. 801]. Но в Сибири открытие духовных школ шло медленно: нехватка средств, педагогических кадров и учебных пособий являлись главными причинами. Известны случаи, когда учащихся набирали насильно и они убегали из школ [7, с. 4].

В 1800–1817 гг. при Якутском Спасском монастыре вновь была учреждена школа [8]. Ее создание связано с прошением князца Кангаласского уезда И. Шадрина на имя императора и Указом Павла I, предписывающим обучать якутских детей русской грамматике, чтению, письму, катехизису, Священной истории, а также преподавать им «нравственное наставление о должностях верноподданного» [9, т. 26. № 19. 455; 10, с. 109].

Следует отметить, что в среде якутского духовенства негативно воспринималось направление детей для получения образования, так как это требовало, прежде всего, дополнительных финансовых расходов. И если в епархиальном центре архиереи своей властью обязывали нерадивых священников обучать своих отпрысков, то в далекой Якутии основным по-прежнему оставалось домашнее образование.

С 1836 г. задача по открытию церковных школ была возложена на добрую волю сельского духовенства, в 1864 г. утверждено положение о начальных народных училищах, наблюдение за деятельностью которых осуществлялось представителями епархиальной власти.

В изданных в 1884 г. и действовавших до 1917 г. «Правилах о церковно-приходских школах» отмечалось, что «школы сии имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщить первоначальные полезные знания...» и что открытие новых школ должно быть только в тех местностях, где нет низших учебных заведений Министерства народного образования.

Высшее управление церковными школами было возложено на образованный в 1885 г. Училищный совет при Синоде. На уровне епархий создавались Епархиальные училищные советы и их отделения. Непосредственное наблюдение и попечение о школах поручалось назначаемым из приходских священников епархиальным наблюдателям. Школы были разделены на начальные (школы грамоты, церковно-приходские школы, воскресные школы) и учительские (для подготовки учителей начальных школ — второклассные и церковно-учительские) [11, с. 109].

Первые приходские школы Якутии начинают свою историю с 1860-х гг. Архиепископ Иннокентий (Вениаминов) в отчете в Синод за 1859 г. указывал: «В Якутской области нет нигде ни училища церковного, ни детей, учащихся у духовных лиц грамоте, ибо нигде так не трудно завести училище как в Якутской области, потому что нигде нет собственно селения якутского...» [12].

В 1861 г. при обеспечении духовенства области ружным содержанием ему вменялось в обязанность обучение детей прихожан, и наиболее деятельные священники стали открывать школы, но главными препятствиями для систематического школьного обучения явились отсутствие помещений и длительные (по 2–4 месяца) отъезды приходских священников по территории приходов.

В 1871 г. в Якутской епархии действовали 3 школы, в 1874 г. уже 7 школ с 84 учащимися, в 1887 г. — 25 школ: 13 церковно-приходских и 12 школ грамоты, из них: в Якутском округе — 4 церковно-приходские и 4 школы грамоты; в Вилуйском — 3 и 3; в Олекминском 3 и 1; в Колымском — 2 и 1 и в Верхоянском — церковно-приходская и 3 школы грамоты. Общая численность учащихся составляла 165 человек, в том числе 15 девочек и это первые сведения о женском образовании в Якутии [13].

Учебные заведения в большинстве размещались в домах священников, обучение было бесплатным, за исключением Нерюктейской и Покровской школ, где преподаватели получали вознаграждение, выделенное прихожанами. Обучение проводилось на русском языке, результатом чего было механическое заучивание текстов без понимания их смысла. В начале XX в., после издания букваря и учебника русского языка для якутов, в церковных школах начинается использование учебников на якутском языке (что не практиковалось в школах светских).

В 1891/1892 учебном году в области действовали 44 школы, из них светских (Министерства народного образования) — 15, с 1054 учащимися. Очевидно, что большинство учебных заведений начального образования были церковными. 16 церковных школ располагали

собственными отдельными домами; 26 размещались в помещениях, предоставленных сельскими обществами (3), частными лицами (2), членами причтов (18) и приходскими церквями и монастырем (3) [14].

Якутский епископ Мелетий² отмечал: «...Мало-помалу, и якуты приходят к сознанию, что нужно учить детей и для этого нужно строить школы и при них общежития...» [15].

Основным недостатком духовного начального образования в Якутской епархии было отсутствие преподавательских кадров и пансионов (общежитий). Сложно было найти учителей для северных округов, куда не соглашались ехать не только прибывшие из европейской России, но и местные жители. Для решения данной проблемы в 1911 г. в г. Якутске были открыты курсы подготовки учителей для церковно-приходских школ. Слушателями курсов стали 80 человек, из которых 20 после экзаменационной проверки их знаний получили право преподавательской деятельности [16].

Учебным комитетом Синода на финансирование учебных заведений Якутии ежегодно выделялось по 32 862 руб.

Местные источники финансирования церковных школ в 1898–1915 гг.*

	Источники поступления (в руб.)										
	Церкви, монастырь	Братство, комитеты	Городское управление, волостные и сельские общества	Приходские попечительства	Приходские собрания и советы	Благотворительные учреждения	Частные лица	% церковных капиталов	Земства	Другие источники	Итого
1898	436	2338	4400	68	585	210	-	386	-	1088	9511
1900	-	-	-	369	675	1100	-	-	-	-	2144
1901	-	-	-	292	606	1176	-	-	-	-	2074

²Мелетий (Якимов Михаил Кузьмич) (1835–1900), епископ Якутский и Вилюйский в 1888–1896 гг., уроженец Вятской губернии, выпускник Казанской духовной академии. Известный миссионер и подвижник, просветитель Сибири, оставил богатое наследие добрых дел и печатных трудов. Причислен к Собору Сибирских Святых.

1902	-	-	-	275**	120	2153**		-	-	-	2548
1903	1190	40	3622	38***	-	60	1157	531	6000	666	13304
1904	-	-	-	145*	-	690		-	-	-	835
1905	-	-	-	24	-	6111		-	-	-	6135
1906	-	-	-	82*	-	650		-	-	-	723
1908	-	-	-	-	-	60	574	-	-	-	634
1909	-	-	-	-	-	500	834	-	-	-	1334
1910	-	-	-	125	265	75	260	-	-	-	725
1911	-	-	-	268	-	80	1092	-	-	-	1440
1912	-	-	-	265	-	-	468	-	-	-	733
1913	-	-	-	431	10	262	14268	-	-	-	14971
1914	1305	1258	536	47	-	515		1227	4491	1040	10419
1915	-	-	-	7	60	150	455	-	-	-	672
итого	2931	3636	8022	2436	2321	31917		2144	10491	2794	

* РГИА. Ф. 803. Оп. 16. Д. 2207. Л. 1–94.

** сведения по Якутскому, Колымскому и Охотскому округам

***сведения только по Якутскому округу

Местные средства финансирования поступали нерегулярно и включали сборы с церковей и монастыря, отчисления с церковных капиталов, средства Братства Христа Спасителя, различных комитетов, городских, волостных и сельских обществ, а также от приходских попечительств, собраний и советов. Свою лепту в церковное образование вносили благотворители и меценаты и зарождающееся в области земское движение. В целом местная поддержка составляла от 634 руб. (1908 г.) до 14 971 руб. (1913 г.).

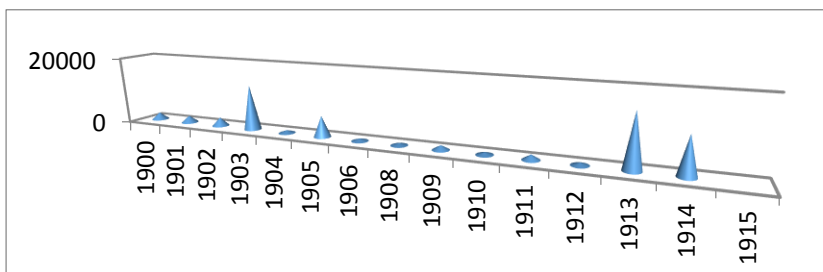

Рис. 1. Динамика финансирования (местного) церковных школ в 1898–1915 гг.

По сравнению со светскими образовательными учреждениями, церковно-приходские школы имели менее совершенную учебную и материально-техническую базу, так как на их содержание затрачивалось в 3,5 раза меньше средств, чем на учебные заведения Министерства народного просвещения. Финансирование министерских школ из

государственной казны делало их более привлекательными для сельских обществ Якутии, но, когда открытие подобных не планировалось, общество содержало на свои средства школы церковные.

В 1907 г. в области было 99 образовательных учреждений (более 2 тысяч учащихся), 62 из которых находились в ведении епархиальных властей — более 60 % [17, с. 138–139].

В отчете епархиального училищного Совета за 1912 г. указывается, что наряду с православными в церковных школах обучались дети «римско-католической веры — 1 девочка; магометане — 3 мальчика и 2 девочки; еврейской — 26 мальчиков и 16 девочек» и «по сословиям: дети личных дворян и чиновников — 50 мальчиков и 35 девочек; духовного звания — 53 мальчика и 37 девочек; крестьян, мещан и казаков — 192 мальчика и 81 девочка; инородцев — 407 мальчиков и 151 девочка» [18]. Следовательно, церковные школы в Якутии были сословными и в них могли получать образование дети представителей других конфессий.

В 1819 г. в Якутске было открыто духовное училище. В связи с трудностями транспортной схемы, на заседании Якутского духовного правления в 1828 г. рассматривался вопрос об оплате проезда в училище для сирот и детей бедных родителей. В 1830–1850 гг. правлением был принят ряд распоряжений о наложении штрафов на приходских священников, препятствующих поступлению своих детей в училище. Так, в 1838 г., когда сын вилюйского священника покинул училище, его отец был оштрафован в пользу вдов и сирот духовного звания [19, с. 181]. По просьбе якутских архиереев Синодом в 1893 г. было разрешено «воспособление духовенству Якутской епархии при отправке его детей в Якутское духовное училище от церквей и мест, кои отстоят от г. Якутска и духовного училища далее 500 верст», т. е. выдача единовременного пособия из духовно-учебного капитала епархии на проезд и суточные расходы [20, с. 196].

Учащиеся находились на казенном (на полном обеспечении) и полуказенном содержании, но «каковы бы ни были действительные оклады на казенных учеников, их несомненно никогда не хватало даже на приблизительно приличную обстановку, потому что бедных всегда было много между якутскими духовными воспитанниками ... Скучность содержания увеличивалась и от того, что некоторые бедные или жившие в отдаленных местах отцы, отдавая детей ... за полное или полуказенное содержание, своевременно не могли представить взноса, поэтому поневоле расходы сокращались в ущерб самым необходимым потребностям» [21].

В 1820 г. в Якутском духовном училище обучалось 40 учащихся, большинство из которых были детьми из духовного сословия [22, с. 497]. В 1878/1879 уч. г. — 89 учащихся (27 — в подготовительном классе, 23 — в 1-м, 21 — во 2-м, 7 — в 3-м и 11 — в 4-м классе [23].

Возможность получения семинарского образования появилась в 1858 г., когда по распоряжению архиепископа Иннокентия в г. Якутск была переведена духовная семинария из Новоархангельска (о. Ситха), но ее деятельность оказалось недолгой, так как во время пожара в начале 1870 г. сгорело здание семинарии и указом Синода она была переведена в г. Благовещенск. Второе открытие семинарии состоялось в 1884 г. и, объединенная с училищем, она действовала до 1919 г.

Главной целью семинарии было воспитание всесторонне развитых и образованных миссионеров и просветителей. Помимо обязательных дисциплин учебной программы семинаристы изучали логику, психологию, медицину, сельское хозяйство и якутский язык.

Особенностью семинарии была ее сословность. В 1900 г. в семинарии и училище обучались 160 учеников, из которых 60 % — иносословные, в том числе 50 % разночинцев и 10 % инородцев. Указ Синода (1900) ограничивал численность студентов семинарий из иных сословий, но для якутской семинарии было сделано исключение. К 1911 г. численность семинаристов достигла 171 человека, и учебное заведение вышло на первое место в Восточной Сибири [24].

Спецификой семинарии являлась универсальность ее образования в условиях отсутствия (или недостаточности) учебных заведений в области. Выпускники семинарии были востребованы не только в духовном служении: они составляли основной контингент местного чиновничества, администрации и педагогического сообщества. Семинаристов охотно принимали на государственную службу, особенно в области народного образования.

С 1888 г. в Якутске действовало женское епархиальное училище, также являющееся сословным учебным заведением. На рубеже XIX–XX вв. в епархии были созданы женские школы, положившие начало женскому начальному образованию в Якутии.

Завершающим этапом формирования системы духовного образования в Якутии стало создание в 1889 г. Епархиального училищного совета, заведовавшего церковно-приходскими школами, школами грамоты, начальными школами, духовным училищем и семинарией и обеспечивавшего их учебными пособиями и литературой.

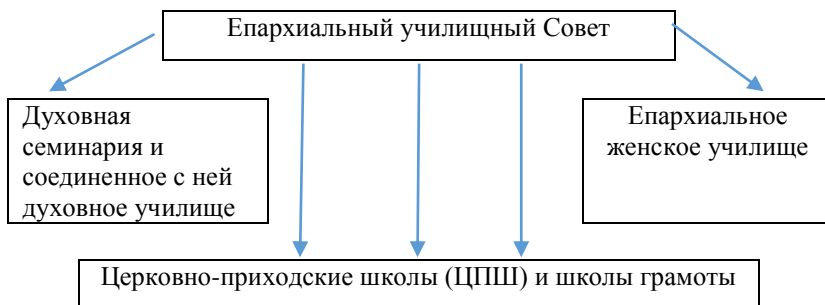

Рис. 2. Структура духовного образования Якутской епархии в начале XX в.

Особенностью служения на северо-востоке Сибири была необходимость изучения языка местного населения. Миссионеры, привнесшие на окраины империи православную веру, изначально сталкивались с непониманием и потребностью перевода. В 1812 г. были изданы первые книги на якутском и чукотском языках. В 1844 г. в Синодальной типографии Санкт-Петербурга был напечатан «Краткий катехизис на русском и якутском языках».

Начало масштабной переводческой и издательской деятельности связано с именем Иннокентия (Вениаминова), организовавшего работу Комитета по переводу духовных книг (1853) и Цензурного комитета (1862). Для переводческой деятельности были привлечены владеющие якутским языком представители духовенства, а также местные жители (атаман К. Киренский, мещанин И. Попов, инородец П. Афанасьев и др.).

Трудности перевода заключались в отсутствии письменности у якутов, в языке которых не существовало многих понятий, способных тождественно передать евангельский текст — не только нравственных, но и вещественных, за неимением самих предметов (например, слово «лоза»). Поэтому одновременно с переводческими трудами проводилась работа по составлению грамматики и якутского букваря.

Первые книги на языках бесписьменных народов стали импульсом для развития национальных культур. Появилась возможность проповедовать и служить на языках местного населения. Распространяющееся по всей области богослужение на местных языках привлекало прихожан в храмы, и как следствие возникла потребность строительства новых церквей в связи с многочисленными просьбами прихожан.

Уместно утверждение о привнесении и распространении духовными лицами Якутии книжной культуры, в том числе и на

якутском языке, так как первые библиотеки в крае появились при православных храмах. К началу XX в. крупнейшими книжными собраниями области были городская публичная библиотека-читальня, организатором которой являлся якутский епископ Иаков (Домский)³, и библиотека духовной семинарии.

Помимо духовной и богослужебной литературы, церковно-приходские библиотеки имели брошюры по медицине, земледелию, огородничеству и другим отраслям народного хозяйства. Развитие библиотечной сети способствовало привлечению местного населения к книге и затем к мировой литературе. Представляется необоснованным утверждение об имевшей место в национальных окраинах Российской империи принудительной русификации, так как благодаря переводческой деятельности православного духовенства появилась якутская письменность и зародилась национальная литература. Один из основоположников якутской литературы А. Е. Кулаковский, выросший среди якутов, начал изучать якутский язык только в духовном училище русскоязычного Якутска.

Первым периодическим печатным изданием Якутии стала газета «Якутские епархиальные ведомости», где помимо сведений, связанных с деятельностью православного ведомства, публиковались описания поездок и путешествий по области, очерки по истории и этнографии, советы по медицине и сельскому хозяйству, перечни литературы и др. С 1890 г. в епархиальной газете стали размещать распоряжения областной администрации, так как еще не было местной светской периодики. Газета рассылалась по всем благочиниям епархии, сообщая оторванным от центра приходам новости духовной и светской жизни.

Якутское духовенство занималось исследовательской работой. С середины XIX в. по заданиям Русского географического общества якутские священники вели журналы метеонаблюдений, занимались лингвистикой и этнографией, ботаникой и почвоведением. Собранные ими сведения становились основой для научных работ, проводимых научно-исследовательскими обществами и экспедициями.

Одним из направлений просветительской деятельности якутского духовенства с 1888 г. стали религиозно-нравственные чтения, проходившие как на русском, так и на якутском языках. Тематика была разнообразной и не ограничивалась вопросами веры. Чтения сопровождалась концертами духовной музыки и стали настолько

---

³ *Иаков (Домский Иероним Петрович)* (1823–1889), епископ Якутский и Вилюйский в 1884–1889 гг., уроженец Подольской губернии, окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, магистр богословия. Скончался и похоронен в г. Якутске.

популярными, что была создана «Якутская церковно-миссионерская комиссия духовно-нравственных бесед с пением», а затем «Общество по устройству народных чтений в г. Якутске и Якутской области». Общество еженедельно проводило лекции на различные темы, устраивало благотворительные духовные концерты.

В 1858 г. в Якутске появился первый хор (семинарский), затем на его основе был создан архиерейский хор в составе представителей разных сословий (духовенство, казаки, мещане). Популярность вокального искусства привела к образованию в 1889 г. Общества любителей церковного пения и организации курсов церковного пения для учителей церковно-приходских школ Якутского и Олекминского округов. Хоровое пение стало частью музыкальной культуры якутов, не знавших ранее многоголосия. Один из певчих, якут И. Винокуров, закончив регентские курсы в Московском синодальном училище, стал дирижером архиерейского хора.

Распространение и утверждение православия изменило отношение местного населения к рисунку и скульптуре и дало импульс развитию художественных способностей местных мастеров. Представители северных народов, следуя традиции, опасались делать собственные изображения, но к концу XIX в. среди якутов появились первые иконописцы. Работы этих художников-самоучек, не знавших традиционных канонов иконописи и использовавших кустарную технику, являются отражением веры и желания привнести свой труд в убранство храма. Иконопись Якутии связана с именами талантливого якутского самородка И. Сивцева (Мытыйыкы) и уроженца Якутии, выпускника Императорской Академии художеств И. В. Попова.

Православие принесло изменения и в декоративно-прикладное искусство северян. Ко второй половине XIX в. завершающим элементом традиционных серебряных нагрудных украшений якутов становится крест, свидетельством чему являются музейные экспонаты.

Подводя итоги, можно выделить несколько основных направлений социальной и учебно-просветительской деятельности якутского духовенства.

Духовенство Якутии принимало активное участие в работе благотворительных обществ и организаций, и это было традицией, передаваемой от отца к сыну. Якутский комитет православного миссионерского общества, Якутский отдел православного Палестинского общества, Иннокентьевское попечительство о бедных духовного звания, различные комиссии — далеко не полный перечень обществ, учредителями и членами которых стало духовенство. В окраинной Якутии, при относительной слабости «третьего сословия»

и общественной самодеятельности, органы и учреждения Русской Православной Церкви традиционно имели сильные позиции. Представители духовенства участвовали во всех областных и городских мероприятиях, становились попечителями и почетными членами различных обществ и комитетов. Инициирование и стимулирование благотворительности было присуще якутским архиереям и их авторитет оказывал влияние как на расширение круга благотворителей, так и на выделяемые ими суммы.

С учебно-просветительской деятельностью духовенства связано формирование национальной интеллигенции, так как именно в церковных школах и училище получали начальные знания первые представители местной интеллигенции. Ее стремление к деятельности на благо общества было солидарно задачам православия.

Неразвитость земств привела к поддержке школьного дела приходскими попечительствами, которые в отличие от попечительств центральной России, направлявших свои средства на поддержание деятельности клира и субсидирование прихожан, обеспечивали функционирование церковных школ, приобретая школьные здания и учреждая пансионы.

Приходская система формировала духовно-нравственный облик прихожан, направляя их к оседлому образу жизни. Приходской храм, особенно в северных округах, являлся центром просветительства и культуры. При храмах действовали школы, и местное население, постепенно осознавая необходимость обучения, отдавало в церковно-приходские школы и школы грамоты своих детей. Были созданы библиотеки, где помимо духовной литературы имелись газеты и брошюры по земледелию, медицине и другим отраслям.

Духовенство Якутии стало зачинателем книжной культуры и якутской письменности. Начавшаяся в середине XIX в. комплексная работа по переводу духовных и богослужебных книг вызвала необходимость создания якутской грамматики, разработчиком которой стал первый из якутских архиереев. Священнослужители проводили службы на языке местного населения, делая понятными и доступными основы вероучения. Знание языка обеспечивало диалог клира и паствы, и церковь, особенно в сельской местности, была главным институтом поддержки населения в трудных ситуациях.

Получившая оформление в конце XIX в. система духовного образования Якутии обеспечивала все необходимые уровни: от начальных школ, где преподавали азы грамотности, до среднего профессионального образования в стенах духовной семинарии. Повышение уровня грамотности населения области связано, прежде

всего, с деятельностью духовных учебных заведений, особенностью которых была всесословность и универсальность предлагаемых знаний. Русская Православная Церковь в Якутии стала зачинателем женского образования. Формирование национальной интеллигенции также неотделимо от учебных заведений духовенства.

С духовным ведомством связано появление якутской периодики. Епархиальная газета стала первой в истории края при отсутствии светской печати, на ее страницах публиковались и распоряжения местной гражданской власти.

Просветительская деятельность духовенства способствовала формированию хорового и певческого искусства, заложила основы живописи, выявляя талантливых самородков из местного населения и предоставляя им возможности для дальнейшего обучения.

Таким образом, церковь оказывала значительное влияние на основные процессы жизнедеятельности якутского социума. Отсутствие православных традиций, наличие ярко выраженной ментальности местного населения приводили к тому, что церковь в Якутии являлась не только духовным, но и социальным институтом. Интенсивная миссионерская политика и просветительская деятельность духовенства направляли вектор развития христианизации иноэтнического населения региона, а монастыри и храмы служили способом приобщения инородцев к духовным ценностям христианства, ознакомления их с духовной литературой, церковной архитектурой, живописью и хоровым искусством.

Очевидно, что именно мероприятия Православной церкви в далекой якутской окраине стали одним из основных элементов государственной политики, способствовавшей инкорпорации арктической цивилизации народов Якутии в состав Российского государства.

Литература и источники

1. РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 675. Л. 17.
2. Дионисий (Хитров, Дмитрий Васильевич; епископ; 1818–1896). Стопами миссионера. Труды Дионисия (Хитрова), епископа Якутского, а затем Уфимского, на миссионерском поприще : в 6 т. Т. 5. Отчеты о состоянии Якутской епархии за 1877–1883 гг. Тверь : Булат, 2013. 352 с.
3. Нац. арх. Респ. Саха (Якутия). Ф. 226-и. Оп. 2. Д. 2718. Л. 1–2.
4. Нац. арх. Респ. Саха (Якутия). Ф. 226-и. Оп. 9. Д. 11, 43, 128.
5. Нац. арх. Респ. Саха (Якутия). Ф. 226-и. Оп. 1. Д. 3012.
6. Знаменский, П. Духовные школы в России до реформы

1808 года. Казань: Типография Императорского Университета, 1881. 807 с.

7. Софронов, В. Ю. Три века сибирского миссионерства. Миссионерская и духовно-просветительская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири: (конец XVII – нач. XX в.). Тобольск : ТГПИ, 2005. Ч. 1. 142 с.

8. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1067. Л. 132–134.

9. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXVI. 1800–1801 гг. / сост. М. М. Сперанский. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 880 с.

10. Афанасьев, В. Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск, 1966. 345 с.

11. Смолич И. К. История Русской Церкви : [в 9 кн.]. М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. [Кн. 8], ч. 2 : 1700–1917. 1997. 799 с.

12. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 29. Л. 13.

13. РГИА. Ф. 796. соч. Оп. 442. Д. 445. Л. 48; Д. 1602. Л. 47.

14. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1431. Л. 57.

15. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1321. Л. 35.

16. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2498. Л. 53.

17. Павлов, А. А. Губернатор И. И. Краф. Якутск : Бичик, 2004. 248 с.

18. Нац. арх. Респ. Саха (Якутия). Ф. 287-и. Оп. 3. Д. 18. Л. 2–3.

19. Парышев, С. Е. Краткие сведения о Якутских духовных училищах (приходском и уездном) за время с 1831 по 1858 г. // Якут. епарх. вед. Отд. неофиц. 1908. № 12. С. 179–190.

20. Гербановский, М., Стефан (архим.). От правления Якутской духовной семинарии // Якут. епарх. вед. Отд. офиц. 1893. № 13. С. 195–196.

21. Нац. арх. Респ. Саха (Якутия). Ф. 283-и. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.

22. Нил (Исакович, Николай Федорович; архиеп.; 1799–1874). Путевые записки [преосвященного] а[рхиепископа] Н[ила] : в 2-х ч. Ярославль : тип. Губ. земск. управы, 1874. [2], 498, XIV с., 1 л. портр.

23. Нац. арх. Респ. Саха (Якутия). Ф. 283-и. Оп. 1. Д. 385.

24. Нац. арх. Респ. Саха (Якутия). Ф. 283-и. Оп. 1. Д. 653. Л. 11.

Л. В. Камедина*

СВЯТЫЕ МИССИОНЕРЫ ЗАБАЙКАЛЬЯ: ПОДВИГИ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье актуализируется тема миссионерства в Забайкалье. История забайкальской миссии связана с именами святых: апостола Сибири и Америки Иннокентия, Варлаама Чикойского, апостола бурят и якутов Мелетия, Ефрема Селенгинского. Раскрывается смысл апостольского подвига восточных миссионеров, определяются направления просветительской работы среди местного населения. Обращается внимание на то, что миссия XIX — начала XX века явилась основой современной Концепции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви.

***Ключевые слова:** миссионеры, история, Забайкалье, направления работы.*

Lyudmila V. Kamedina

THE HOLY MISSIONARIES OF TRANSBAIKALIA: ACHIEVEMENTS AND ACTIVITIES

The article's main theme is the missionary work in the eastern lands. The history of the Trans-Baikal mission is associated with the names of the holy Apostles of Siberia and America, Innocent, Varlaam Chikoysky, Apostle of the Buryats and Yakuts Meleti, Ephrem Selenginsky. The meaning of the apostolic exploit of the Eastern missionaries is revealed, the directions of enlightening work among the local population are determined. Attention is drawn to the fact that the mission of the nineteenth and early twentieth centuries was the basis of the modern «Concept of the missionary activity of the Russian Orthodox Church».

***Keywords:** missionaries, history, Transbaikalia, directions of work.*

---

* Камедина Людмила Васильевна, д-р культурологии, проф. кафедры литературы Забайкальского государственного университета, г. Чита.

Kamedina Lyudmila Vasilyevna, doctor of culturology, professor of the Department of Literature of Trans-Baikal State University, Chita.

E-mail: kamedina_ludmil@mail.ru

«Православная Церковь именуется Апостольской не только потому, что члены Церкви “утверждены на основании Апостолов” [1, Ефес. 2, с. 20], но и особенно потому, что через нее проповедь апостолов Иисуса Христа продолжается до сего дня», — утверждает новая Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви [2, с. 4]. На иконе святителя Иннокентия Московского святой держит в руках Евангелие, где можно прочитать: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча соблюдать их все, что Я повелел Вам» [1, Мф. 28, с. 19–20]. И в Евангелии, и в современной Концепции Церкви подчеркивается дело миссии как апостольское служение, определяются цели и задачи, а также прописываются формы и методы миссионерской деятельности. [2]. Так, внешняя миссия осуществляется в различных этнокультурных и этноконфессиональных условиях, и характер ее определяется как «миссия диалога» [2, с. 13–14]. К внешней миссии составители Концепции предлагают относить и деятельность среди мигрантов. Среди перспективных направлений работы Концепция выделяет образовательную, культурную, издательскую, переводческую, подчеркивая при этом апостольские слова осуществления миссии: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто» [1, 1 Кор. 13, 2].

Первым апостолом, освятившим Забайкальскую землю, стал святитель Иннокентий (Вениаминов). Побывавший в Забайкалье, в г. Сретенске в 1856 г., он подал пример миссионерской деятельности сибирским подвижникам. Гигантские территории требовали больших усилий. Забайкалье обязано святителю своим положением в составе России: Российская империя осваивала новые земли, и святитель Иннокентий помогал восточной администрации не только мудрыми советами, но и активной работой.

Его апостольский подвиг на этих землях заключается в неоднократных и длительных поездках с генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым-Амурским по рекам Шилке и Амуру с целью ознакомления с дикими таежными берегами для их заселения казаками и семьями старообрядцев, для укрепления границ, закладки часовен и церквей, решения экономических и дипломатических проблем. В своем сочинении «Представления и записки об Амуре» святитель писал о том, что даже частичное заселение этих мест может послужить развитию Забайкальского края, в государственных же нуждах необходимо позволить занять местность забайкальским старообрядцам, а там, где предполагается скотоводство, туда заселить забайкальских бурят [3, с. 287–313]. Его план открытия миссии на берегах Амура поддержит Св. Синод.

В 1858 г. между Россией и Китаем будет заключен Айгунский договор, который возвратит русские земли, отторгнутые от России в 1689 г. по Нерчинскому договору. Святитель Иннокентий прибудет в китайский город Айгун вместе с Н. Н. Муравьевым-Амурским для встречи с китайским амбанем и чиновниками. Таким образом, в 1858 г. святитель окажется в центре великого исторического события — подписания договора о русско-китайской границе. Открытие миссии на берегах Амура он позже поручит своему сыну, священнику и миссионеру Гавриилу Вениаминову.

В 1860 г. был подписан Пекинский договор, по которому к России присоединялись гилияки, орочены, гольды, манчжуры, корейцы. Для них строились миссионерские станы, церковно-приходские школы, выписывались книги. Иннокентий (Вениаминов) перевел для забайкальских и амурских тунгусов Библию на их родной язык. Таким образом, святитель Иннокентий подготовил почву для дальнейшей апостольской миссии.

Другой святой миссионер Забайкалья — преподобный Варлаам Чикойский — совершал подвиги в самом отдаленном районе края, на границах с Монголией [4, с. 110–144]. Святой Варлаам исходил юго-западные земли, обращая иноверцев в православную веру. В основанном им Иоанно-Предтеченском монастыре ставка делалась на миссионерскую деятельность среди разнородного местного населения: язычников, раскольников, магометан, иудеев, шаманистов. Красночикоийский район Забайкальского края известен своими старообрядческими селами. Именно сюда ссылали ушедших в раскол, и здесь они обустраивали свою жизнь. Им никто не мешал, потому что доступ в эти места был труден из-за горной местности, многочисленных ручьев, которые размывали почву и уничтожали тропинки. В отдаленный Урлук редко приезжали архипастыри из-за трудности сообщения через Байкал, и преосвященный Михаил в 1830 г. благословил Варлаама Чикойского на просветительские труды — «убеждать раскольников и идолопоклонников» [4, с. 115–116].

Святой Варлаам оказался строгим ревнителем Русской Православной Церкви и ее Устава. Чикойский монастырь входил в планы миссионерской работы Иркутской епархии. Св. Мелетий (Якимов) сообщает в своей небольшой книжке «Пустынник Варлаам, основатель Иоанно-Предтеческого скита на границах Китайской Монголии, в Чикойских горах за Байкалом» о том, что игуменом Варлаамом обращено из раскола почти пять тысяч старообрядцев [4, с. 138]. В старообрядческих селлах Архангельское, Нижний Нарым, Куналей, Тарбагатай, Мухоршибирь, Харауз, Хонхолой были созданы

единоверческие приходы, туда были посланы священники. Игумен часто беседовал с народом, крестил бурят, известны случаи крещения татар и евреев. Труды на Чикое стали известны в Санкт-Петербурге, Св. Синод представил игумена Варлаама к награждению золотым наперсным крестом [4, с. 139].

Апостольский подвиг крещения народов повторил на Забайкальской земле святой Мелетий (Якимов). В 1862 г. он прибыл в Читу в качестве миссионера, задумав организовать здесь необычный монастырь [5, с. 80–84; с. 332–334]. Это должна была быть женская обитель, живущая по монастырскому уставу, но без пострига. Такие обители гражданские и церковные власти не рассматривали как монастыри. Не входя в официальную структуру Синода и не имея от него материальной поддержки, общины зависели от пожертвований добродетелей и средств самих сестер. Такая община возникла в Чите. Люди разных сословий жертвовали ей участки земли, дома, утварь. В 1886 г. монахиня Павла подала прошение преосвященному Мелетию об организации и построении женского монастыря с миссионерским направлением под руководством вдовствующей священницы, старицы Александры [5, с. 82]. Александра Капитоновна Якимова, мать епископа Мелетия пожертвовала на строительство тысячу рублей. Монахиня Павла писала епископу о том, что «с надеждою в душе своей на помощь Всевышнего решила я послужить святому делу устроения женского монастыря в Чите, центре Забайкалья, где учреждена святительская кафедра для просвещения ламских язычников, почти всегда по причине святого крещения нуждающихся и ищущих приюта по своей бродячей жизни» [5, с. 81–82].

Духовный наставник молодого миссионера Мелетия — владыка Вениамин, епископ Селенгинский, поучал: «Судя по себе, я держусь такого убеждения: чем больше труда, хлопот и забот, тем живее дух молитвы; чем меньше забот, тем меньше и молитвы. Кроме того, чем больше живу, тем больше убеждаюсь в единственной надежде спасения благодатию таинств. Оттого всем духовным говорю: литургисай чаще и спасешься» [6]. Слова преосвященного запали в душу начинающего просветителя сибирских народов, поэтому он трудился много и плодотворно на Забайкальской земле. Святитель Мелетий призывал: «Усугубим, отцы и братья, свою ревность о развитии истинно христианского просвещения народа чрез обучение истинам святой веры и благочестия. И тогда народ сам даст отпор соблазнам иноверия и лжеверия всякого» [6]. Владыка в своих выступлениях и речах подчеркивал, что, по обетованию Божию, Евангелие должно быть проповедано всем народам земли.

Епископом Мелетием за время его управления Забайкальской миссией было обращено и просвещено святым крещением около четырех тысяч язычников-шаманистов и ламаистов [5, с. 334]. Ему была поручена миссионерская проповедь среди язычников, а по возможности, крещение бурят и эвенков. Для новокрещенного населения миссионер устроил несколько храмов по реке Хилок: в Ташелане, Тарбагатае, Катаевском, в Узком Лугу, на Кирети.

Малое количество миссионеров на бескрайних пространствах Сибири вынуждало епархиальное начальство непрерывно переводить их с одного места на другое, чтобы охватить словом проповеди как можно больше язычников. Святитель Мелетий проповедовал среди бурят и тунгусов на границе Монголии, в Цаган-Усунском стане и Цакире [5, с. 332–335]. Архипастырь смиренно совершал служение на обширных суровых просторах Восточной Сибири, терпел лишения, невзгоды, скорби, страдания. Он ежегодно путешествовал по необозримой степи, в непроходимых лесах и горах, в бурю и пургу, пребывал в среде невежественных племен, часто страдавших тяжкими заразными болезнями. Он ревностно нес огонь веры Христовой в Сибирской земле, он полюбил эту землю [6].

Последним святым, кто продолжил апостольское служение на Забайкальской земле, стал святитель Ефрем Селенгинский [5, с. 374–381]. Его миссия началась в Чите в начале XX в. В 1897 г. в его семье рождается дочь. Вскоре умирает двадцатилетняя жена. Архиепископ Владивостокский Евсевий, духовный отец тогда еще Епифания Кузнецова, посоветовал молодому священнику учиться дальше и рекомендовал Казанскую духовную академию, которая в ту пору готовила миссионеров для восточных земель.

Священник Епифаний Кузнецов поступил на монгольское отделение и попал под духовный надзор выдающегося проповедника, ректора Казанской духовной академии, архиепископа Антония (Храповицкого), будущего митрополита и первоиерарха Русской Православной Церкви за рубежом, писателя и активного духовного деятеля. В 1909 г. архиепископ Антоний совершит монашеский постриг над будущим миссионером, а архиепископ Сергей (Страгородский) возведет его в сан архимандрита, и с новым именем архимандрит Ефрем возвратится в Забайкалье.

На протяжении многих лет архимандрит Ефрем возглавлял Забайкальскую духовную миссию. В 1894 г., когда образовалась самостоятельная Читинская и Забайкальская епархия, миссию перевели в Читу. Для нее было выстроено миссионерское училище, включавшее четыре класса на 150 человек, помещение для пансиона на 120 человек

и две квартиры, для учителя и заведующего. На втором этаже располагалась домовая Спасо-Преображенская церковь.

Чита стала центром корейского православия: была открыта катехизаторская школа для корейцев, которые проживали в так называемых «кузнечных рядах»; издавался журнал «Православие» на корейском языке, редактором которого был кореец Авраам Ефремович Кузнецов (видимо, крестник архимандрита Ефрема (Кузнецова)); Спасо-Преображенская церковь при миссионерском училище являлась приходом для корейцев, здесь служили священник и дьякон, оба корейцы.

Большой миссионерский стан был открыт на озере Иргень, где захоронены святые иргенские мученики. Стан также окормлялся архимандритом Ефремом, который создал здесь школы для подготовки к крещению бурят и эвенков. Как начальник духовной миссии, Ефрем (Кузнецов) вместе с синодальным миссионером протоиереем Иоанном Восторговым в 1913 г. отправляется в Монголию, в Ургу, для открытия православной миссии в Монголии. Начавшаяся Первая мировая война помешала этому. В 1916 г. с организацией Селенгинского викариатства архимандрит Ефрем становится епископом Селенгинским. Он участвовал от Забайкалья в Поместном соборе 1918 г. Был расстрелян 5 сентября вместе с Иоанном Восторговым на братском кладбище Ходынского поля.

Так совершали свой апостольский подвиг на Забайкальской земле святые Русской Православной Церкви: Иннокентий (Вениаминов), Варлаам Чикойский, Мелетий (Якимов), Ефрем Селенгинский.

Поскольку Забайкальская миссия была связана с окормлением инородцев, старообрядцев, язычников, актуальными направлениями в ее деятельности становятся те формы и методы работы, которые были предложены святыми покровителями Забайкальского края.

Во второй половине XIX в. развернулась работа по созданию миссионерских станов, строительству церквей, часовен, установке крестов. Святитель Иннокентий закладывает по рекам Шилке и Амуру церкви для будущих казачьих станиц и старообрядческих деревень. Преподобный Варлаам Чикойский основывает на границе с Монголией мужской монастырь. Окруженный хребтами, высотой до 2500 м над уровнем моря, быстрыми горными реками, тайгой, монастырь становится центром миссионерской работы. Он привлекает внимание жителей окрестных сел и богатых кяхтинских купцов, которые выделяют крупные суммы денег на содержание обители. Святой Варлаам не только строит православные церкви, но и способствует устройению единоверческих церквей, обращая из раскола старообрядцев.

Святитель Мелетий открывает первый женский монастырь в Забайкалье. В 1889 г. он освящает монастырскую церковь во имя великомученицы Александры. Сначала монастырь назывался Богородицким, в 1915 г. указом Синода был переименован в Покровский, относился к заштатным монастырям, жившим на самообеспечении. С Покровским монастырем связаны имена святых: Луки (Войно-Ясенецкого), Елизаветы Федоровны Романовой, инокини Варвары, доктора Евгения Боткина, а также великих князей Романовых — Сергия, Иоанна, Константина, Игоря, Владимира, канонизированных в сонме мучеников Русской Православной Церковью за рубежом. В 1918 г. по распоряжению атамана Григория Семенова сестры монастыря в течение полугода тайно хранили под полом церкви останки алапаевских мучеников. Тела великой княгини Елизаветы Федоровны и ее келейницы Варвары были одеты сестрами Покровской обители в черные монашеские одежды. Из Читы на средства жены атамана Семенова Марии гробы были отправлены в Китай и Иерусалим [4, с. 186–190; 5, с. 84].

Миссионерская деятельность святителя Ефрема Селенгинского также началась со строительства: помимо миссионерского училища, открытого им в центре Читы, в 93 км от города был основан миссионерский стан с двумя церквями: большой Знаменской и малой во имя святых Симеона, Киприана, Иосифа и крестильной часовней святого Герасима Иорданского на озере Иргень. В 1911 г. миссионерский стан было решено преобразовать в мужской монастырь, и архимандрит Ефрем (Кузнецов) со священником Николаем Корелиным спускаются в подвал малой церкви и дают заключение об освидетельствовании останков иргенских воинов. Одновременно в Синод посылаются документы о всероссийском почитании святых иргенских мучеников, о чем написал сам архимандрит Ефрем в «Забайкальских епархиальных ведомостях» за 1911 г., будучи их редактором [7]. Осмотр иргенских колод был предпринят не только для того, чтобы подтвердить факт их существования, но и для последующей канонизации и строительства мужского монастыря на мощах мучеников.

Перспективным для Забайкалья было образовательное направление в миссионерской деятельности. Для святого Варлаама Чикойского оно было сосредоточено в его заштатном монастыре. При обители было организовано миссионерское училище, в котором учились дети старообрядцев и инородцев, охотно отдававших своих чад на воспитание старцу Варлааму. Основной задачей было внушение уважения к православно́й вере. Епископами давалось предписание: не

крестить детей в православной церкви до тех пор, пока сами родители староверов не покрестятся [4, с. 132]. Староверы проникались доверием к наставлениям старца Варлаама. Кяхтинские купцы покупали для монастыря богослужебные книги, азбуки православия для новоначальных, часовники, псалтыри. Преосвященнейший Нил (Исакович), архиепископ Иркутский писал в монастырь: «...относительно обучаемых грамоте мальчиков закон предписывает ничего не требовать за обучение их, но пища, одежда должны быть у них свои, или монастырь должен требовать от родителей платы. Довольно для них, что детей даром обучают» [4, с. 133]. Чикойский монастырь на окраине России являлся крупным религиозно-просветительским центром в течение 100 лет. Многие получали здесь духовную помощь, основы грамоты и религиозного образования, обретали веру.

Образовательная деятельность Мелетия (Якимова) в Забайкалье также была сосредоточена в основанном им монастыре. Здесь находилась двухклассная приходская школа для девочек, которую содержала полностью за свой счет Покровская обитель. Учителям церковно-приходских школ владыка Мелетий говорил: «Народ русский искони православный, чутьем чувствует он благодатное влияние церковно-приходских школ и показывает полное доверие к церковному обучению и воспитанию детей своих в духе веры и благочестия» [6]. Обращаясь к учителям, избравшим свой благородный нелегкий путь, епископ Мелетий подчеркивал: «Истинно верная и твердая постановка дела народного образования такова: сохранится в народе святая вера благочестивых предков, оберегаемая пастырями и учителями Церкви, — в том спасение народа в роды родов. Многие устремились подражать Западу и, увлекшись ложным просвещением, получили жалкие результаты безрелигиозности и истощения сердечного в суете мира сего. Теперь предстоит немалая забота о заблудших, уловленных в хитро расставленные сети совратителей» [6].

В 1882 г. владыка организовал и открыл в Чите два церковных братства: святых Кирилла и Мефодия и святителя Иннокентия Иркутского. Это способствовало увеличению числа церковно-приходских школ, в которых он повелел проводить религиозно-нравственные чтения и знакомить слушателей с христианскими истинами. По отзывам слушателей, такие чтения были очень полезны [6].

Для будущих миссионеров святитель оставил рекомендации в духовных книгах. Основные его сочинения — это миссионерские проповеди, советы, опыты по духовному окормлению и обращению

инородцев. Некоторые труды он переводил на язык малых народов, например, «Поучение к новокрещенным о святой христианской вере» — на бурятский язык. Он также подготовил для издания четыре статьи, которые были напечатаны отдельной книгой — «Учение о святой православной христианской вере в беседах с бурятами». Затем это издание было дополнено переводом священной истории Ветхого и Нового заветов и Житием Святителя Николая Чудотворца.

Епископ Мелетий оставил работы по истории Забайкальской миссии: «Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края и сведения о Даурской миссии», «Православие и устройство церковных дел в Даурии (Забайкалье), Монголии и Китае в XVII и XVIII столетиях», «Пустынный Варлаам, основатель Иоанно-Предтеченского скита в Чикойских горах, за Байкалом» и др. Кроме того, им был написан целый ряд проповедей, миссионерских записок и отчетов по Забайкальской и Иркутской миссиям, которые печатались в «Иркутских епархиальных ведомостях», журналах «Странник», «Миссионер», «Православное обозрение». Миссионер и подвижник Мелетий был прозван «апостолом бурят и якутов, просветителем язычников в Сибири и Азии».

Святитель Ефрем Селенгинский развернул миссионерскую работу в нескольких направлениях. Он был членом всевозможных епархиальных комиссий, инспектором курсов, активным участником двух церковных братств — святых Кирилла и Мефодия и святителя Иннокентия Иркутского, созданных Мелетием (Якимовым). Много времени уделял писательскому труду. В своих работах он разъясняет, проповедует, защищает крещеных инородцев от их языческих собратьев. Уже из названий трудов святителя видны те проблемы, с которыми ему приходилось сталкиваться: «История христианского просвещения забайкальских инородцев с покорения края до настоящего времени», «Характеристика бурят с точки зрения способности их к принятию христианства и общеевропейской культуры», «Земельная обида крещеных инородцев», «Введение в круг деятельности забайкальской миссии просвещения светом Христовой веры корейцев, китайцев и японцев, проживающих в пределах Забайкалья», «Закон 17 апреля 1905 года и вероотступничество в Забайкалье».

Именно здесь, на границах с Монголией и Китаем шла мирная проповедь по обращению в православную веру язычников, монголов, корейцев, китайцев, японцев, бурят, тунгусов, татар, иудеев, а также сосланных или сбежавших старообрядцев. Миссионеры неустанно обходили с проповедью Забайкалье, прилагая старания к просвещению

паствы и устройству церковно-гражданского быта новокрещенных народов с целью слияния их с русским оседлым населением.

Подвиг святых миссионеров Забайкальской земли — явление уникальное, всемирное и одновременно чисто русское. Он заключен в отказе от комфорта, в презрении к материальным ценностям, в духовной работе, которая обязательно соединялась с государственными интересами. Это пример миссионерского служения русского человека среди народов восточного мира. В своих трудах и практической деятельности эти люди обозначили главные черты миссии, которые являют собой целостную картину окормления того или иного народа, желающего идти со Христом. Советы их остаются актуальными и по сей день, о чем свидетельствует новая Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви, которая, по сути, опирается на исторический опыт русской Православной апостольской церкви [2].

Литература и источники

1. Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета : в 3 т. Стокгольм : Институт перевода Библии, 1987. Репр. воспр. изд. 1904–1913 гг.

2. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] / Русская православная церковь : офиц. сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/220922.html> (дата обращения: 29.05.2017).

3. Избранные труды святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского / [сост. и вступ. ст. прот. Б. Пивоварова] ; Православ. гимназия во имя преподоб. Сергия Радонежского. М. : Изд-во Московской Патриархии ; Новосибирск : Изд-во Православной гимназии во имя преподобного Сергия Радонежского, 1997. 367 с.

4. Православное Забайкалье. Чита : Экспресс-издательство, 2004. 274 с.

5. Духовная летопись Забайкалья : информ. изд. / С. М. Авдеев [и др.]. Чита : Читинская и Забайкальская епархия, 2009. 456 с.

6. Святитель Мелетий, епископ Рязанский и Зарайский [Электронный ресурс] // Сайт Вознесенской Давидовой пустыни. URL: www.davidova-pustyn.ru (дата обращения: 2.06.2017).

7. Акт (22 нояб. 1911 г. за № 4287) // Забайкальские епархиальные ведомости. 1911. № 23/24 (1–15 дек.). С. 574–576.
УДК 281.93(571.55):266

**УЧАСТИЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ДУХОВЕНСТВА
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ
ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
(КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)**

В статье дается обзор научно-исследовательской и переводческой деятельности дореволюционного забайкальского духовенства в контексте его сотрудничества с ИРГО и местными отделениями общества. Рассматриваются труды священников-миссионеров К. К. Стукова, А. Н. Добромыслова, Я. А. Чистохина, протоиерея П. И. Затопляева, иеромонаха Серафима, викарного епископа Селенгинского Мелетия (Якимова).

Ключевые слова: *Забайкалье, православное духовенство, миссионеры, Троицкосавское и Забайкальское отделения ИРГО, этнография, переводы, путевые заметки.*

Vladimir I. Kosykh

**PARTICIPATION OF TRANSBAIKALIA CLERGY IN
THE ACTIVITIES OF LOCAL DEPARTMENTS OF
EAST-SIBERIAN IMPERIAL RUSSIAN
GEOGRAPHICAL SOCIETY
(END OF XIX — BEGINNING OF XX CENTURIES)**

The article covers scientific, research and translational activities of members of Transbaikalia clergy (before the Revolution). It emphasizes their collaboration with East-Siberian Department of Imperial Russian geographical society and its local branches. The author of the article analyzes the works of missionary priests K. K. Stukov, A. N. Dobromyslov, Y. Chistokhin, archpriest P. I. Zatoplyayev, hieromonk Serafim and vicar bishop of Selenginsk — Meletyi (Yakimov).

---

* **Косых Владимир Иванович**, канд. ист. наук, доцент кафедры истории Забайкальского государственного университета, г. Чита.

Kosykh Vladimir Ivanovich., PhD in History, associate professor of the Department of History of the Trans-Baikal State University, Chita.

E-mail: ifotdel@yandex.ru

Keywords: *Transbaikalia, Orthodox clergy, missionaries, Troitskosavsk and Transbaikalia branches of Imperial Russian geographical society, ethnography, translations, travel notes.*

Вторая половина XIX в. требовала продолжения научного освоения Сибири, важная роль в этом принадлежала образованному в 1845 г. Императорскому Русскому географическому обществу (ИРГО) и его отделам (или отделениям) на местах. Так, в Иркутске 17 ноября 1851 г. открылся Сибирский отдел ИРГО, в 1877 г. разделившийся на Западно-Сибирский (ЗСОРО) и Восточно-Сибирский (ВСОРО) отделы. С ними в тесном контакте начинали работать возникавшие тогда музеи. В 1890-е гг. открылись новые отделы и отделения ИРГО: Приамурский (в Хабаровске), в который, в 1894 г. вошли только что образованные Троицкосавское и Забайкальское отделения (последнее — в Чите) [1].

Представители сибирского духовенства (в том числе забайкальского) по возможности участвовали в работе отделений общества. Пример в этом подавали их коллеги из ВСОРО: по подсчетам новосибирского исследователя С. В. Ивлева, здесь в 1877–1907 гг. научными изысканиями в различных областях науки занимались 17 представителей белого и черного духовенства [2, с. 140].

За рядовым духовенством следовали и архиереи. Так, первый самостоятельный руководитель Забайкальской епархии епископ Забайкальский и Нерчинский Георгий (1894–1898) состоял почетным членом Забайкальского областного отделения Приамурского отдела ИРГО. В 1899 г., будучи уже епископом Тамбовским и Шацким, епископ Георгий оставался почетным членом этого отделения [3, с. 21].

По причине обширности своих приходов, что являлось обычным для нашего края, приходское духовенство и монашествующие часто вели настоящую «цыганскую жизнь», выезжая по долгу службы в самые настоящие медвежьи углы. В силу случайностей или просто любопытства, основанного на тяге к истории или этнографии, знакомились с археологическими артефактами или останками древних животных, нумизматическими коллекциями или случайными находками прихожан, экземплярами фалеристики, занимались агрономическими опытами и др.

Имена некоторых представителей забайкальского духовенства знала вся просвещенная Россия: например, священника-миссионера А. Аргентова, в конце XIX — начале XX в. проживавшего в г. Верхнеудинске. Свою миссионерскую службу он нес в Колымском крае, настоящую известность приобрел как действительный член ВСОРО, Комитета акклиматизации животных и растений при Императорском Московском обществе сельского хозяйства. Судя по всему, священник преуспел в научных изысканиях: ВСОРО наградило

его серебряной медалью за труды по этнографии, Московское общество — бронзовой.

Священников-миссионеров к этнографическим исследованиям направляло зачастую прекрасное владение языками автохтонного населения Забайкалья, знание их бытовых условий и навыков, рода занятий и промыслов, верований и обрядностей, культуры, психологии. Свои постоянные наблюдения и впечатления миссионеры отражали обычно в отчетах начальнику Забайкальской духовной миссии, хотя, естественно, в ограниченном объеме. Зато в путевых заметках и дневниках они записывали все, что заинтересовало их в улусах, станах, выселках. Здесь помещалось то, что не входило (и не вошло бы) ни в один официальный отчет.

Однако немногие из приходских священников и миссионеров отваживались на публикацию своих «рабочих зарисовок» в периодических изданиях, светских и православных. Так, еще в 1860-е гг. в Сибирском отделе ИРГО активно работал священник-миссионер К. К. Стуков, который как прекрасный знаток бурятского и монгольского языков неоднократно привлекался в качестве переводчика-профессионала к подготовке переводов ряда богослужебных книг на бурятский язык. К. К. Стуков досконально знал жизнь бурят Иркутской губернии и Забайкальской области и отрадно, что свои впечатления и наблюдения он не оставил в письменном столе, а согласился на их публикацию [4].

В Троицкосавско-Кяхтинском отделении Приамурского отдела ИРГО вопросами этнографии (равно как археологии и агрономии) занимался священник А. Н. Добромыслов. Можно только сожалеть, что он не стремился опубликовать свои научные труды, отдавая в печать немногие [5].

Заметный вклад в дело исследования этнографии иркутских и забайкальских бурят внес священник Я. Чистохин, выходец из семьи бурят Забайкалья. В зрелом возрасте он принял православие, русское имя и фамилию. Острый ум, настойчивость, тщательность и постоянное стремление узнать больше привели его к священническому сану и миссионерскому проповедничеству среди своих земляков.

Прекрасное знание нескольких наречий родного языка, а также русского и литературного монгольского позволило священнику Я. Чистохину стать известным в Сибири. Знали его и в Комиссии переводчиков при Казанской духовной академии, в которой он работал в 1874, 1875 и 1877 гг. по вызову ее руководителя, профессора богословия В. В. Миротворцева. Именно в это время Комиссия занималась переводами богослужебной литературы на диалекты иркутских и забайкальских бурят.

Не только владение языком, но и глубокое знание жизни бурят «изнутри», постоянное и доброе общение с ними, полное доверие к нему новокрещенных соплеменников в миссионерских станах — все это позволило Чистохину накопить солидный пласт этнографического материала. Понимая, что это вызовет интерес и принесет пользу людям образованным и любознательным, Я. Чистохин с декабря 1891 г. начинает активно сотрудничать с ВСОРГО, направляя туда материалы, которые всегда отличались выдержанностью, объективностью, толерантностью, корректностью изложения [6].

Ценные письменные наблюдения за жизнью автохтонного населения оставили также представители забайкальского духовенства, которые официально не состояли членами отделов или отделений ВСОРГО. Руководители епархии, благочинные округов не препятствовали им. Напротив, предоставляли страницы официальных православных периодических органов для публикаций своих сотрудников.

Находил время для этнографических исследований забайкальских бурят, известный всей области нерчинский протоиерей П. И. Затопляев, которого нерчинцы за доброту ласково называли «дедушкой». Он многое сделал для пополнения энтомологической коллекции только что открывшегося Нерчинского краеведческого музея. По его просьбе преподаватели и ученики местного духовного училища в окрестностях города выискивали и отлавливали редкие и ценные экземпляры насекомых [7].

Весь июнь 1901 г. среди бурят Хоринского ведомства произносил проповеди миссионер Иргенского стана Забайкальской духовной миссии иеромонах Серафим. В перерывах между служебными делами иеромонах изучал их быт, труд, верования и т. д. В его дневнике, помимо дежурного отчета и комментария о проповедях, собеседованиях и диспутах, содержатся важные сведения чисто этнографического характера, хотя, к сожалению, и в ограниченном объеме [8].

Не только рядовые миссионеры и приходские священники живо интересовались этнографией автохтонного населения Забайкалья. Подобные материалы есть в записках викарного епископа Селенгинского Мелетия, возглавлявшего в 1860-е гг. местную духовную миссию. Умный, образованный, добропорядочный человек, епископ благожелательно относился к бурятам, хамниганам, эвенкам и другим «старожильческим народам» области. Он был убежден в необходимости «просвещения светом Христовым» коренного населения. Вел он себя в этом плане осторожно и тактично, равно как и в описании этнографических особенностей их жизни [9].

В 1915 г. из Варшавской епархии в далекую Забайкальскую Синод перевел священника К. Коронина, выпускника Петроградской духовной академии 1909 г., по его прошению. Выяснилось также, что в 1907–1909 гг. будущий священник в качестве вольнослушателя посещал лекции Петроградского Императорского археологического института [10, л. 26, 26 об.]. Можно полагать, что К. Коронин готовил себя к сотрудничеству с церковно-археологическими обществами, действовавшими в ряде российских епархий. К сожалению, сведений об археологических опытах священника (с 1917 г. — протоиерея) К. Коронина обнаружить пока не удалось.

Важность участия священников-миссионеров в работе местных отделов и отделений ИРГО очевидна: во-первых, востребованными оказались знания и образованность этих людей; во-вторых, этнографические и прочие сведения из истории коренных забайкальцев подавались на должном научном уровне, носили объективный характер; в-третьих, это стало призывом к остальному духовенству вносить свой посильный вклад в дело научного исследования области. Можно только сожалеть, что на этот призыв мало кто откликнулся: не оставляла свободного времени приходская жизнь, да и новые времена к тому уже не располагали.

Литература и источники

1. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Т. 3. Л.: Наука, 1969. С. 379, 384, 385, 386, 398.
2. Ивлев С. В. Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества и общественно-политическая жизнь Сибири (1877–1907 гг.) // Социально-политическое развитие Сибири XIX–XX вв. Бахрушинские чтения. Сб. научных трудов. Новосибирск: Наука, 1982.
3. Памятная книжка Забайкальской области на 1899 г. Ч. 1. Чита, 1899.
4. Стуков К. К. Манджушири (из описания коллекции буддийских божеств) // Отчет СОРГО. Иркутск, 1863. С. 43, 49. Он же. О пище монголо-бурят // Записки СОРГО. Кн. VII. Отд. 1. Иркутск, 1865. С. 141–172. Он же. Очерки монголо-бурят, кочующих в Восточной Сибири // Записки СОРГО. Кн. VII. Иркутск, 1865. С. 122–172. Он же. Из путевых записок по Забайкалью // Записки СОРГО. Кн. 1. Иркутск, 1865. С. 222.
5. Добромыслов А. Искусственное орошение огородов в слободе Усть-Кяхта // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. Т. 14. Вып. 1–2. Троицкосавск, 1911 (1912). С. 18–30. Он же. «Обоюд» или «Нарин», «Цайлахо» или «Гулянка» // Труды Троицкосавско-Кяхтинского

отделения Приамурского отдела Русского географического общества. Т. 15. Вып. 3. Троицкосавск, 1912. С. 69–78. Он же. Доисторический человек в долине р. Савы около слободы Усть-Кяхта // Забайкальские епарх. вед. 1912. № 1. Отдел неофициальный. С. 10–13.

6. Чистохин Я. Материалы по народному творчеству монголов // Изв. Вост.-Сиб. отд. Имп. Рус. Геогр. О-ва. Иркутск, 1894. Т. 25, № 2–3. С. 134–141. Он же. Сохор-Ноин. Местное предание Тункинских бурят // Изв. Вост.-Сиб. отд. Имп. Рус. Геогр. О-ва. Иркутск, 1895. Т. 26, № 1–3. С. 32–37. Он же. Инородческие загадки Тункинского края // Изв. Вост.-Сиб. отд. Имп. Рус. Геогр. О-ва. Иркутск, 1895. Т. 26, № 1–3. С. 37–39

7. Суворцев М. Венок на гроб // Забайкальские епарх. вед. 1904. № 17; Тараторин Н. Некролог // Забайкальские епарх. вед. 1904. № 14.

8. Серафим, иеромонах. По дацанам и улусам хоринских бурят. Июнь 1901 г. // Православный благовестник. 1901. Т. 1. № 8. С. 354–359; Т. 2. № 10. С. 60–66, № 11. С. 106–111, № 12. С. 215–223, № 13. С. 324–332.

9. Мелетий. Из записок забайкальского миссионера // Христианское чтение. 1863. Ч. 2. № 8. С. 21–40; 1865. Ч. 4. № 10. С. 23–41. Он же. Из записок забайкальского миссионера // Духовная беседа. 1864. Т. 21. № 34, 35. С. 21–40.

10. ГАЗК. Ф. Р-422. Оп. 2. Д. 598.

УДК 930.1(09):281.93(571.55)

Е. В. Дроботушенко*

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В XVIII — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье анализируются научные публикации по истории образовательной деятельности православного духовенства Забайкальской епархии в XVIII — начале XX в. Отмечается, что

---

* Дроботушенко Евгений Викторович, канд. ист. наук, доцент, декан исторического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита.

Drobotushenko Evgeny Victorovich, PhD in History, associate professor, the dean of the History Faculty of Trans-Baikal State University, Chita.

E-mail: DRZZ@yandex.ru

основным источником по теме являются архивные документы, главным образом Государственного архива Забайкальского края, что предопределяет схожесть некоторых публикаций по представленным фактографическим данным. Однако данную тему возможно исследовать и в дальнейшем, при условии расширения источниковой базы.

Ключевые слова: историография, православие, Русская Православная Церковь, духовенство, священнослужители, монашество.

Evgeny V. Drobotushenko

THE ISSUES OF HISTORIOGRAPHY OF EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE TRANSBAIKALIA ORTHODOX CLERGY IN XVIII — EARLY XX CENTURY

The article analyzes scientific publications on the history of the educational activity of the Transbaikalia orthodox clergy in XVIII — early XX centuries showing that the main sources on the topic are archival documents, mainly the State Archive of the Transbaikalia, which explains the similarity of some publications on the presented factographic data. The author suggests that to date, there are a number of scientific publications on the history of the educational activity of the orthodox clergy of the region. At the same time, the assumption is made about the possibility of further research within the subject field which requires working with sources.

Keywords: *historiography, Orthodoxy, Russian Orthodox Church, clergy, priests, monks.*

Интереснейшим малоизученным аспектом историографии Забайкалья является образовательная деятельность православного духовенства региона. На сегодняшний день нет объемного обобщающего исследования по данной теме. Имеющиеся публикации содержат определенные, очевидные для серьезно занимающегося проблематикой исследователя, недостатки. В то же время отсутствует исчерпывающий труд по историографии проблемы.

Первые упоминания о школах, организованных на территории Забайкалья православным духовенством, относятся еще к началу XX в.: например, в знаменитом труде архимандрита Мелетия (Якимова)

«Пустынник Варлаам, основатель Иоанно-Предтеченского скита на границах Китайской Монголии, в Чикойских горах за Байкалом (эпизод из истории русского православного миссионерства в Сибири)», однако упоминание о школе при Чикойской обители краткое [1, с. 41].

Отдельные строки о православных школах встречаем и в публикациях советского времени. К примеру, в работе М. Л. Нейтмана говорится о передаче в 1918 г. школ ведомства православного исповедания в ведение органов народного образования; у М. М. Шмулевича называется школа при Селенгинском Свято-Троицком монастыре [2, с. 36; 3, с. 34].

Научные публикации, содержащие значительный объем информации по проблеме образовательной деятельности православного духовенства Забайкалья в XIX — начале XX в., принадлежат, главным образом, современным читинским исследователям. Отдельную информацию встречаем в обобщающих работах по истории православной церкви в регионе у авторов из Улан-Удэ.

Первые значительные работы, содержащие достаточно много данных по образовательной деятельности православного духовенства Забайкалья в XVIII — начале XX в., опубликованы В. И. Косых. Обобщающий же труд по истории церковно-приходских школ и школ грамоты в Забайкалье принадлежит А. Е. Басалаеву.

В своей первой монографии «Забайкальская епархия накануне и в годы первой российской революции» (Чита, 1999 г.) В. И. Косых дает характеристику церковно-приходских школ и школ грамоты ведомства православного исповедания: приводятся данные об их количестве, численном составе учащихся и учителей, изучаемых предметах. История образовательной деятельности православного духовенства представлена достаточно полно, однако монастырским учебным заведениям не уделено значительного внимания [4].

Тема учебных заведений православной церкви нашла продолжение в последующих монографиях В. И. Косых. Все они являются обобщающими исследованиями по истории Забайкальской епархии в начале XX в. Отметим, что материал в них местами повторяется. В более поздних изданиях автор дополняет имеющиеся данные [5; 6; 7; 8; 9].

Наиболее ценно то, что В. И. Косых, в отличие от других авторов, большое внимание уделяет среднему образованию. Он пишет о епархиальных училищах, приводит статистические данные по числу обучавшихся, стоимости обучения, предметам, особенностям быта [4; 5; 6; 7; 8; 9].

Специальные исследования по истории церковно-приходских школ и школ грамоты в регионе содержатся в трудах А. Е. Басалаева. Итогом их стали написанная в начале 2000-х гг. диссертация «Церковно-приходские школы и школы грамоты Забайкальской области. 1884–1917 годы» и монография с аналогичным названием. На наш взгляд, материалы Басалаева, во многом, хотя и с дополнениями, повторяют то, что годом ранее изложил в обобщающем труде по истории Забайкальской епархии В. И. Косых. Несмотря на это, именно исследование Басалаева остается первым и на сегодняшний день единственным специальным по истории образовательной деятельности православного духовенства Забайкалья в дореволюционный период.

К недостаткам этой работы можно отнести то, что, говоря о Забайкальской области, автор за первую хронологическую границу берет 1894 г. — год создания самостоятельной Забайкальской епархии. Однако Забайкальская область существовала с 1851 г. и, что интересно, зарождение образовательной деятельности православного духовенства в регионе началось значительно ранее 1894 г. Кроме того, ни в диссертации и монографии, ни в статьях А. Е. Басалаева не отражена деятельность школ грамоты и церковно-приходских школ при монастырях епархии [10; 11; 12; 13; 14].

Значительное внимание школам православной церкви Забайкалья и Восточной Сибири уделяется в объемной двухтомной работе известнейших сибирских специалистов по православной истории — А. В. Дулова и А. П. Санникова. Их исследование разделено на две части по хронологическому принципу. В первой авторы используют не вполне традиционное именование «духовные школы». Существуют понятие «духовные учебные заведения» или «духовные училища». Относительно школ обычно используются термины «церковные школы», «церковно-приходские», «школы грамоты», «монастырские школы», «школы ведомства православного исповедания» и т. д. Во второй части речь идет уже о «духовном образовании». Насколько верно такое наименование, также сказать сложно, поскольку школы грамоты, организованные православным духовенством, в основном давали общие знания, духовная составляющая занимала далеко не первое место.

В первой части авторы рассматривают историю духовных школ в период с начала 20-х до конца 80-х гг. XVIII в., во второй — с 40-х гг. XIX в. до начала Первой мировой войны. Предложенные хронологические рамки видятся несколько странными. Возникает

вопрос об образовательной деятельности православного духовенства Восточной Сибири в период конца 80-х гг. XVIII в. — 40-х гг. XIX в. Также более логичным представляется продолжение истории школ ведомства православного исповедания до установления в регионе советской власти, в Забайкалье — до образования Дальневосточной Республики.

Еще одна проблема заключается в том, что в первой части авторы, упоминая школы при забайкальских монастырях в таблицах, в тексте об образовательной деятельности забайкальского духовенства больше не говорят. Несколько лучше обстоит дело со вторым периодом, однако и там встречаем, главным образом, только упоминание об епархиальном училище в Чите и, со ссылкой на того же А. Е. Басалаева, — о школьных учителях Забайкальской епархии на начало XX в. и общем количестве школ за некоторые годы [15, т. 1, с. 211–220; т. 2, с. 210–220].

Дословная перепечатка параграфа «Духовные школы Восточной Сибири» помещена в монографическом исследовании А. П. Санникова «Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII–XVIII веках» [16, с. 132–143].

Отдельный раздел посвящен развитию образовательной деятельности Русской Православной Церкви в Восточном Забайкалье в диссертационном исследовании, а затем и в монографии Л. А. Яцечко. Хронологические рамки определены второй половиной XIX — началом XX в. Изучение образовательной деятельности ведомства православного исповедания, так же, как и Министерства просвещения, в названное время в рамках Восточного Забайкалья, на наш взгляд, невозможно. Дело в том, что с 1851 г. и до создания Дальневосточной Республики и Восточное, и Западное Забайкалье в административном плане относились к Забайкальской области. В плане же церковно-административного деления до 1894 г. все Забайкалье принадлежало к Иркутской епархии, с названного же года — к самостоятельной Забайкальской епархии. Как можно разделить образовательные процессы, протекавшие в одной административной или церковно-административной единице? Собственно, это, видимо, не совсем ясно и автору, поскольку в разделе, посвященном церковно-приходским школам и школам грамоты, анализируется их деятельность по всей епархии, без разделения на восточную и западную части. Отметим также, что автор, несмотря на обозначенный им период, по сути, с середины XIX в., к сожалению, рассматривает преимущественно конец

XIX — начало XX в. Можно предположить, что связано это с наличием источниковых данных. В материалах исследования Л. А. Яцечко фактографические данные дополнены статистикой, что делает картину полнее, однако, по большому счету, новой информации почти не приводится [17, с. 47–71].

Следует отметить, что отрывочные данные о церковно-приходских школах, школах грамоты, училищах можно встретить в иных обобщающих трудах. Это работы как по истории православной церкви в Забайкалье, так и по истории образования и истории региона в целом: их авторы — В. И. Андреев, М. Н. Богданов, Г. С. Митыпова, О. Е. Наумова [18; 19; 20; 21; 22; 23; 24].

Очевидно, что работы советского времени только вскользь затрагивали историю православного образования, лишь упоминая о церковно-приходских школах. Несколько иная ситуация с публикациями постсоветского периода: в них авторы более подробно останавливаются на статистических данных, делают попытки оценить вклад школ ведомства православного исповедания в образовательный процесс региона. Однако широкого исторического экскурса не дано.

Охарактеризовав историографическую базу изучения образовательной деятельности православного духовенства в Забайкалье во второй половине XIX — начале XX в., можно сделать следующие выводы. Проблема заключается в том, что работы разных авторов не просто перекликаются, они, по сути, повторяют друг друга, не внося новых фактов. Причина в том, что в основу легли одни и те же источники — документы Государственного архива Забайкальского края. Представляется, что при расширении источниковой базы, за счет использования документов иных архивов ситуация изменится. Кроме того, история образовательной деятельности православного духовенства в Забайкалье может найти выражение в самостоятельном исследовании, поскольку имеющаяся объемная публикация А. Е. Басалаева содержит очевидные пробелы.

Литература

1. Мелетий (Якимов, Михаил Кузьмич; архим.; 1835–1900). Пустынный Варлаам, основатель Иоанно-Предтеченского скита на границах Китайской монголии, в Чикойских горах за Байкалом (эпизод

из истории русского православного миссионерства в Сибири). 4-е изд. Рязань : тип. Братства св. Василия, 1901. 63 с.

2. Нейтман, М. Л. К вопросу об отделении школы от церкви в Забайкалье // Проблемы краеведения. Вып. 8. Чита : Забайкальский филиал географического общества СССР, 1980. С. 35–37.

3. Шмулевич, М. М. Троицко-Селенгинский монастырь. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1982. 63 с.

4. Косых, В. И. Забайкальская епархия накануне и в годы первой российской революции. Чита : Изд-во Забайкальского гос. пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 1999. 196 с.

5. Косых, В. И. Забайкальская епархия 1908–1923 гг. Чита : Изд-во Забайкальского гос. пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 2007. 204 с.

6. Косых, В. И. Забайкальская епархия в годы Первой мировой войны. Чита : Забайкальский гос. ун-т, 2014. 287 с.

7. Косых, В. И. Советская власть и Забайкальская епархия: февраль – август 1918 г. Чита : Забайкальский гос. ун-т, 2015. 369 с.

8. Косых, В. И. Советская власть и Забайкальская епархия (февраль – август 1918 г.) // Государство. Общество, церковь в истории России XX века : материалы X междунар. науч. конф. Иваново, 16–17 февраля 2011 г. : [в 2 ч.]. Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2011. Часть 1. С. 252–255.

9. Косых, В. И. Учебный процесс в Нерчинском духовном училище (1830-е гг.) // Государство. Общество, церковь в истории России XX века: материалы XII междунар. науч. конф. Иваново, 20–21 февраля 2013 г. : [в 2 ч.]. Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2013. Часть 1. С. 195–200.

10. Басалаев, А. Е. Воспитание и образование населения дореволюционного Забайкалья через систему начальных школ ведомства православного исповедания // Национальная идея: образование и воспитание (философско-методические и региональные аспекты). Чита : Изд-во Забайкальского гос. пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 1998. Вып. 1. С. 182–185.

11. Басалаев, А. Е. Начальное образование в Забайкалье (из истории церковно-приходских школ) // Народное образование Забайкалья: история и опыт : сб. материалов науч. конф. Чита : Изд-во Забайкальского гос. пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 2000. С. 43–45.

12. Басалаев, А. Е. Производственное обучение в начальной церковной школе // Наука и образование на рубеже тысячелетий : тез.

докл. Чита : Изд-во Забайкальского гос. пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 1999. Часть II. С. 25–28.

13. Басалаев, А. Е. Церковно-приходские школы и школы грамоты Забайкальской области (1884–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Чита : ЗабГУ, 2000. 232 с.

14. Басалаев, А. Е. Церковно-приходские школы и школы грамоты Забайкальской области 1884–1917 гг. Чита : Изд-во Забайкальского гос. пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 2002. 279 с.

15. Дулов, А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX века : в 2 ч. Иркутск : ООО «СибПолиграфСервис», 2006.

16. Санников, А. П. Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII–XVIII веках. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. 311 с.

17. Ящечко, Л. А. Развитие начального образования в Восточном Забайкалье во второй половине XIX – начале XX в. Улан-Удэ : Бэлиг, 2008. 143 с.

18. Андреев, В. И. История бурятской школы (1804–1962). Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 1964. 566 с.

19. Богданов, М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск : Бурят-Монгольское изд-во, 1926. 244 с.

20. Митыпова, Г. С. История становления и развития православной традиции в Бурятии (XVII–XXI вв.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Улан-Удэ : БГУ, 2006. 387 с.

21. Митыпова, Г. С. Православные храмы Западного Забайкалья (XVII–XX вв.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Улан-Удэ : БГУ, 1998. 192 с.

22. Митыпова, Е. С. Православные храмы в Забайкалье (XVII – нач. XX в.). Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 1997. 103 с.

23. Наумова, О. Е. Иркутская епархия в XVIII – первой половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1997. 24 с.

24. Наумова, О. Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX века. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 1996. 208 с.

СЕКЦИЯ «ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ»

УДК 281.93(093.2)

О. А. Михайлова*

**ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА
В СОСТАВЕ ВЫСТАВКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ «СВЯТИТЕЛЬ
ИННОКЕНТИЙ (ВЕНИАМИНОВ) — МИССИОНЕР,
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ПРОСВЕТИТЕЛЬ»**

В статье дается обзор документов Российского государственного исторического архива, включенных в состав совместной выставки Государственного архива Иркутской области и Национального архива Республики Саха (Якутия), освещающей тему миссионерской деятельности святителя Иннокентия (Вениаминова) на территории России и Русской Америки.

Ключевые слова: *святитель Иннокентий (Вениаминов), о. Уналашка, о. Ситка, Российско-американская компания, Св. Синод, епископ Камчатский, Курильский и Алеутский, Новоархангельский архиерейский дом, митрополит Московский.*

---

* Михайлова Олеся Андреевна, гл. архивист отдела использования документов и работы с обращениями граждан и организаций Государственного архива Иркутской области, г. Иркутск.

Mikhailova Olesya A., chief archivist of the Department of the Usage of Documents and Work with the Complaints of Citizens and Organization, State Archive of Irkutsk Region, Irkutsk.

E-mail: ogugaio@mail.ru

**DOCUMENTS OF THE RUSSIAN STATE HISTORICAL
ARCHIVE AS A PART OF THE EXHIBITION OF THE
STATE ARCHIVE OF IRKUTSK REGION «SAINT
INNOCENT (VENIAMINOV) — MISSIONARY,
SCHOLAR, EDUCATOR»**

The article analyzes documents of the Russian state historical archive, included in the joint exhibition of the State Archive of the Irkutsk Region and the National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia), which highlights the theme of missionary work of St. Innocent (Veniaminov) in the territory of Russia and Russian America.

Keywords: *St. Innocent (Veniaminov), Unalaska Island, Sitka Island, Russian-American company, Holy Synod, the bishop of Kamchatka, Kurile and Aleutian Islands, Novo-Arkhangelsk bishop's house, metropolitan of Moscow.*

В 2015 г. Государственным архивом Иркутской области (ГАИО) при участии Национального архива Республики Саха (Якутия) была подготовлена выставка, посвященная жизни и миссионерской деятельности великого православного миссионера — святителя Иннокентия (Вениаминова). В ее состав вошли четыре раздела: о семье Поповых; об обучении Иоанна в Иркутской духовной семинарии; о его службе в иркутской Благовещенской церкви и о миссионерском пути Иннокентия Вениаминова по территории Русской Америки, Якутии и Дальнего Востока.

В 2016 г. выставка была пополнена рядом ценных документов, предоставленных ГАИО Российским государственным историческим архивом. Эти документы, открывающие неизвестные детали ранее уже установленных фактов жизни святителя, составили отдельный раздел выставки, дополнивший уже существующие четыре раздела.

С экспозицией можно ознакомиться на официальном сайте ОГКУ ГАИО (www.gaio.ru) в разделе «Выставки».

Среди документов, предоставленных РГИА, имеется рапорт от 24 февраля 1823 г. епископа Иркутского Михаила о согласии Иоанна Вениаминова и его утверждении на службу священником на

о. Уналашка. Как указано в документе, священник Вениаминов, окончивший курс семинарского учения с отличными успехами и хорошим поведением, просит снабдить его с женой и матерью всем необходимым для поездки не в счет будущего жалованья, по примеру священника Соколова, отправленного на о. Ситку в 1816 г. [1, л. 345].

№ 1064. 4 Февраля 1823. 2490
78. 345

Всё Святейший Правительствующий Синод
Михаила, Епископа Иркутскаго,
Покорнейший Репортъ.

Во исполнение указа Святейшаго Правительствующаго Синода, отъ 16го Марта 1822 года повелѣовавшего о избраніи изъ вверенной ему Епархіи Священно-сержителея, испытаннаго въ гестности и сегоденіяхъ на островѣ Уналашкѣ, Святейшему Синоду снайъ низжайше оному, что на приглашеніе сего охотно согласился быть Священникомъ на островѣ Уналашкѣ Градо Иркутской Свято-Владимірской Церкви Священника Іоаннъ Велимировъ, Копіиый Куровъ Семипарскаго уездя, съ отличными успѣхами и съ хорошимъ поведеніемъ, съ отправкы коего сообщивъ я угривляюся

Взятъ 9 Февраля 1823.

Фрагмент рапорта епископа Иркутского Михаила от 24 февраля 1823 г.
ФКУ РГИА. Ф. 796 (канцелярия Синода). Оп. 90. Д. 293. Л. 345

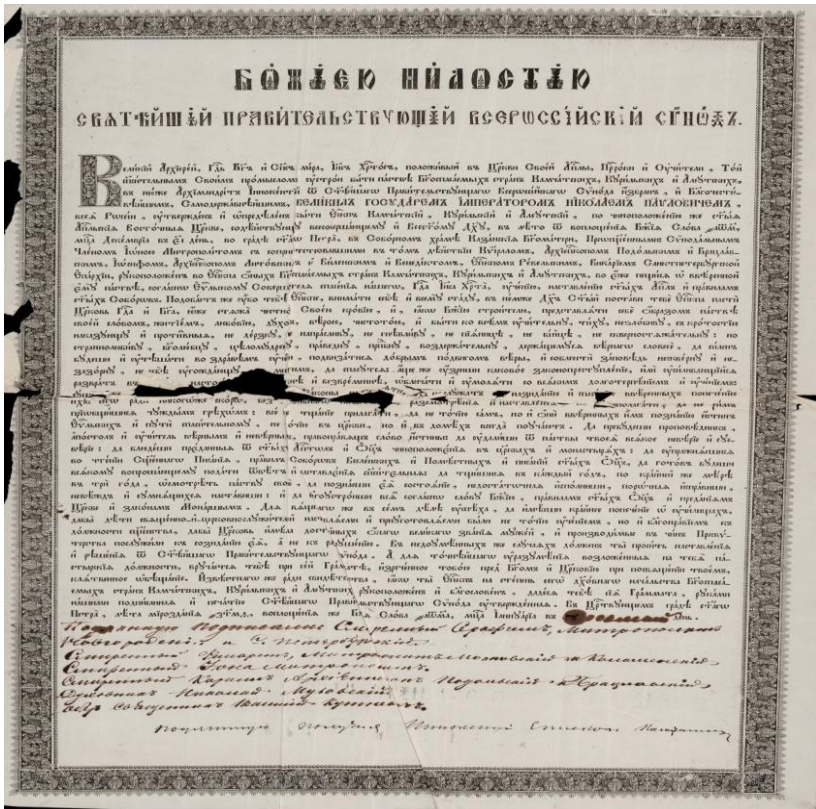

Также Вениаминов считает нужным отправить вместе с ним на о. Уналашку исправного дьячка, который, помимо церковного служения, поможет священнику при обучении алеутов грамоте. И среди причетников уже были желающие поехать вместе с Вениаминовым. Но поскольку положение о причетнике в главном управлении Российско-американской компании отсутствовало, отправить дополнительно помощника священнику не представлялось возможным. Однако епископ Михаил просит Св. Синод рассмотреть данный вопрос с вынесением положительного решения.

В состав выставки включено также донесение Св. Синоду митрополита Московского и Коломенского Филарета от 21 января 1840 г. о рукоположении 25 декабря 1839 г. прибывшего в Санкт-Петербург из Америки священника Иоанна Вениаминова в сан протоиерея и выдаче ему Архиерейской грамоты. Рукоположение состоялось в домовый церкви Преподобного Сергия, которая располагалась на Троицком Санкт-Петербургском подворье [2, л. 11].

В одном из представленных на выставке документов дана характеристика на Иннокентия Вениаминова из послужного списка о представляемом первом кандидате на епископскую кафедру в Русской Америке и Камчатской области: «Находясь в белом духовенстве, проходил десять лет с отличным усердием и благоуспешностию должности миссионера и приходского священника на пространстве более тысячи верст; построил в Уналашке церковь с бережением в экономии ея до 17 тыс. рублей, содействовал к заведению там школы и дома для девиц-сирот; и сам преподавал там и в Ситхе закон Божий, составил для алеутов грамматику и более шестой части их научил читать и писать; от роду ему 46 лет, дел до него не касалось» [3, л. 168].

Важно также отметить вошедший в состав выставки манифест на типографском листе об избрании Св. Синодом и утверждении 15 декабря 1840 г. императором Николаем Павловичем архимандрита Иннокентия Вениаминова епископом Камчатским, Курильским и Алеутским [3, л. 183].

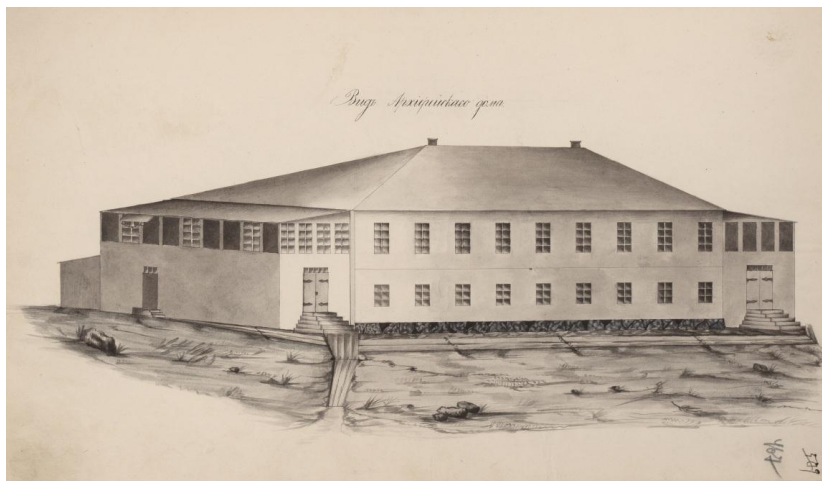
Манифест об утверждении Иннокентия (Вениаминова) епископом Камчатским, Курильским и Алеутским.
ФКУ РГИА. Ф. 796. Оп. 121. Д. 162. Л. 183

В рапорте от 22 апреля 1842 г. епископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий сообщает, что он отправился со всеми находящимися при нем лицами 20 августа 1841 г. из г. Охотска и благополучно прибыл 26 сентября 1841 г. в Новоархангельск, а на следующий день сошел на берег и вступил в полное управление вверенной ему епархией [3, л. 336].

В рапорте епископ Иннокентий отмечает, что плавание из Охотска на Ситху было одним из самых счастливейших. На пути к Новоархангельску корабль подходил к одному из Курильских островов — Симуширу, и в это время епископ Иннокентий направил священника на берег к живущим там нескольким русским и креолам для назидания их и исправления их треб.

Согласно вынесенному в 1841 г. распоряжению главного правления Российско-американской компании, была оглашена необходимость выстроить в Америке, в Новоархангельске особый дом для расположения в нем епископа и в отдельной особенной комнате домово́й церкви. В рапорте от 20 января 1844 г. епископ Камчатский Иннокентий сообщает Св. Синоду, что указанный архиерейский дом был заложен в 1842 г. и к моменту подачи рапорта его строительство почти окончено, а значит, он совершенно пригоден для жительства. А потому главное правление колоний предложило епископу Иннокентию вселиться в указанный дом.

Иннокентий Вениаминов в том же рапорте сообщает Св. Синоду, что 12 декабря 1843 г. поселился в новом доме, где вместе с ним разместились духовное правление, духовное училище с 15 казенными учениками, смотритель училища, эконо́м дома, келейник и прислуга [3, л. 466–468]. К рапорту прилагаются подробный план двухэтажного здания и его изображение.

Вид Архиерейского дома. ФКУ РГИА. Ф. 796. Оп. 121. Д. 162. Л. 467

Построенный архиерейский дом сохранился до наших дней и содержится в надлежащем виде.

Завершает раздел документов РГИА о святителе Иннокентии (Вениаминове) донесение викариев Московской епархии в адрес Св. Синода, в котором с глубокой скорбью сообщается о кончине митрополита Московского и Коломенского 31 марта 1879 г. в 2 часа 45 минут по полуночи после продолжительной болезни [4, л. 14].

Еще при жизни, предчувствуя приближение своей смерти, митрополит словесно завещал похоронить тело его в Филаретовской церкви Сергиевой Лавры, где ранее был погребен его предшественник, митрополит Филарет.

Включение в выставку, подготовленную архивами Иркутской области и Республики Саха (Якутия), документов РГИА позволило расширить территориальный масштаб проекта по освящению жизни и миссионерской деятельности святителя Иннокентия.

Источники

1. РГИА. Ф. 796 (канцелярия Синода). Оп. 90. Д. 293.
2. РГИА. Ф. 796. Оп. 120. Д. 784.
3. РГИА. Ф. 796. Оп. 121. Д. 162.
4. РГИА. Ф. 796. Оп. 160. Д. 1657.

УДК 281.93(798)(093.2)

В. А. Самсонова*

ВКЛАД МИХАИЛА ЗИНОВЬЕВИЧА ВИНОКУРОВА В СОХРАНЕНИЕ АРХИВОВ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

В статье рассматривается роль Михаила Зиновьевича Винокурова в сохранении архива Русской Православной Церкви в Америке. Дается информация об архивах православных церквей Аляски и Русской Америки. Рассказывается о деятельности Винокурова в славянской секции Библиотеки Конгресса США. Раскрывается состав коллекции Михаила Зиновьевича, содержащей редкие материалы по истории

---

* *Самсонова Валентина Андреевна*, гл. библиотекарь Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия), доцент Арктического государственного института культуры и искусств, заслуженный работник культуры РФ и РС (Я).

Samsonova Valentina Andreevna, chief librarian of the National Library of the Republic of Sakha (Yakutia), associate professor of the Arctic State Institute of Culture and Arts, honored worker of Culture of the Russian Federation and the Republic of Sakha (Yakutia).

Якутии, в том числе документы, связанные с именем святителя Иннокентия (Вениаминова). Рассказывается об изучении коллекции якутскими исследователями.

Ключевые слова: архивы Русской Православной Церкви, Винокуровская коллекция, Русская Америка, славянская секция Библиотеки Конгресса США.

Valentina A. Samsonova

CONTRIBUTION OF M.Z. VINOKOUROFF TO PRESERVATION OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ARCHIVES IN THE UNITED STATES OF AMERICA

The article analyzes M. Z. Vinokouroff's role in preservation of the Russian Orthodox Church archives in the USA. It holds the data about archives of the Orthodox churches of Alaska and Russian America. The article shows Vinokouroff's activities in Slavic section of the US Library of Congress. Reveals the composition of the Vinokouroff's collection, contains rare materials on the history of Yakutia, including the documents regarding St. Innocent (Veniaminov). Describes the study of the collection of Yakutian researchers.

Keywords: *Russian Orthodox Church archives, M. Z. Vinokouroff's collection, Russian America, Slavic section of the US Library of Congress.*

Михаил Винокуров происходил из семьи священников, служивших в Русской Америке. Его дед, Егор Иванович, родился в г. Якутске предположительно в 1820 г., жил на Ситхе примерно с 1845 по 1863 г., работал учителем, потом стал священником. Отец Михаила, Зиновий Винокуров, родившийся в Ситхе в 1853 г., там же впоследствии состоял священнослужителем. Сам Михаил Зиновьевич Винокуров появился на свет в г. Якутске в 1894 г. Окончив первый курс Якутской духовной семинарии, в возрасте 18 лет был поставлен псаломщиком Кыллахской Никольской церкви, где проводил службы на якутском языке. Затем переведен в Нюрбинскую церковь [1, f. 10–13], где пробыл недолго. С 1 июля 1917 г. рукоположен во священника к церкви при Якутской тюрьме [1, f. 16–22]. В октябре 1917 г. Михаил Винокуров вступил в брак с Анастасией Семеновной Якушковой, окончившей в Якутске епархиальную школу. Она работала в библиотеке православной семинарии.

В 1915 г. Винокуров совершил поездку в Санкт-Петербург. В его личном архиве хранится документ: «Предъявитель сего вида Якутской епархии Кыллахской Николаевской церкви Михаил Зиновьевич Винокуров, согласно изложению Якутским Епархиальным начальством, уволен в отпуск в пределы Европейской России сроком на четыре месяца, считая таковой со дня его выезда с места служения». Выдано 6 марта 1915 г. Там же от руки приписано, что М. З. Винокуров выехал в Европейскую Россию 10 марта 1915 г. [1, ф. 10–13]. Позже в своих письмах Михаил Зиновьевич напишет, что хотел пополнить свое образование, но шла «мировая война, и я был вынужден вернуться в Сибирь» [2, с. 41]. Поездка оказала на него как на творческого и эмоционального человека особое влияние и способствовала становлению его революционных взглядов.

Еще в юности М. Винокуров глубоко заинтересовался русской литературой. В его коллекции хранятся несколько томов прозы и стихов, переписанных от руки (например, произведения П. Н. Черных-Якутского и др.). Михаил Зиновьевич и сам обладал творческими способностями. В 1912 г. он опубликовал в газете «Якутская окраина» поэму «Тайга». Позднее под псевдонимом «Таежник» были напечатаны его стихотворения о родной природе, описывающие трескучие морозы и чарующие реки Севера. В письме к Э. К. Пекарскому он отмечал: «Может быть, Вы вспомните якутские издания, где я баловался стихами, подписывая их псевдонимом “Таежник”» [3]. Большое влияние на него оказал поэт Петр Черных-Якутский, с которым М. Винокуров дружил и которому посвящал свои стихи.

После революции Винокуров оставил службу по духовному ведомству и приказом № 28 Правительственного агронома Якутской области от 20 ноября 1917 г. был зачислен конторщиком при сельскохозяйственном складе [2, с. 46]. В 1918 г. получил назначение заведующим Якутской городской публичной библиотекой [4, л. 1].

Зимой 1918 г. Винокуров был арестован за принадлежность к партии эсеров и освобожден только в 1919 г. после прихода частей Белой армии. В марте 1919 г., не желая новых неприятностей, вместе с семьей он решил покинуть Россию. Винокуровы собирались обстоятельно и увезли с собой несколько ящиков книг, подшивки периодических изданий, рукописи, документы семейного архива, фамильные реликвии, много фотографий. Все это и легло в основу так называемой Винокуровской коллекции [2, с. 4].

Семья вначале выехала в Охотск, а затем, в июле 1919 г. — в Японию. Здесь Михаил Зиновьевич получил место певца в Русском

соборе в Токио. Он активно изучал японский язык. Через полтора года Винокуровы покинули Японию и направились в США.

В Америке, особенно на западном ее побережье, сохранились связи с американскими православными церковниками. Въезд в США облегчало и то обстоятельство, что Михаил возвращался «домой», на родину отца. В феврале 1921 г. Винокуровы прибыли в Сан-Франциско, затем переехали в Питсбург, потом в Нью-Йорк и, наконец, в ноябре 1921 г. обосновались в Вашингтоне, где Винокуров смог получить работу в Библиотеке Конгресса США. Много лет спустя он сам напишет об этом с некоторым удивлением: «Для меня, иммигранта, это было величайшим успехом и удачей» [2, с. 66]. 15 ноября 1921 г. Винокуров вышел на работу в качестве помощника библиотекаря славянской секции и оставался сотрудником Библиотеки Конгресса, как он сам писал, «ровно тридцать лет и три года» [5, р. 1].

Работа в Библиотеке Конгресса США, особенно в славянской секции, привела его к идее сбора материалов о России, так как с возникновением Советской России в американском обществе появился устойчивый интерес к изучению ее истории, экономики, политики и культуры. М. Винокуров способствовал созданию русской коллекции Библиотеки Конгресса США: «Главные поступления материалов в Библиотеку Конгресса, осуществленные Винокуровым, были совершены в 1927 (из церковных архивов Нью-Йорка) и в 1940 гг. (из местных церквей Аляски)» [6, с. 162]. Позднее Винокуров писал: «С первого года работы в Библиотеке Конгресса я <...> в свободное время создавал библиографию русской литературы Аляски...» [6, с. 163].

Михаил Винокуров познакомился со знаменитой библиотекой красноярского купца Г. В. Юдина, купленной Библиотекой Конгресса и нашел там материалы об Аляске и Русской Америке. Предположительно, именно это послужило началом его увлечения Аляской и Русской Америкой. Интерес, безусловно, поддерживался и тем, что это была родина его отца и бабушки.

Уже в 1925 г. Винокуров написал руководству Библиотеки Конгресса записку с просьбой о разрешении поездок на Аляску для сбора материалов и приведения в порядок архивов православных церквей Аляски. В начале 1927 г., всегда внимательно относившийся к вопросам ранней истории Аляски, он узнал, что многочисленные документы местных церквей хранятся в подвале русского православного собора Св. Николая в Нью-Йорке. По разрешению митрополита Платона, архиепископа Нью-Йорка Винокуров взялся за тяжелую работу по спасению исторических документов от порчи и уничтожения. В начале ноября 1927 г. аляскинский раздел архива был привезен из Нью-Йорка в Вашингтон, в Библиотеку Конгресса.

Только в 1940 г. Михаил Винокуров получил разрешение Православной Церкви и Библиотеки Конгресса работать над архивами в часовнях и церквях Аляски. За короткое время он успел вывезти уникальный материал, что вызвало недовольство некоторых влиятельных церковных лиц Аляски, не допустивших его в архив церкви на о. Кадьяк, о чем рассказывает нам сохранившаяся переписка. Разрушение церкви на Кадьяке спустя три года после поездки Винокурова свидетельствует о том, насколько нужна была его миссия по сохранению архивов Аляски. «Никто реально не может понять, насколько... трудна была эта затея, сколько энергии и сил у меня ушло, ...не имел никаких средств и возможностей, только великую любовь к Аляске и ее прошлому» [6, с. 164], — писал он впоследствии.

Коллекция М. З. Винокурова, собираемая в течение всей жизни и представляющая собой собрание книг, рукописей, исторических изданий, фотографий и других документов, связанных с историей Восточной Сибири и Русской Америки, была завещана им штату Аляска. И хотя сохранились письменные пожелания Винокурова отправить ее на родину, в Якутию, это оказалось невозможным во времена холодной войны. В настоящее время коллекция М. З. Винокурова хранится в Исторической библиотеке г. Джуно штата Аляска, США, куда она была передана в 1983 г. после его смерти.

Впервые о Михаиле Винокурове и его коллекции сотрудники Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) узнали в 1992 г. из статьи Р. Пирса, опубликованной в журнале «Полярная звезда» [6, с. 160–164]. Затем во время поездки в г. Фэрбенкс штата Аляска автору данной статьи удалось ознакомиться в библиотеке университета с частью коллекции, переведенной на микрофиши. В первую очередь важно было узнать о наличии документов, связанных с Якутией.

В последующие годы и другие исследователи из Якутии имели возможность работать с этой коллекцией. Особенно необходимо отметить работу О. Д. Якимова, профессора Якутского государственного университета, автора книг «Человек из небытия» [2], «Журналы священника Иоанна Вениаминова» [7]. Интересны и впечатления писателя В. Е. Васильева-Харысхала о знакомстве с коллекцией Винокурова в г. Джуно [8, с. 4].

Предварительный анализ документов коллекции, связанных с родиной Винокурова — Якутией, был дан в статьях автора настоящей публикации: «Якутская книга в США: поиски и находки» и «Михаил Винокуров и его коллекция якутских изданий в США» [9, с. 105–108; с. 200–204]. В Национальной библиотеке РС (Я) имеется указатель коллекции М. З. Винокурова на английском языке [10].

По распоряжению Президента Республики Саха (Якутия) от 10.01.2008 г. группа исследователей Республики Саха (Якутия) в составе В. А. Самсоновой, А. Н. Алексеевой, В. Е. Васильева, Н. И. Петрова и Э. М. Яковлева посетила г. Джуно, штат Аляска, США с целью изучения коллекции М. З. Винокурова. Работа в Исторической библиотеке штата Аляска началась по заранее подготовленному плану. Сотрудники библиотеки подготовили все ящики, в которых хранится коллекция. Каждый исследователь изучал свою часть документов. Всего было просмотрено 102 ящика из 105, кроме изданий Русской Православной Церкви (ящики 68–75), календарей на русском языке (76–81), детской литературы на русском языке (ящики 82–87).

Коллекция М. З. Винокурова состоит из разделов: личные документы, сборники; издания Библиотеки Конгресса (1921–1956); Русская Православная Церковь; исследовательские, справочные материалы; сибирские сериальные материалы; сибирские сериальные издания (1906–1919); тетради (рукописные копии); организации, культура; книготорговля; русские эмигранты и писатели; периодика на русском языке (1884–1979); вырезки и копии; папка с библиотечными данными; периодические издания Русской Православной Церкви (1803–1972); календари на русском языке (1847–1984); детская литература на русском языке; избранные публикации; репродукции, гравюры, картографические документы и т. п. Одно лишь перечисление материалов говорит нам об огромном исследовательском и библиографическом труде Михаила Винокурова, который через многие годы стал известен и его землякам в далекой Якутии. При знакомстве с коллекцией М. З. Винокурова особое внимание было уделено копированию и сканированию материалов, имеющих интерес для исследователей нашей республики.

Из просмотренных архивных документов, касающихся деятельности Русской Православной Церкви на Аляске, не имеют аналога в наших архивах и библиотеках и потому представляют наибольший интерес у исследователей следующие документы: Указ царя и Св. Синода о казачьей службе на Камчатке епископу Иркутскому и Нерчинскому Софронию от 18 февраля 1764 г.; подлинное духовное наставление, составленное священником И. Вениаминовым; инструкция для иерея Иоанна Вениаминова, отправленного в Северную Америку на о. Уналашка (к документу приложена собственная печать священника И. Вениаминова, ставшего впоследствии митрополитом Московским); дневники святителя Иннокентия (Вениаминова); инструкция миссионерам, составленная архиепископом Камчатским, Курильским и Алеутским Иннокентием в 1840 г. и исправленная митрополитом

Московским Филаретом, издана в Пекине в 1905 г.; архивные документы о Винокуровых, родственниках М. З. Винокурова — представителях духовенства, служивших в церквях Аляски в первой половине XIX в.; правила поведения учеников Якутской духовной семинарии и духовного училища; справочная книжка Якутской епархии на 1889 г.; отчеты о состоянии Якутской второклассной церковно-приходской школы, где руководителем был Зиновий Винокуров, отец М. З. Винокурова; личные документы псаломщика Кыллахской церкви Михаила Винокурова, оторванный лист, подписанный областным комиссаром Г. Н. Петровским, для ведения миссионерской проповеди в заречных улусах и др. Кроме указанных документов имеется обширная переписка М. З. Винокурова со священнослужителями и русскими эмигрантами по вопросам общества Русской Православной Церкви в Америке в 20–60-е гг. XX в., что также представляет интерес для исследователей.

Нашей группе разрешено было скопировать часть материалов, касающихся истории Республики Саха (Якутия). И в настоящее время в фондах Национальной Библиотеки РС (Я) имеются следующие материалы: списки приходов Аляскинской епархии и Аляскинских церквей, составленные М. З. Винокуровым; приблизительный маршрут М. З. Винокурова по Аляске; список книг, полученный для передачи в Библиотеку Конгресса из церковной и школьной библиотеки Уналашкинской Вознесенской церкви (в Аляске); краткая опись документов и других материалов Свято-Георгиевской церкви на о. Св. Георгия, полученная М. З. Винокуровым для передачи их в Библиотеку Конгресса; список книг, полученный для передачи в Библиотеку Конгресса из библиотеки Успенской церкви (черновик) и др.

Мы надеемся, что коллекция нашего земляка М. З. Винокурова — библиофила, библиографа будет интересна исследователям и внесет значительный вклад в изучение истории не только Якутии, но и Русской Православной Церкви.

Литература и источники

1. Национальная библиотека РС (Якутия). Ф. микрофиш. ВОХ 22.
2. Якимов, О. Д. Человек из небытия : [О якутянине М. З. Винокурове, эмигрировавшем в США]. Якутск : Бичик, 1995. 117 с.
3. ОР РГБ. Ф. 202. Оп. 2. Д. 82.
4. ОР РНБ. Ф. 165-п. Оп. 1. Д. 3723.
5. Gurney G. The Library of Congress: a picture story of the world's

largest library: with special photography by Harold Wise. New York : Crown Publishers, [1996]. 180 p.

6. Пирс, Р. М. З. Винокуров – эмигрант, ученый и библиофил / пер. А. Ташлыковой // Полярная звезда. 1992. № 3.

7. Якимов, О. Д. Журналы священника Иоанна Вениаминова / сост. О. Д. Якимов. Якутск : Бичик, 2005. 272 с.

8. Борисова, А. Тени исчезают во вчерашнем дне // Якутия. 2001. 14 сент. С. 4.

9. Самсонова, В. А. Библиографический указатель «Michail Z. Vinokuroff» // Вестн. Нац. б-ки Республики Саха (Якутия). 2003. № 1. С. 105–108; Ее же. Якутская книга в Америке: поиски и находки // Якутия – форпост освоения Северо-Востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII–XX века) / Якут. фил. СОРАН. Якутск, 2004. С. 200–204.

10. Michail Z. Vinokuroff: a profile an inventory of his papers (Ms 81) and photographs (PSA 243) in the Alaska Historical Library / project coordinator and editor Louise Martin. Juneu (Alaska), 1986. 164 p.

УДК 281.93(798):266

Г. С. Митылова*

МИССИЯ НА АЛЯСКЕ: ДОКУМЕНТ НА РУКОПОЛОЖЕНИЕ В САИ СВЯЩЕННИКА

Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви является важной частью истории Российского государства. Найти этому подтверждение можно, обратившись к автобиографическим сведениям о священниках Байкальского региона. Автором рассматривается миссионерская деятельность русских священников на Аляске, в периоды новой и новейшей истории как показатель преемственности исторических традиций миссии церкви и появления ее новых форм. Материалами исследования послужили воспоминания — архивные и опубликованные источники. В статье приведены извлечения из документа рукоположения священника Владимира Модестова

---

* Митылова Гунсема Сандаковна, д-р ист. наук, доцент кафедры религиоведения и теологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ.

Mityrova Gunsema Sandakovna, doctor of historical sciences, associate professor of the Department of Theology and Religious studies of the Buryat State University.

E-mail: univer@bsu.ru

епископом Алеутским и Аляскинским и биографические сведения митрополита Климента о священниках, служивших на Аляске. Указанные сведения позволили автору прийти к выводу о необходимости дальнейших научных изысканий в архивах России и США, с целью введения в научный оборот новых фактов о миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Центральной и Восточной Азии и на Аляске.

Ключевые слова: Аляска, Русская Америка, священник, миссионерское служение, епархия, региональные исследования, страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Gunsema S. Mityrova

MISSION ON ALASKA: ORDINATION OF THE PRIEST DOCUMENT

The missionary activities of the Russian Orthodox Church are an important part of the Russian history. Priests' autobiographies give the ability to trace history sources in the Baikal region. The author examines the Russian missionary activity on Alaska as an indicator of the historical traditions' continuity and the emergence of mission's new forms during the modern and contemporary periods. Primary sources are memories, archives etc., found in the consecration act of the Aleutian and Alaska bishop and Metropolitan Kliment's biographical notes priests served on Alaska. Special attention is also paid to the activities of Orthodox priest Vladimir Modestov. This author emphasizes the need for further research in the Russia and the United States archives to introduce new facts about the missionary activities of the Russian Orthodox Church in Central and Eastern Asia and Alaska for scientific use.

Keywords: Alaska, Russian America, priest, missionary work, the diocese, regional studies, the Asia-Pacific region.

История продвижения России вглубь Сибири, на Дальний Восток и Аляску является значительной частью истории страны, в которой свои страницы занимает и православная миссия. В трудах по истории Русской Америки, касающихся духовных и торговых миссий, ставится вопрос о необходимости региональных исследований [1], в том числе относительно деятельности Православной церкви. Такого рода исследования можно проводить на материале автобиографических сведений о священнослужителях Бурятии, в частности на примере Спасо-Преображенского Посольского и Селенгинско-Троицкого монастырей и их роли в историческом прошлом и современной

действительности Байкальского региона. Задача современных молодых историков — изучить клировые ведомости церквей и монастырей и на их основе выявить маршруты духовных миссий на Аляску и данные о перемещениях священнослужителей. Это позволит найти дополнительные сведения по истории церковной дипломатии в странах АТР, в том числе на Аляске.

В августе 2009 г. иркутским архитектурно-этнографическим музеем «Тальцы» была организована научно-практическая конференция «Русская Америка и Восточная Сибирь» [2], в которой приняли участие американские исследователи. При изучении истории Русской Америки и ее взаимоотношений с Россией они прибегают в том числе и к подводным археологическим изысканиям, в ходе которых ими были обнаружены кресты, церковная утварь, а также российские товары. Имеются таможенные документы о прохождении российских товаров, о различных фирмах и компаниях, купцах, возивших товарно-материальные ценности на приморские рынки и фактории Аляски. Все эти документы свидетельствуют о русском присутствии на Аляске [3].

В качестве примера миссионерского служения на Аляске в данной статье мы обратимся к личности Владимира Модестова, уроженца г. Верхнеудинска (ныне г. Улан-Удэ), который был рукоположен в сан священника в Сан-Франциско в середине XIX в.

Приведем редкостный по своему историческому значению документ, дающий ряд разноплановых сведений об обстоятельствах духовного служения на Аляске — это документ на рукоположение, или священство Владимира Модестова: *«Божией милостию, мы, Смиранный Николай — епископ Алеутский и Аляскинский по благодати, дару и власти Всесвятого и Живоначального духа, данной нам у самого великого архиерея господа нашего Иисуса Христа, чрез святые и священные его апостолы, и их наместники и преемники, благоговейнаго сего мужа Владимира Васильева Модестова всяким перее опасным истязаниям прилежно испытавшие, и достоверными свидетельствами, наипаче духовнаго его отца и иеромонаха Севастиана о нем уверившиеся, по обычаю и чину святая апостольская восточная церкве, благословением и рукоположением нашим, содействующу помежду животворящему и всесовершающему святому духу, посвятили мы во иерея ко храму святых апостолов Петра и Павла, что в Уналашкинской миссии, Северной Америки, н-ова Аляски и утвердили ему власть, тайнами святыми совершати человека в жизнь христианскую, духовную крещати, миропомазати, исповедати, литурговати, венчати по воли и согласии мужа и жены, и елеопомазание над болящими*

совершати, над здоровыми же никако же дерзати и творити, вся церковные последования и чины действовать яко служителю Христову и строительству тайн Божиих. Подобаает же ему, иерею, по нашему повелению и по своей должности вседушно прилежати чтению божественных писаний, и не инако сия толковати, но некоже церковные светила, святые и богоносные отцы наши, пастыри и учителя великим согласием истолковали, и по завету апостольскому быть трезвену, целомудру, благоговейну, честну, страннлюбиву, учительну, не пьянице, не убийце, не сварливу, не мшелоимцу, но кротку, не завистливу, не сребролюбцу, свой дом добро правящее, чадо имущу в послушании со всякою чистотою: скверных и бабых, яко же той же апостол к Тимофею пишет, басни отрицатись, обучати же себе к благочестию, образ быти верным словом, житием, любовию, духом, верою, чистотою: паче же вверенныя ему люди учити благовершу, заповедям божиям, и всем христианским добродетелям по вся дни, изрядние же в день недельный, яко же повелевает шестаго Вселенского собора правило девятнадцатое, и исповедавших ему своя совести вязати и решите благорассудно, по правилам святых апостолов, и учению богоносных отцов, по уставу же святые восточной церкви, и по нашему наставлению и повелению: вящие же и неудоборассудные вины приносите и предлагайте нам. От храма же, к нему же благословен есть и у него же служите определен, и наму без нашего благословения предти никако же дерзати, по третьему правилу Собора антиохийского: к сему же и правила в регламенте, т. е. уставе правительствующего Духовного Синода, пресвитерам оставлены, прилежно и часто прочитываете, и по оным исполняти. Аще же он, иерей начнет житии бесстрашно, или что неприлично священству деяти: упиватиси или козунствовати и корысти себе истязати от братии, или инако бесчинствовати, или о церкви и о пастве своей не радете, запрещение иерейства да примет дондеже исправится, и покажет житие незазорное и благочинное, иереям подобающее. Асе же что содеет возбраняющее священству, извержению сана иерейского да подлежит, в он же час оно возбраняющее содеет: обаче сего по нем не хожем, и не желаем, но паче тщатися ему всегда достойно ходите звания своего, и крученную себе паству пасти добре, да мудрых и верных служителей мздовоздаяния от руки воздающего, комуждо по делам его воспримет, и не постыдится в день страшного испытания вечна, но да речет — Господи: все аз и дети моя! Да услышит же и сладкий оный глас глаголющий: добрый рабе благ и верный над малыми был еси верен, над многими тебя поставлю вниде

в радость Господа твоего! Итого ради вручили ему и обыкновенное в том поучение наше, печатным тиснением изданное еже должен он изучити, и в памяти всегда имети — да удобнее возможет и жителству своему внимати, и паству свою научати.

Известнаго же ради свидетельство, яко он, Владимир Модестов в степень иерейства нами рукоположен и благословен, дадеся ему сия наша архиерейская грамота, рукою нашею подписанная, и печатью нашею утвержденная в граде Сан-Франциско, штата Калифорния, Соединенных Штатов Северной Америки.

Лето мироздания 7401 воплощения же Божия слова 1893 года месяца декабря в 25 день» [5].

К сожалению, сведения о Владимире Модестове весьма скудны. Известно лишь, что он служил в 1910-х гг. в Верхнеудинской Николаевской железнодорожной церкви, а также состоял на службе в Николаевско-Заводской Елизаветинской церкви, 10 августа 1916 г. уволен из Забайкальской епархии, за переходом на службу по военному ведомству.

В отчете обер-прокурора Св. Синода о Камчатской и Алеутской епархии за 1869 г. говорится, что «...для замещения священно- и церковнослужительских вакансий в американских церквях, при неимении кандидатов, предоставить преосвященному вызывать таковых из России через сношения с епархиальными архиереями» [6]. Возможно, именно таким образом был призван на священническую службу Владимир Модестов. Так на примере одного документа можно сделать выводы об исторических и духовных связях Сибири и Америки посредством деятельности миссионерских структур РПЦ.

Недостаточность сведений указывает на необходимость историко-библиографических изысканий в архивах России и США по вводу в научный оборот новых неизвестных материалов о деятельности православного духовенства России. Поводом к таковым может служить таблица «Краткие биографические сведения о клириках из России, служивших на Аляске», составленная митрополитом Климентом [7]. Из нее мы узнаем, что пять выпускников Иркутской духовной семинарии служили на Аляске: Алексей Петрович Соколов, ставший первым священником в Новоархангельске в 1816–1834 гг. и служивший на о. Кадьяк с 1834 по 1841 г.; священник Фрументий Мордовской, служивший на о. Кадьяк с 1823 по 1833 г.; Петр Степанович Литвинцев, окончивший Иркутскую духовную семинарию с отличием и ставший благочинным приходов на Аляске, ректором Новоархангельской духовной семинарии, служил на о. Кадьяк с 1840 по 1845 г. и

в Новоархангельске с 1845 по 1858 г.; священник Илия Иванович Петелин, похороненный на Аляске, в Новоархангельске в мае 1848 г., прослуживший на Аляске в Новоалександровском редуте на р. Нушагак с 1842 по 1846 г.; священник Георгий Головин, служивший с 1834 по 1844 г. на о. Уналашка. Епископом Аляскинским с 1901 г. вплоть до 1930 г. был выпускник миссионерских курсов по монгольскому языку Казанской духовной академии, архимандрит Амфилохий (Антоний Вакульский).

История Аляски, Аляскинской епархии — это история России. Церковное служение и миссия православных священников может рассматриваться как церковная дипломатия в лучшем ее понимании.

Необходимо исследовать документы в региональных исторических архивах, определить состав миссий в страны АТР, пополнявшихся священниками местных церквей и монастырей. Это позволит расширить историко-географические границы изучения истории России XIX — начала XX в. и выявить имеющиеся в ней лакуны, в том числе в вопросах освоения восточных территорий и участия в нем РПЦ. Священники вновь созданных епархий и церковных структур принимали активное участие в российско-государственной политике и в освоении новых земель, включая таким образом территорию Байкальского региона в магистральные исторические процессы в продвижении России на Восток.

Преимственность исторических традиций миссии церкви актуализирует научное осмысление основ современной миссиологии в контексте компаративистики социокультурных особенностей продвижения православия в Центральной и Восточной Азии и на Аляске не только в XIX — начале XX в., но и в XXI веке.

Литература и источники

1. История Русской Америки (1732–1867): в 3-х т. / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М. : Междунар. отношения, 1997. Т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799). 480 с.

2. Харинский А. В., МакМэхан Д., Диллиплэйн Т. Археологические исследования в Кяхтинской слободе // Русская Америка и Восточная Сибирь : материалы регион. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Кяхта, 14 авг. 2009 г.). Иркутск, 2001. С. 31–36.

3. Россия и США: становление отношений 1765–1815 : [сборник документов] / сост. Н. Н. Башкина [и др.]. М. : Наука, 1980. 752 с.

4. Россия и США: архивные документы и исторические исследования : аналит. обзор / [Н. Н. Болховитинов]. М. : ИНИОН, 1984. 105 с.
5. Арх. музея истории Бурятии. ОФ. Д. 17693.
6. Извлечение из всеподданнейшего отчета г. Обер-Прокурора Святейшего Синода // Прибавления к Иркутг. епарх. вед. 1869. № 12. С. 141–145.
7. Климент (Капалин, Герман Михайлович; митр. Калужский и Боровский; 1949). Русская Православная Церковь и освоение Тихоокеанского севера в XVIII–XIX вв. : по материалам Аляски : дис. ...д-ра ист. наук : 07.00.02. Москва, 2014. 476 с.

УДК 93(093.2):266

И. В. Бондарь*

ПУТЕВЫЕ ДНЕВНИКИ И ОТЧЕТЫ СВЯЩЕННИКОВ-МИССИОНЕРОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНОГО ФОНДА ИРКУТСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье содержится характеристика отчетов и путевых дневников священников-миссионеров Иркутской духовной миссии как источника сведений о деятельности и функциях миссионерских станов на территории Иркутской губернии.

Ключевые слова: *Восточная Сибирь, Иркутская духовная миссия, отчет, путевые дневники, миссионерский стан, церковно-приходская школа, Государственный архив Иркутской области.*

---

* Бондарь Ирина Витальевна, гл. архивист отдела использования документов и работы с обращениями граждан и организаций Государственного архива Иркутской области, г. Иркутск.

Bondar Irina V., chief archivist of the Department of the Usage of Documents and Work with the Complaints of Citizens and Organization of the State Archive of Irkutsk Region, Irkutsk.

E-mail: irinavbondar@mail.ru

THE MISSIONARY TRIP JOURNALS AND REPORTS AS HISTORICAL SOURCE: BASED ON THE ARCHIVAL FUND OF THE IRKUTSK SPIRITUAL CONSISTORY OF THE STATE ARCHIVE OF IRKUTSK REGION

The article provides characteristics of reports and trip journals of the missionary priests of Irkutsk spiritual mission as a source of information about missionary mills activities and functions on the territory of the Irkutsk province.

Keywords: *East Siberia, Irkutsk spiritual mission, report, trip journals, priest, missionary mills, spiritual enlightenment, parochial school, State Archive of Irkutsk Region.*

Сибирь в XIX в. предоставляла широкие возможности для миссионерской деятельности. В частности, на обширной территории Иркутской епархии проживали приверженцы шаманизма, буддизма, старообрядцы-раскольники, католики, лютеране, иудеи, мусульмане, а также последователи различных сект. Близость границ с Монголией и Китаем открывала возможности духовно-просветительской деятельности православных миссий в странах-соседах.

Основной формой распространения христианства среди коренных народов Сибири являлось создание православных миссий, действовавших на постоянной основе. На территории Иркутской епархии функционировали Иркутская и Забайкальская духовные миссии (до 1852 г. — и Якутская духовная миссия).

Иркутская духовная миссия действовала среди инородческого населения Иркутской губернии, основными верованиями которого являлись шаманский культ и, в меньшей степени, буддизм. До 1882 г. Иркутскую миссию возглавлял непосредственно епархиальный архиерей, а с учреждением в апреле 1883 г. Киренского викариатства управление миссией перешло к епископу Киренскому [7, с. 96].

В 1883 г. существовало 17 станов Иркутской духовной миссии, из них 5 станов — Гужирский, Парфениевский, Жимыгитский, Шимковский и Окинский — находились в Иркутском округе, 5 станов — Усть-Ордынский, Баяндаевский, Еланцинский, Хорбатовский и Заложный — в Верхоленском округе по Якутскому (Качугскому) тракту, 7 станов — Бильчирский, Боханский, Молькинский, Нукутский,

Нельхайский, Аларский и Бажеевский — в Балаганском округе. При миссии трудились 18 священников, 17 псаломщиков и 3 крещенных инородца из новопросвещенных лам со званием переводчиков при миссионерах [1, л. 20–21].

В фондах Государственного архива Иркутской области содержится богатейший материал по истории миссионерской деятельности на территории Восточной Сибири и сопредельных государств. Помимо документов, общих для всех православных церквей — метрических книг, клировых ведомостей, исповедных росписей, брачных обысков и т. п., миссионерские архивы содержат путевые дневники, которые миссионеры вели во время своих поездок по стану. На основе дневников составлялись отчеты, которые ежегодно подавались начальником стана в консисторию.

В Государственном архиве Иркутской области находятся на хранении отчеты и выписки из путевых дневников священников-миссионеров Заложного, Парфениевского, Хоготовского, Шимковского станов, Аларской и Ленской инородческой управ, а также рапорты миссионеров по различным вопросам деятельности станов.

Путевые дневники и составленные на их основе ежегодные отчеты священников-миссионеров, как правило, содержали следующие данные: краткие сведения об истории стана; о местности, на территории которой он расположен, в том числе: о ее географическом положении, климате, уровне жизни населения; описание состояния миссии; содержание и анализ проведенной работы за отчетный год; описание поездок миссионера; сведения о количестве новокрещенных инородцев по месяцам и их общем числе за год; информацию о состоянии и деятельности церковно-приходской школы при миссионерской церкви.

Вот, например, описание Шимковского стана в отчете за 1891 г. священника-миссионера Михаила Копылова: *«...Шимковский стан расположен на так называемом торговом тракте в Монголию, в 40 верстах от селения Тунки, соприкасаясь на востоке с Жимоготским станом, а на западе с Мондинским. В этом пространстве — на расстоянии 60 верст — по обеим сторонам реки Иркут и многочисленным ее притокам — разбросано 14-ть улусов с 2½ тысячами народонаселения. При отсутствии переправ и мостов эти реки в летнее время часто делают сообщение почти невозможным, так как при небольшом уже ненастье они обращаются в бурные массы воды, часто прекращая всякое сообщение на несколько дней, в особенности реки Эхзугун <совр. Ихэ-Ухзунь>, Иркут, Зангисан и Харбяты. В лето отчетного года мне до двух раз приходилось за прибылью реки прожить в Ниловой Пустыне почти по неделе. Зато*

холод сковывает все эти препятствия, и опасные летом водные массы зимою дают прекрасный санный путь.

Просвещение в Шимковском стане начинается в 1-й четверти настоящего столетия <т. е. XIX в.>, когда миссионеры имели свое местопребывание в Иркутске и наездом бывали в Тункинском крае для совершения св. крещения над инородцами, желающими принять христианство. В 40-х годах открывается Нилова Пустынь с назначением в нее миссионера, просветительная деятельность которого отчасти падает и на нынешний Шимковский стан. 26 октября 1870 года открывается настоящий Шимковский миссионерский стан с назначением в него особого миссионера <...>» [6, л. 1–1 об].

Часто в своих отчетах миссионеры упоминали поименно активных помощников и жертвователей на благо стана и для помощи нуждающимся. Так, священник-миссионер Харбатовского стана о. Андрей (Еремеев) в отчете за 1877 г. указывал: «...Среди таких неблагоприятных условий миссионерства в Ленском крае великую отраду приносит и малое пособие от искреннего усердия помочь делу христианства. В этом отношении нельзя обойти молчанием местного крестьянина Ивана Николаева. Он пожертвовал в распоряжение миссии 26 руб. для пособия новокрещенным, что и принесло немалую пользу и отраду для бедняков, получивших неожиданную помощь» [3, л. 4 об].

Среди основных задач православной миссии можно выделить не только проповедование государственной религии и крещение инородцев, духовное просветительство, но также и светское образование местных жителей.

Средством реализации просветительской функции духовной миссии было создание при станах церковно-приходских школ. Однако программа, предусмотренная для таких школ, требовала адаптации к условиям деятельности миссионерских станов. На это в своем отчете указывает миссионер Шимковского стана о. Михаил (Копылов): «...Большим препятствием к успеху занятий в школе служит, с одной стороны, незнание инородческими детьми русского языка, а с другой — обширность программы церковно-приходских школ для бурятских детей, так что пройти ее с ними нет возможности. Поэтому настоят нужда сократить программу церковно-приходских школ применительно к школам миссионерского типа и чрез то, сократив работу количественно, дать возможность учителю улучшить ее качественно» [6, л. 9]. Однако, по словам о. Михаила, школа при стане

пользовалась успехом, инородцы с большим желанием отдавали своих детей в учение.

Священники-миссионеры оказывали и посильную материальную помощь нуждающимся: часто они раздавали деньги и вещи. Об этом, к примеру, упоминает о. Ананий (Куликовский) в своем отчете по Хоготовскому стану за 1877 г.: *«...Сопутствовавший мне и воспринимавший от св. купели новопросвещенного сейчас младенца письмоводитель Думы Лаушкин — тот дал бедной и болезненной матери 2 р. серебром на чай, которого на сей раз вовсе не было дома ни для одной засыпки, и как восторженно и со слезами благодарности были приняты эти, по-видимому, небольшие деньги! А я подарил им от себя лишнюю казенно-миссионерскую рубашку. Поклонам ея и присутствовавших здесь бурят не было конца; из всех более благодарных слов было одно нескончаемое и задушевное “спасибо”, проводившее нас из юрты на двор и за ворота своего дома <...>»* [2, л. 2].

Помощь могла заключаться и в раздаче лекарств и лечении больных: *«...миссионер устроил “походную аптеку” для поездок по улусам и она также приносит немалую пользу, так как почти за всякой поездкой приходится оказать пособие 5-10 больным. Хотя аптека основана всего лишь 2-й год, лечение при стане успело уже получить значительную репутацию; за это говорит сама цифра — всего за 1891-й год пользовалось при стане и в улусах услугами миссионера по лечению 223 человека»* [6, л. 5 об].

Однако практически в каждом из рассмотренных отчетов миссионерских станов мы встретили указание священников на сложность взаимодействия с местными властями: *«...иногда и приходится встречать с их [инородческих властей] стороны не только пассивное отношение к делу, но даже и противодействие...»* [6, л. 2 об].

Служение миссионеров порой было не только весьма трудным, но даже опасным, о чем также сообщается в отчетах. Так, священник-миссионер Андрей Еремеев в своем отчете по Харбатовскому стану писал: *«...Посещение мое было с целью уговорить шамана принять св. крещение <...>, на что шаман мне сказал: “Уйди из моей юрты, я не хочу и не могу смотреть на русских попов”. Я пошел, но меня нагнал бурят и изъявил желание креститься, и говорил так: “Я работник шамана, окрести меня, только не здесь, а поеду я с тобой в Харбатову, здесь шаман как только узнает, убьет нас обоих; уже поздно (было 11 часов вечера) и русских в этом улусе ни одной души нет”. Я*

согласился, хотел ехать, но этот бурят (его звали Турлан Медоев) вместо двухколески тряской (обыкновенный экипаж бурят) подает два оседланных коня. Я говорю ему: “Зачем ехать верхом? Я худой наездник”. Он отвечает: “Нельзя на двухколеске, нас могут догнать на дороге и убить, а верхом не убьют”. Страшно стало мне <...> Поехали, спутник ехал впереди меня. Настала полная тьма ночи. Он повел меня не той дорогой, где можно ехать на двухколеске, а чрез хребет, не имея под ногами никакой дороги. При путешествии нашем долетали до слуха нашего крики и лошадиный топот; спутник мой говорил мне: “Это ищут нас, но им не найти, они никак не подумают, что мы поехали без всякой дороги чрез хребет — тайгой”. Так и случилось. Пред утром мы благополучно доехали до стана. Я окрестил этого доброго бурята-бедняка; продержавши у себя дней 7-мь, поручил его крещеным инородцам хранить и защищать от обид язычников...» [3, лл. 3–4].

Введение указанных документов в научный оборот может существенно обогатить имеющиеся сведения о деятельности духовных миссий на территории Восточной Сибири.

Литература и источники

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 30. Д. 1. Карт. 1394.
2. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 5545.
3. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 5546.
4. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 5547.
5. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 5548.
6. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 6848.
7. Чичкова, Н. В. Деятельность православных миссий в XIX веке (обзор по документам Государственного архива Иркутской области) // Наследие святителя Иннокентия (Вениаминова) и православная миссионерская деятельность в Сибири, на Дальнем Востоке и сопредельных территориях : материалы II науч.-практ. конф. Иркутск, 15 мая 2015 г. / отв. ред. С. Г. Ступин ; науч. ред. С. В. Мельникова. Иркутск : Изд-во ИОГУНБ им. И. И. Молчанова-Сибирского, 2015. С. 94–104.

**МИССИОНЕР ЯКОВ ЧИСТОХИН КАК
ПЕРЕВОДЧИК, ЭТНОГРАФ, ЧЛЕН ВСОИРГО:
ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ**

Статья посвящена Якову Афанасьевичу Чистохину как миссионеру в Тункинском ведомстве, активному члену Казанской комиссии переводчиков священных и богослужебных книг на инородческие языки при братстве св. Гурия и Иркутской переводческой комиссии для перевода священных, богослужебных и религиозно-нравственных книг на бурятский язык, ученому-этнографу, члену ВСОИРГО.

Ключевые слова: Я. А. Чистохин, миссионерские станы, переводческие комиссии, ВСОИРГО, Государственный архив Иркутской области.

Nadezhda V. Chichkova

**MISSIONARY YAKOV CHISTOKHIN: TRANSLATOR,
ETHNOGRAPHER, MEMBER OF EAST-SIBERIAN
DEPARTMENT OF IMPERIAL RUSSIAN
GEOGRAPHICAL SOCIETY:
AS VIEWED FROM THE DOCUMENTS OF THE
STATE ARCHIVES OF THE IRKUTSK REGION**

The article is devoted to Yakov Afanasievich Chistokhin as a missionary in the Tunkinsky department, active member of the Kazan Commission of Translators of sacred and liturgical books in foreign languages under the brotherhood of St. Guriy and the Irkutsk translation commission for translating sacred, liturgical and religious and moral books into the Buryat language. He was also an ethnographer scientist and a member of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society.

---

* *Чичкова Надежда Викторовна*, зав. сектором изданий документов Государственного архива Иркутской области, г. Иркутск.

Chichkova Nadezhda V., head of the Sector of Publications of the State Archives of the Irkutsk Region, Irkutsk.

E-mail: ogugaio@mail.ru

Keywords: *Y.A. Chistokhin, missionary camps, translation commissions, East-Siberian Department of Imperial Russian geographical society, State Archive of the Irkutsk region.*

История миссионерства Восточной Сибири знает много известных имен, одно из них — Яков Афанасьевич Чистохин, миссионер, переводчик, этнограф.

В Государственном архиве Иркутской области хранятся документы, позволяющие проследить историю жизни и миссионерского служения Чистохина. Это, прежде всего, фонд Иркутской духовной консистории, в котором содержатся клировые ведомости церквей — Молькинской, Шимковской, Окинской, Мондинской, Парфениевской (Коймарской), где служил Яков Афанасьевич; послужной список священника; его отчеты и путевые записки; отчеты и прошения начальника Иркутской духовной миссии о награждении миссионера за его заслуги. Чистохин был членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО). В фонде ВСОИРГО имеются не только биографические сведения о миссионере, но и некоторые его рукописи. В фонде Иркутского горного управления есть информация о вымеживании земли и устройстве курорта Аршан, к которому Чистохин имел непосредственное отношение. В годовых отчетах по Иркутской духовной миссии за 1880–1900 гг. значительное внимание уделено станам Тункинского ведомства, где служил миссионер. Статьи Чистохина публиковались в «Иркутских епархиальных ведомостях» и «Известиях ВСОИРГО». На страницах ведомостей также был опубликован некролог на смерть А. Я. Чистохина. «Известия...» и «Ведомости...» доступны в библиотеке архива.

Яков Афанасьевич Чистохин родился предположительно в 1852 г. в Агинском ведомстве Забайкальской области. Каких-либо сведений об его родителях не обнаружено. Учился Яков в Агинском инородческом училище. Подобные заведения, давая начальное образование детям инородцев-христиан, способствовали христианизации и русификации инородческого населения. Можно предположить, что мальчик вырос в христианской среде, неплохо знал русский язык, чистописание, основы вероучения.

10 июля 1866 г., по окончании обучения Чистохин поступил переводчиком к миссионеру иеромонаху Мелетию [1, л. 1–10]. В 1873 г. Мелетий возглавил Иркутскую духовную миссию. Во исполнение Указа Св. Синода от 14 декабря 1873 г., в 1874 г. он отправился в Казань для изучения методов перевода христианских книг на инородческие языки и обучения инородческих детей под руководством директора Казанской

инородческой учительской семинарии действительного статского советника Н. И. Ильминского [2, л. 3 об.–8]. Будучи келейником Мелетия, бурят Яков Чистохин помогал ему в работе по переложению христианского учения на разговорный бурятский язык. В Казани вышла в свет первая книга на бурятском языке «Поучение к новокрещенным о святой христианской вере», в основу которой архимандрит Мелетий положил проповедь преосвященного Вениамина при крещении балаганских бурят. По возвращении из Казани, 25 августа 1875 г. Яков Афанасьевич был исключен из числа инородцев Забайкальской области, рукоположен в духовное звание и определен исполняющим должность псаломщика в Мондинский стан.

Служение Чистохин начал в качестве псаломщика Молькинской миссионерской церкви [2, л. 59–64 об]. В отчете по Иркутской духовной миссии за 1876 г. особо отмечена деятельность Молькинского миссионерского прихода: «...В отчетном году миссионер Дуброва с псаломщиком Чистохиным приложили особое попечение об инородцах, живущих на Улее, в местности, населенной 1 и 2 Онтохоевским и Булутским родами... В Молькинском училище обучалось 15 мальчиков и 4 девочки. Обучением занимался ... псаломщик Яков Чистохин. Обучались письму, чтению, молитвам и арифметике, по способу Грубе...» [3, с. 571–572]. За безвозмездное и успешное исполнение должности учителя в 1877 г. награжден 100 рублями.

Повторно Чистохин посетил Казань уже как духовное лицо. 19 сентября 1877 г. он был командирован в Комиссию переводчиков священных и богослужебных книг на инородческие языки, учрежденную при братстве св. Гурия, но теперь уже для перевода священнических, богослужебных и религиозно-нравственных книг на бурятский язык. В течение года им были переведены книги, изданные Православным миссионерским обществом: «Учение перед принятием св. крещения, с переводом на бурятский разговорный язык», «Учение о Св. христианской вере, изложенное в беседах с бурятами, с переводом на наречие северо-байкальских бурят», «Священная история Ветхого и Нового Завета на наречии северо-байкальских бурят, с приложением картин», «Житие Св. Николая, Епископа Мирликийского, на наречии северо-байкальских бурят» [4, с. 146–154].

В мае 1879 г. Чистохин вернулся из Казани и был рукоположен в священники под именем о. Иаков, с назначением миссионером Шимковского стана [1, л. 1–10]. Выбор был сделан неспроста. Стан этот был известен Чистохину: вместе с преосвященным Мелетием он бывал как в самом стане, так и в среде окружающих его бурят. А самое главное — национальная принадлежность миссионера, его знание языка,

психологии бурят. На территории Шимковского стана располагался Кыренский дацан — центр ламаизма в Тункинской долине, что значительно осложняло работу миссионера. За два с половиной года деятельности в Шимковском стане молодой миссионер «... приобрел общую любовь и доверие не своих только бурят, но и других станом, а ламы и сам ширэтуй питают к нему заметное уважение; из монгольских выходцев ни один не пройдет мимо него, чтобы не зайти к нему познакомиться...» [5, с. 200–201]. Бесспорным преимуществом миссионера была способность оказать пастве помощь в решении житейских проблем. Он обладал знаниями в области медицины, основам которой специально обучался у некоего господина Дрепновского. (Личность Дрепновского не установлена — прим. автора).

В 1881 г. среди прихожан стана вспыхнула эпидемия дифтерита. Записи в метрической книге Шимковской Михайло-Архангельской церкви в разделе «умершие» дают яркую картину о развернувшейся трагедии — массовой детской смертности. В этой эпидемии потерял своего годовалого сына Михаила и сам миссионер Яков Чистохин [6, л. 1–1 об.; 7, л. 23 об.–24]. Местные ламы не смогли справиться с заболеванием, и инородцы (крещеные, ламаисты, шаманисты) обратились за помощью к Чистохину. За успешное лечение и прекращение эпидемии миссионеру была объявлена архипастырская благодарность [1, л. 5]. Успехи в медицине способствовали успехам в христианизации местного населения. Записи в метрической книге за 1882 г. свидетельствуют о массовом крещении инородцев: в день свершалось до 15 обрядов.

Малое количество миссионеров на бескрайних пространствах Сибири вынуждало епархиальное начальство непрерывно переводить их с одного места на другое, чтобы охватить словом проповеди как можно больше бурят-язычников. В 1883 г. о. Иаков был переведен из Шимковского в Окино-Мондинский стан, самый большой по территории в пределах Иркутской епархии. Он был открыт в 1878 г. под названием Окинский. Задача, поставленная перед Чистохиним епархиальными властями, заключалась в необходимости постройки церкви в Мондинском карауле и открытии там миссионерского стана. Таким образом, усиливалась политика христианизации и русификации местного населения близ Монгольской границы. В 1885 г. в Мондах заботами Я. Чистохина была открыта Владимирская церковь. Строилась она на средства Комитета Православного миссионерского общества [8, л. 56 об.]. Из-за дальности расстояний, обширности стана, неудобности путей сообщения причт был переведен в Мондинский караул и стал называться Окинско-Мондинский. В 1887 г. Преосвященный Макарий

посетил Мондинский стан и оценил заслуги причта по его обустройству: «... [Преосвященный] провел в осмотре миссионерских помещений, причем сами собой являлись различные предположения и планы на счет дальнейшего благоустройства стана. Осматривая стан, архипастырь посетил небольшую ферму, в верстах 2-х от стана, и эта ферма представляется как бы первым зачатком колонизации здешнего края. ... Что дело это благое, это видно из того, что здешние буряты относятся к нему с живейшим интересом и сочувствием. Иные из них нарочно приезжают в Холботой (название фермы) посмотреть на хозяйство русского человека и удивляются, как у русских все хорошо и умно сделано» [9, с. 96–97]. Согласно статистическим сведениям, по Окинско-Мондинскому стану наибольшее число инородцев, принявших крещение, приходится на 1885–1896 гг. При стане было открыто миссионерское училище, в котором с 1885 по 1893 г. обучались 22 мальчика, из них двое по окончании курса получили свидетельство [8, л. 56]. Годы служения в Окинско-Мондинском стане стали для Якова Афанасьевича счастливыми в семейном плане — именно здесь его семейство пополнилось детьми: Николаем, Софьей, Лидией. Двое старших детей — Владимир и Зоя — родились в Шимковском стане.

Последним местом служения о. Иакова стал Парфениевский (он же Коймарский) стан при Благовещенской церкви села Тальского, куда он был определен в 1890 г. Парфениевский (Коймарский) стан после обширного, малолюдного, со сложным климатом Окинско-Мондинского оказался гораздо благополучнее. Находился в 10 верстах от села Тунка, в живописном и плодородном месте. В границах прихода православное население количественно преобладало над ламаистами. В течение 1890–1899 г. миссионером был крещен 591 инородец [10, с. 266–269]. Можно предположить, что годы служения в Парфениевском (Коймарском) стане стали самыми спокойными для миссионера Якова Чистохина — временем, когда он мог посвятить себя переводам священных текстов.

В течение всей своей миссионерской деятельности о. Иаков не прекращал переводческой работы. В Иркутской епархии постоянно ощущалась острая нехватка учебной, богослужебной литературы на бурятском языке. В 1893 г. архиепископом Тихоном была образована Иркутская переводческая комиссия для перевода священных, богослужебных и религиозно-нравственных книг на бурятский язык [11, с. 1–5]. В 1895 г. Синод разрешил печатать сделанные этой комиссией переводы, одним из наиболее полезных и деятельных ее членов стал Я. А. Чистохин. При его постоянном участии изданы переводы: «Чин божественной литургии св. Иоанна Златоустаго с переводом на наречие

северо-байкальских бурят» (1896 г.), «Первоначальный учебник русского языка для бурят» (1896 г.), «Огласительное поучение готовящимся к святому крещению язычникам» (1896 г.), «Чин исповедания» (1898 г.), «Первоначальный учебник русского языка для бурят» (1900 г.), «Правдивое слово к бурятам» (1901 г.) и «Книга для чтения в бурятских школах». Последние два перевода увидели свет уже после смерти о. Иакова.

О роли Я. А. Чистохина в работе Иркутской переводческой комиссии подробно рассказано в некрологе в «Иркутских епархиальных ведомостях»: «... Дела велись в комиссии обыкновенно таким образом. Статья, подлежащая переводу, посылалась о. Иакову. Через несколько времени он возвращал ее с переводом. Членами комиссии перевод тщательно штудировался. При этом главное внимание обращалось на то, насколько точно передан смысл подлинника. Когда о. Иаков по служебным или частным делам появлялся в Иркутске, устраивалось заседание переводческой комиссии. Если дефекты были незначительны, или же переводилась не богослужебная или священная книга, то дефекты тут же и исправлялись. В противном случае о. Иаков снова увозил перевод и старался его исправить при содействии бурят. Случалось, что переводу иногда приходилось путешествовать из Иркутска в Коймары и обратно раз пять–шесть. Наконец перевод признавался комиссией удовлетворительным» [4, с. 152–153]. Переводы издавались на наречии тункинских бурят, что значительно облегчало работу миссионерам и способствовало христианизации Тункинского ведомства.

За усердную службу в деле проповеди и переводов о. Иаков неоднократно был отмечен благодарностями и наградами: в 1881 г. получил архипастырскую благодарность, в 1883 г. награжден набедренником, в 1888 г. по указу Св. Синода — скуфьей, в 1893 г. удостоен камилавки, а в 1896 г. награжден наперстным крестом.

Яков Чистохин был не только переводчиком и миссионером, но и ученым, членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО).

Членами ВСОИРГО являлись представители различных сословий, общественных групп, верований. Среди православных священников и миссионеров, внесших весомый вклад в его деятельность: протоиерей Прокопий Громов (первый редактор «Иркутских епархиальных ведомостей»), настоятель иркутского кафедрального Богоявленского собора), якутские благочинные и миссионеры оо. Дмитрий Хитров, Никита Запольский, миссионеры А. Аргентов, Н. Затопляев, К. Стуков и др. Достойное место среди этих имен занимает имя Якова Чистохина

[12]. Центральный отдел Императорского Русского географического общества рассылал приглашения к участию в своей работе священнослужителям всей Иркутской епархии. В феврале 1881 г. ВСОИРГО обратился к архиепископу иркутскому Вениамину с просьбой оказать помощь в сборе сведений о шаманизме. Резолюция архиепископа была следующей: «... прошу оо. миссионеров и приходских священников, знакомых с шаманством, доставить мне о нем свои сведения по надлежащей проверке их у инородцев...» [13, с. 52]. Священники могли быть очень полезны для сбора материалов, необходимых географическому обществу. Это объяснялось несколькими причинами:

— мобильностью священников, особенно миссионеров, по природе их деятельности: они посещали самые отдаленные уголки Иркутской губернии, имели возможность вести различные наблюдения;

— близостью к проживанию представителей других национальностей, культур, конфессий, что создавало предпосылки для этнографических исследований и записи фольклора;

— образованностью священников-миссионеров (выпускников семинарий), позволявшей им правильно оценивать значимость проводимых ими наблюдений, а также грамотно и обоснованно излагать свои мысли;

— знанием инородческих языков.

Яков Чистохин был одним из самых деятельных членов географического общества. В документах фонда «ВСОИРГО» в списках действительных членов Чистохин Яков Афанасьев значится с 1891 г. [14, л. 90 об.]. За особые услуги, оказанные ВСОИРГО, Чистохин, наряду с такими деятелями как Потанин, Вагин, Гомбоев, Загоскин, Клеменц, Хангалов был освобожден в 1898 г. от уплаты членских взносов [15, с. 3]. 18 ноября 1897 г. Яков Афанасьевич был определен членом-сотрудником Императорского Русского географического общества. Он оказывал содействие Саянской научной экспедиции, помогал в сборе и отправке экспонатов на выставки в Нижний Новгород и Париж, выискивал редкие историко-этнографические материалы о жизни, быте бурят, накапливал редкие минералы края для геологической коллекции музея ВСОИРГО [12, с. 41–61].

Помимо переводов, Я. Чистохин известен своими историко-этнографическими статьями, записками о жизни тункинских бурят. В Государственном архиве Иркутской области сохранились рукописи священника, датированные приблизительно 1890-ми гг.: «Инородческие загадки Тункинского края на наречии северо-байкальских бурят, с параллельным русским переводом» и «Местное предание тункинских

бурят «Сохор-Ноин»). На обоих документах имеется отметка об их публикации [16]. В «Известиях ВСОИРГО» за 1894 г. напечатана статья «Материалы по народному творчеству монголов», в 1896 г. — «Две шаманские молитвы, произносимые на тайлаганах у бурят» [17]. В протоколах заседаний этнографической секции ВСОИРГО за февраль — июнь 1897 г. рассматривался вопрос о степени готовности к публикации статьи-перевода «Шаманские воззвания инородцев Тункинского края, отправляющихся на осенний охотничьей промысел». Рецензентом этой статьи выступил Сергей Васильевич Ястремский, который дал ценные указания по подготовке перевода к изданию [18, с. 106, 115]. Историко-этнографические заметки Чистохин печатал не только в «Известиях ВСОИРГО», но и в «Иркутских епархиальных ведомостях»: «Историческая заметка о первоначальном распространении христианства и ламаизма среди Торских и Кырэнских инородцев» (ИЕВ. 1898. № 23, 24), «Коймарский Парфениевский стан» (ИЕВ, 1899. № 9), «Обычаи Тункинских бурят-ламаистов при рождении детей, свадьбах и похоронах» (ИЕВ. 1899. № 19–20), «Жилища, нравы и обычаи Тункинских бурят» (ИЕВ. 1900. № 24) и др. [17].

6 мая 1888 г. ВСОИРГО объявило благодарность миссионеру Окинско-Мондинского стана Якову Чистохину за активное содействие Саянской экспедиции. Саянская экспедиция, возглавляемая подполковником Николаем Павловичем Бобырем (штаб-офицер для особых поручений при командующем войсками Иркутского военного округа), исследовала в мае — октябре 1887 г. пограничные районы Иркутской губернии, склоны Восточного Саяна и озеро Косогол. По результатам была составлена карта Тункинского инородческого ведомства и российской территории, прилегающей к Монголии, проведены метеорологические наблюдения, собран гербарий и коллекция горных пород.

В 1897 г., во время Всеобщей переписи населения Яков Афанасьевич заведовал 8-м переписным участком в Коймаровском ведомстве, за что «получил диплом и жетон из Императорского Русского географического общества на звание члена-сотрудника» [1, л. 10–10 об.]. Также ему была пожалована темно-бронзовая медаль для ношения на груди, на ленте из государственных цветов и передана императорская благодарность.

Имя Я. А. Чистохина тесно связано с историей известного курорта Аршан. Именно он 1 августа 1894 г. на заседании ученого совета Томского университета сделал первое сообщение о минеральных источниках Аршан (в переводе с бурятского — «целебная вода», «источник»): «В районе Койморской инородческой управы

в Тункинском инородческом ведомстве Иркутской губернии мной найден минеральный кисло-содово-железистый источник. Вода эта принесет несомненную пользу для страждущего человечества, о чем мне честь доложить просвещенному вниманию Томского Императорского университета. Если случится командировать с ученой целью кого-либо из своих членов, то не угодно ли будет взять с собой инструменты для производства анализа на месте. Источник этот я могу указать». Чистохин даже сделал пробу воды и отправил ее в Иркутск [19, с. 4]. В 1898 г. он подал ходатайство в Иркутское горное управление об отводе ему в бесплатное пользование на 24 года источника кисло-содовых и железистых вод в вершинах речки Кынгарги. Именно это ходатайство дало толчок к вымежеванию, по распоряжению Иркутского генерал-губернатора от 20 августа 1903 г., под устройство лечебного курорта местности около источника в количестве 25 десятин [20, л. 23–24 об.]. По сообщению настоятеля иркутской Знаменской церкви священника Петра Попова, около источника Чистохиним был установлен деревянный крест. П. Попов повествует о судьбе креста: «... В августе 1925 г. “бурятская интеллигенция” сожгла этот крест. Крест был взят из своего места, брошен на землю, обложен горючим материалом и при насмешках и издевательствах сожжен. Там же находился библиотекарь иркутской публичной библиотеки Н. С. Романов. Порывшись в пепле, он нашел небольшой медный крест, который был врезан в большой деревянный крест, сожженный. Этот крестик Нит Степанович унес в церковь [Св. ап. Петра и Павла], где шло богослужение, и при записке передал священнику в алтарь...» [21, с. 135].

Яков Афанасьевич Чистохин (о. Иаков) умер 23 января 1901 г. Имя этого замечательного человека, переводчика, ученого-этнографа, миссионера не должно быть забыто потомками.

Литература и источники

1. ГАИО Ф. 50. Оп. 1. Д. 7506.
2. ГАИО Ф. 50. Оп. 1. Д. 5429.
3. Иркутская духовная миссия в 1876 году : [отчет] // Прибавления к Иркут. епарх. вед. 1877. № 44. С. 561–572.
4. Священник о. Яков Чистохин : некролог // Прибавления к Иркут. епарх. вед. 1901. № 6. С. 146–154.
5. Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии в 1880 году // Прибавления к Иркут. епарх. вед. 1881. № 19. С. 197–209.
6. ГАИО Ф. 50. Оп. 1. Д. 5849.
7. ГАИО Ф. 50. Оп. 8. Д. 438.

8. ГАИО Ф. 50. Оп. 1. Д. 7692.
9. Поездка преосвященнейшего Макария в Мондинский стан Тункинского ведомства // Прибавления к Иркут. епарх. вед. 1888. № 11. С. 92–101.
10. Чистохин, Я. (свящ.) Коймаровский Парфениевский стан // Прибавления к Иркут. епарх. вед. 1899. № 9. С. 266–272.
11. Открытие при Иркутском Комитете Православного миссионерского общества комиссии для перевода священных, богослужебных и религиозно-нравственных книг на местный бурятский язык // Прибавления к Иркут. епарх. вед. 1893. № 3. С. 1–6.
12. Романцова, Т. Д. «Счастливый жребий просвещения...»: священники Иркутской епархии и ВСОРГО // Сиб. архив. Иркутск, 2002. Вып. 3. С. 41–61.
13. Петров, Н. Отношение Отдела Императорского Русского географического общества Его Высокопреосвященству Архиепископу // Прибавления к Иркут. епарх. вед. 1881. № 10. С. 51–52.
14. ГАИО. Ф. 293. Оп. Оц. Д. 17.
15. Отчет Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1898 год // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1900. Т. XXXI. № 1–2. С. 1–12.
16. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 627.
17. Чистохин, Я. (свящ.) Две шаманские молитвы, произносимые на тайлаганах у бурят // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1896. Т. XXVI. № 4–5. С. 282–283.
18. Протоколы заседаний этнографической секции Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1897. Т. XXVIII. № 4. С. 102–116.
19. Ботороев, К. С. Курорт Аршан. Иркутск : Издат. центр журнала «Сибирь», 2002. 104 с.
20. ГАИО Ф. 135. Оп. 1. Д. 401.
21. Дневник настоятеля иркутской Знаменской церкви священника Петра Попова. 23 апреля 1922 г. – 15 марта 1927 г. / Архив. агентство Иркут. обл., Гос. архив Иркут. обл. ; вступ. ст., коммент. О. Т. Базалийской, Е. В. Ильиной. Иркутск : Оттиск, 2011. 383 с.

№ 17
от 1917

14 янв. 1881 г.

Миссионеру Якову Савельевичу Шимковскому
иерейскому чину Шимковскому стану
в Иркутске 14 янв. 1881 г. С. И.

Его Высокопреосвященству

Пресвященнейшему Владикавказскому, Архиепископскому Пре-
стоятелю и Нерчинскому

Православному иерейскому чину
на миссии, Архимандрита Гурия

Рапортъ.

Принимая во внимание докладъ орд. Шимковскому миссионе-
ра Якова Савельевича, какъ по образцу и подобию в Иркутском
стане, такъ и по отношению къ удовлетворенію желаній Божьихъ душъ
возвращающагося изъ Иркутска миссионеромъ, итакъ какъ въ Иркутскомъ
стане проситъ Вамъ Высокопреосвященству описать ему
Чистохину, пожелавъ въ томъ Вамъ и прощамъ Архие-
пископскому благословенію. Купилъ Савельевичъ гонимыя иерейскими
орудиями, какъ миссионеръ Чистохинъ, пріятъ описать о томъ
исполнѣ своихъ, продолженіемъ заниматься и переводомъ на бу-
рятскій языкъ. Такъ, въ продолженіи года, ^{и съестрѣн} уже перевелъ на
бурятскій языкъ Бурятскія казачьи иерейскія, которыхъ и по-
томъ, представитъ на Высочайшее прошеніе Вашему
Высокопреосвященству.

Вашего Высокопреосвященства

№ 17
14 янв.
1881 г.

и миссионеромъ Архимандритомъ и орд.
иерейскимъ чину

№ 29. 23. 880

Иркутская миссия Якова
Савельевича

Рапорт начальника Иркутской духовной миссии, архимандрита Гурия
о представлении миссионера Шимковского стана Я. Чистохина к
архипастырскому благословению. 14 января 1881 г.
ОГКУ ГАИО Ф. 50. Оп. 1. Д. 5849. Л. 1.

О ПРИЧТѢ ВОЗНАЧЕН		НОЙ ЦѢРКВЕН.	
<p>Кто баптизм, гдѣ родина, къ какому званію принадлежитъ, гдѣ и какъ обучался, когда и гдѣ на казенн. учебн. учрежденіи, и на казенн. учебн. казенн. учрежденіи и учрежденіи сосѣднихъ вѣдомствъ, когда и какъ извѣдана, и кого обучалъ и каковыя.</p>	<p>Имя и чело.</p>	<p>Вѣтъ онъ каковъ, какъ обучался и каковыя науки изучилъ, каковыя книги читалъ, каковыя науки изучилъ, каковыя науки изучилъ, каковыя науки изучилъ.</p>	<p>Кто и какъ за него казенъ обучалъ, и каковыя науки изучилъ, каковыя науки изучилъ, каковыя науки изучилъ, каковыя науки изучилъ.</p>
<p>Миссіонеръ Свѣтловскій Павелъ Александровичъ Пастырь, сынъ купеческаго сибирскаго мещанина, родился въ Татар- хантской области Топкинскаго округа, въ Сивинскомъ волост- номъ землевладѣніи раздѣ- лѣ. По окончаніи курса наукъ въ Сивинскомъ школьномъ учрежденіи поступилъ на пре- дварительныя въ миссіонерскую семинарію въ посѣ- дствіи Архимандриту Караул- скому Иркутскаго епархіи Пре- св. Синода Евдокиму.</p> <p>Онъ миссіонеръ, онъ суммариистъ въ Коймарѣ, сочинилъ книгу объ искусствѣ перевода, при Коймар- ской переводческой Комиссіи при братствѣ св. Григорія на иностранномъ языкѣ.</p> <p>Прислѣдуетъ въ дуровое званіи 1893 г. вѣ.</p>	<p>Имя и чело.</p>	<p>Вѣтъ онъ каковъ, какъ обучался и каковыя науки изучилъ, каковыя книги читалъ, каковыя науки изучилъ, каковыя науки изучилъ.</p>	<p>Кто и какъ за него казенъ обучалъ, и каковыя науки изучилъ, каковыя науки изучилъ, каковыя науки изучилъ, каковыя науки изучилъ.</p>

Фрагмент клировой ведомости Парфениевской (Коймарской) миссионерской Благовеиценовской церкви с послужным списком Я. Чистохина. 1899 г.
ОГКУ ГАИО Ф. 50. Оп. 1. Д. 7506. ЛЛ. 3 об-4.

№ 204

Калегаран!

Иностранческія загадки Тункинскаго края

На наречіи Северо-Бай
кальскихъ бурятъ

Русскіи переводы

1. Уши зногор, би торо-1, Ми туба, а я сюда-
гор, билюхын вага гуде. и тогия увидишея.

Буряе

Процессъ опоясыванія

2. Ореходо олон, гарахада 2. Выходитъ одит, а заво-
ганса.

Минь орехоа

дитъ со многими, -

топкати дрова въ порту.

3. Мунзон соган аду иу 3, Хотъ я шимилан днлао
рэдок шиги бодвол шини, табуна зоручилсан - кто
хон бакн геход, хор-скелмет, то я боготта; хор
ион даха дахама шиги я и кону днлалго долу; хо
бодвол шини хон гвѣ скелмет, то я кржисао дла
оход. -

Ацилчан

Мыши

Ттапиган багасаи

4. Довъ Мидета любитъ
шиши тати прихраса. (1)

аван загхантай. -

Сай.

Тай.

Хада уру хансирган, 5. Подъ горю кричитъ, въ
иши уру гхусирган. - рукавъ шчишты. -

Вывиска тирасма - когда
молоко внезапно видрасиваетъ.

Толоши хорохо.

6. Налгошо загадки: герный
прегерный въ кнмъ потнокоши.

Мадарини турч-мат
ира, тинижан гудгехо
мадижа гудй. -

а шиги чинкетъ кого, то не отъ
ручнитъ оо. -

Сабу

Кни

(1.) М. в. вода, чай, соль, мас-
ло и молоко. Буряты да-
ють приравъ чай не пьют.

Фрагмент рукописи Я. Чистохина «Иностранческие загадки Тункинского края. На наречии северо-байкальских бурят с параллельным русским переводом». 1890-е гг. ОГКУ ГАИО Ф. 293. Оп. 1. Д. 627. Л. 1.

АРХИМАНДРИТ ИРКУТСКОГО ВОЗНЕСЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ ВОНИФАТИЙ (БЕРЕЗИН) И КНИГА ВЕЛИКИХ ПАСТЫРЕЙ

В статье рассматривается деятельность архимандрита Вонифатия (Березина), настоятеля Иркутского Вознесенского и Киренского Свято-Троицкого монастырей, известного сибирского иконописца, происходившего из рода великоустюжских мастеров, как распространителя в Сибири иконописного и книжного искусства. Приводятся малоизвестные биографические сведения о Вонифатии и прослеживается тесно переплетенная с его биографией история бытования принадлежавшего ему древнего фолианта.

Ключевые слова: архимандрит Вонифатий (Березин), Иркутский Вознесенский монастырь, Епифаний Славинецкий, Иркутский государственный университет, просвещение, культура.

Irina P. Bedulina*

ARCHIMANDRITE OF THE IRKUTSK VOZNESENSKY MONASTERY VONIFATY (BEREZIN) AND THE BOOK OF THE GREAT SHEPHERDS

Following the example of the way of life and asceticism of the archimandrite of the Irkutsk Voznesenski monastery Vonifaty (Berezin), an attempt is made to demonstrate the contribution of one of the representatives of Russian Orthodox clergy of Eastern Siberia in the development of education, enlightenment and culture of the region. For the first time, based on the analysis and synthesis of the biographical data about this Master of Veliky Ustyug, who became the abbot of the monasteries, his activity is considered as a distribution of the icon painting and book art in Siberia.

---

* **Бедулина Ирина Павловна**, канд. ист. наук, гл. библиотекарь отдела обслуживания Научной библиотеки Иркутского государственного университета.

Bedulina Irina Pavlovna, PhD in History, chief librarian of the Service Department of the Scientific Library of the Irkutsk State University.

E-mail: ipbedulina@mail.ru

Keywords: *archimandrite Vonifaty (Berezin), Irkutsk Voznesensky monastery, Epiphany Slavinetsky, Irkutsk State University, enlightenment, culture.*

Главным монастырем учрежденной в 1727 г. Иркутской епархии стала Вознесенская обитель¹, располагавшаяся на берегу Ангары, в пос. Жилкино, что недалеко от Иркутска [1, с. 83]. Монастырь служил резиденцией иркутских архиереев, начиная с первого самостоятельного иркутского епископа Иннокентия (Кульчицкого), который проживал в нем в 1727–1731 гг., вплоть до своей кончины. Обитель была одним из первых очагов просвещения в Сибири: по Указу Тобольского митрополита Антония от 24 февраля 1725 г. при ней открылась школа «мунгальского языка», в которую было предписано «собирать причетнических детей и сирот к учению потребных...» [2, с. 190]. В целом, монастырь был центром «формирования в обществе идеалов христианской этики с помощью слова, живописи, архитектуры» [2, с. 190].

Долгие десятилетия нетленные мощи Иннокентия (Кульчицкого) покоились в его стенах: с 1731 по 1805 г. они находились в церкви Тихвинской иконы Божьей Матери (1691–1692), чудом уцелевшей во время сильнейшего пожара 11 мая 1783 г., эмоционально описанного иркутскими летописцами: «...сильный пожар в Вознесенском монастыре, обнявший все деревянные строения; все пылало под убийственным огнем; чудом спасена только деревянная церковь Тихвинския Богоматери, заключающая в себе залог спасения нашего, мощи покоившегося под алтарем ее св. Иннокентия, первого епископа Иркутского» [3, с. 111].

Именно в этот период, с 1782 по июль 1783 г., в монастырь поступил на должность эконома его будущий настоятель — Василий Березин. 26 мая 1783 г. Василий был пострижен в монахи с именем Вонифатий. Молодой монах оказался свидетелем страшного бедствия и, несомненно, принимал участие в ликвидации ущерба, нанесенного стихией. Возможно, уже тогда ему посчастливилось войти в погребальный склеп через дьяконский амвон Тихвинской церкви, где под алтарем придела был захоронен первый иркутский епископ [1, с. 93], и прикоснуться к святым мощам.

Одними из первых биографию Вонифатия восстановили по архивным документам иркутские ученые-историки Ю. П. Лыхин и

---

¹ Монастырь Вознесения господня и Иннокентия, епископа Иркутского, мужской (1669 (1672) – 1930-е гг.).

Т. А. Крючкова [4]. Архимандрит Иркутского Вознесенского монастыря Вонифатий, в миру Березин Василий Иванович (1744 — 4 янв. 1800), родился в Великом Устюге в семье художников. «Его дед Козьма Иванович и отец Иван Козьмич (1721 (или 1725) — 1784) Березины были известными в Устюге живописцами» [4, с. 26]. Семейную традицию продолжил и Василий.

Великий Устюг на протяжении многих веков имел славу одного из крупнейших иконописных центров Русского Севера с постоянно развивающимся иконописным искусством. Иконопись стала доходным занятием династии художников, которую основал Козьма Березин [5]. Об их высоком профессионализме говорилось: «Лучшие великоустюжские мастера XVII века не уступают в умении царским жалованным иконописцам и неоднократно участвуют в украшении московских церквей и царских палат» [6].

Что заставило молодого великоустюжского иконописца 24–25 лет от роду покинуть родной город и отправиться в далекую и неведомую Сибирь? Есть основания предположить, что одной из причин стала возросшая конкуренция между великоустюжскими художниками из-за нехватки заказов. Что, в свою очередь, явилось следствием секуляризационной реформы церкви 1764 г., проводимой Екатериной II, которая упразднила часть монастырей и сократила финансовое содержание оставшихся, вследствие чего они стали «безлюдеть и беднеть». В Сибири же в конце 1760 — начале 1770 г. при епископах Софронии (1753–1771) и Михаиле Миткевиче (1772–1789), напротив, активизировалось церковное строительство, открывшее широкое поле деятельности для иконописцев с Русского Севера.

По утверждению иркутских историков, «год приезда В. И. Березина в Сибирь не установлен...записавшись в купеческое сословие г. Нерчинска (Забайкалье), в начале 1770-х гг. выбыл из Великого Устюга» [4, с. 26].

Однако мы обнаружили интересные сведения, проливающие свет на обстоятельства переселения Василия Березина. На сайте Читинской и Краснокаменской епархии опубликовано исследование С. Кудрявцева [7], посвященное Кириллу Васильевичу Суханову — православному миссионеру, родившемуся 7 января 1741 г. в Яренске (Великоустюжская провинция), состоявшему в купеческом сословии. Автор статьи утверждает, что Суханов, оставив семью в Яренске, бежал (!) в Сибирь вместе с товарищем — иконописцем Василием Березиным. В Иркутске они временно расстались, Березин направился в Якутск, а Суханов — в Нерчинск «с паспортом от Яренской ратуши...за купечеством и

иконостасным художеством», куда прибыл в 1768 г. по приглашению ктитора Курлыченской церкви Елифанцева.

В октябре 1773 г. Суханов «собственным своим коштом» в 40 верстах от Курлыченской церкви «вверх по реке Алеуру, при устье Бусулея, на пустом месте» организовал поселение тунгусов, названное Сухановой слободой, для обращения их в православную веру. 27 февраля 1775 г. Суханов получил разрешение от иркутского архиерея на постройку деревянной церкви во имя Св. Троицы, который «предписал готовить лес для строительства и искать кандидата в священники». Таким кандидатом стал земляк Суханова Василий Иванович Березин, который вернулся из Якутска в Нерчинск². «Епископ немедленно рукоположил Березина и до окончания постройки храма в Сухановой слободе причислил его к причту Курлыченской Спасской церкви” в помощь и для исполнения у орочен христианских треб”» — пишет С. Кудрявцев [7].

На строительство церкви было отпущено «из Нерчинского комиссариатства 1 000 рублей ассигнациями». Церковь была быстро построена и расписана, но деревянный храм постигла участь большинства подобных сооружений: он сгорел. Поэтому в начале 1779 г. Суханов добился благословения на постройку каменного трехпрядельного храма во имя Св. Троицы, который был возведен также в короткие сроки. «Кирпич для постройки делали на месте свои рабочие — крещенные тунгусы; кладка производилась тоже ими под надзором строителя — диакона Кирилла Суханова», — сообщается в исследовании. Иконостас и святыне образа для храма были исполнены также совместно Кириллом Сухановым и Василием Березиным в организованной ими иконописной мастерской [7].

Небезынтересен и еще один факт из биографии священника Березина. По окончании постройки храма он был назначен в свиту архимандрита Иоакима (Шишковского), отправляющегося в Пекин. Однако это назначение было отменено, поскольку Березин был вдовцом и бездетным, что не позволяло ему «оставаться среди мирян» [7].

31 декабря 1781 г. Василию Березину было предписано сдать все имущество Кириллу Суханову и следовать в Иркутск, где он, как было отмечено выше, «будучи иеромонахом, исполнял обязанности эконома Иркутского Вознесенского монастыря» [4, с. 26].

---

² Документальных сведений о месте проживания иконописца Березина в 1768–1775 гг. пока обнаружить не удалось. Однако, по утверждению Т. А. Крючковой, до 1775 г. он числился цеховым в Нерчинске [4, с. 26].

В связи со смертью настоятеля Иркутского Вознесенского монастыря архимандрита Сенесия (10 мая 1787 г.) епископ Михаил Миткевич назначил принявшего в 1783 г. постриг Вонифатия, как надежного игумена, настоятелем этого монастыря. Но менее чем через год, в 1788 г. Вонифатий вернулся на настоятельскую должность в Киренский Свято-Троицкий монастырь, которым руководил десять лет [4, с. 26].

Этот монастырь был одним из самых крупных в Восточной Сибири, имел значительное и стабильное хозяйство, являлся центром духовного правления.

Надо сказать, что, независимо от места служения, Вонифатий (Березин) никогда не изменял своему главному призванию — «художеством живописец». В Свято-Троицком монастыре он заложил каменную Троицкую церковь, для иконостаса которой сам написал иконы. По словам очевидцев, храм был величествен по наружности и прекрасен по внутреннему украшению. Иконостасы во всех приделах в несколько станов, резные, позолоченные, святые иконы лучшей иконописной работы. А вот живописное описание внутреннего убранства Владимирской (Николаевской) надвратной церкви: «На фоне темных, ничем не украшенных бревенчатых стен выступал лишь роскошный позолоченный иконостас с иконами, написанными... игуменом монастыря Вонифатием» [1, с. 282–288].

К сожалению, церковь сгорела в 1931 г., сохранились только фотографии начала XX в. В настоящее время от Троицкого каменного храма остался лишь фрагмент первого этажа церкви, построенной Вонифатием [1, с. 282–288]. Пожаром была уничтожена и церковь преподобного Алексия, человека Божия, для которой Вонифатий также написал иконы.

Будучи настоятелем Киренского Свято-Троицкого монастыря, в 1788 г. Вонифатий благословил устройство каменной гробницы над могилой основателя монастыря Гермогена и написал его портрет [4, с. 27], на котором «старец изображен в епитрахили и клобуке с распятием в правой руке и четками в левой» [8, с. 10–11; 9, с. 648].

В возрасте пятидесяти четырех лет Вонифатию снова пришлось менять место службы. В 1797 г. умер настоятель Иркутского Вознесенского монастыря игумен Гавриил Копырин (1793–1797). А 6 декабря 1798 г. Вонифатий (Березин) был посвящен в сан архимандрита и вновь переведен настоятелем в Иркутский Вознесенский монастырь, где прослужил до 1800 г., до своей смерти, прожив всего пятьдесят шесть лет. В летописи В. А. Кротова записано: «4 января скончался архимандрит Вознесенского монастыря Вонифатий

(Березин) и погребен под папертью теплой церкви в Вознесенском монастыре» [3, с. 407].

Вонифатий ушел в мир иной, оставив после себя немало документальных свидетельств о своих культурно-просветительских деяниях в монастырях Восточной Сибири. Время и пожары поглотили дивные произведения древнего иконописного искусства, вышедшие из-под кисти великоустюжского мастера XVIII в. Однако чудесным образом сохранилась книга, в которой архимандрит Вонифатий незадолго до своей кончины оставил владельческую надпись, обнаруженную в 2015 г. на странице старопечатного издания в редком фонде библиотеки Педагогического института ИГУ³. Расшифровав скоропись конца XVIII в., а также другую, более раннюю вкладную запись, автор статьи сделала попытку проследить историю бытования древнего фолианта, тесно переплетенную с биографией Вонифатия (Березина).

Книга эта — «Сборник переводов Епифания Славинецкого», напечатанный в мае 1665 г. в типографии Московского печатного двора. Киевский иеромонах Епифаний Славинецкий (ок. 1600 — 19 ноября 1675 г.) — восточнославянский богослов, философ и переводчик, автор множества предисловий к московским изданиям богослужебных книг, а также переводов нескольких святоотеческих сочинений с греческого и латинского языков и нескольких книг светского характера, составитель «Лексикона греко-славяно-латинского» и «Лексикона филологического».

Учитель языков в Киевской братской школе, он был в 1649 г. вызван в Москву царем Алексеем Михайловичем в качестве «справщика» для подготовки нового издания Библии. Будучи активным участником книжной sprawy при Патриархе Никоне, в дальнейшем фактически стал научным главой всех переводчиков Московского Печатного двора. Погребен в Чудовом монастыре, могила его утрачена.

«Книга великих пастырей» включает переведенные на славянский язык труды великих христианских богословов: св. Григория Богослова (Назианзина), св. Василия Великого, св. Афанасия Александрийского и Иоанна Дамаскина.

Известный знаток книжного искусства Ю. Я. Герчук так описывает внешний облик «Сборника»: «Массивное издание облачено в характерный для книг этого периода переплет — доска, обтянутая кожей глубокого темно-коричневого цвета. Переплетная мастерская при Московском печатном дворе в XVII в. использовала определенные

---

³ В январе 2017 г. библиотека Педагогического института реорганизована в отдел обслуживания Научной библиотеки им. В. Г. Распутина Иркутского государственного университета.

приемы украшения переплетов. В данном случае это блинтовое (слепое) орнаментальное тиснение: узорная рамка по периметру верхней крышки и фигурный средник, заплетенный растительным орнаментом. Обязательный аксессуар переплета книг формата in folio — два кожаных ремешка с медными пряжками» [10, с. 58].

Типографское искусство древнего отечественного издания отразилось в использовании полууставного наборного шрифта, «строгость которого гармонично сочетается с гравированными на дереве заставками, орнаментами, выполненными на черном фоне. Придавая нарядность черному тексту, в него вплетаются напечатанные красной краской (киноварью) целые строки, отдельные слова, буквы, инициалы. Рамки, обрамляющие каждую страницу, заставки и концовки, ломбарды составлены из наборных украшений» [10, с. 58].

Торжественное убранство книги дополняют две ксилографии, которые являются очень хорошим образцом «сложной по сюжету и композиции гравюры, редкой в древнерусской книге». Григорий Богослов изображен здесь сидящим между колоннами «фантастического сооружения». Мимо него бежит поток, символизирующий источник мудрости, из которого черпают стоящие на коленях люди. На втором плане — гора с пещерой, на черном фоне которой хорошо видна дата от сотворения мира (7173 г.), гравированная белой линией. Внизу набраны стихи в честь св. Григория Богослова. На ксилографии нанесены две монограммы московского гравера.

Вторая гравюра изображает св. Василия Великого и выделяется сложным монтажом: над средником помещена заставка с полуфигурой Христа, помещенной в рамку в стиле барокко. Вся композиция обрамлена наборным орнаментом, состоящим из свободных узоров. На гравюре «Василий Великий» дата от рождения Христова: «1664».

Древний фолиант (в лист) был опубликован в период, называемый в истории церкви Междупатриаршеством, во время царствования Алексея Михайловича. «Сборник переводов» находился в печати с 27 ноября 1664 по май 1665 г. [11, с. 95] и вышел тиражом 1 200 экземпляров.

В Иркутске до сего времени было известно о семи экземплярах «Сборника переводов», хранящихся в редком фонде НБ ИГУ и описанных новосибирскими учеными в 2002 г. [12, с. 28–31]. Шесть из них поступили в университетскую библиотеку в 1920 г. из Иркутской духовной семинарии.

Описываемый нами восьмой иркутский экземпляр «Сборника переводов» имеет удовлетворительное общее физическое состояние, если учесть, что книге 350 лет. Более всего пострадал от времени

переплет: корешок утрачен, его отсутствие вскрывает бечеву (четыре бинта), скрепляющую книжный блок. Частично утрачены кожаные ремешки с застежками. Уцелел книжный блок, не считая отсутствия форзаца, титульного листа в рамке, составленной из наборных украшений (новшество в московском книгопечатании) и четырех страниц оглавления. Бумага имеет водяной знак — «голова шута» в зубчатом воротнике (Клепиков. № 317, 318), наиболее распространенная филигрань на бумаге второй половины XVII в., используемая на Московском печатном дворе.

Исследование экземпляра «Сборника переводов» показало, что первым его владельцем был Стефан Григорьевич Курилов, торговый человек из Сольвычегодского уезда. На начальных девятнадцати листах «Слов Св. Григория Богослова (Назианзина)» более 300 лет назад была сделана надпись черными чернилами скорописью начала XVIII в.: *«1712-го году июля в 6 день приложил сию книгу в обитель всемилостивова Спаса в поминовение родителей своих Соли Вычуготцкой торговой человек Стефан Григорьев сын Курилов».*

Нами установлено, что речь здесь идет о Спасо-Прилуцком монастыре — одном из красивейших монастырей Вологодской епархии [13]. Известно, что уже в первой половине XVI столетия в нем была каменная соборная церковь во имя Всемилоственного Спаса Происхождения Честных Древ с таковой же колокольной. Спасо-Прилуцкий монастырь был одним из важнейших духовных и хозяйственных центров Русского Севера. Собственность монастыря приумножилась подношениями прихожан и щедрыми пожертвованиями. Пять веков при обители существовали книгописная и иконописная мастерские. Библиотека разрасталась за счет вкладов великих князей и иноков других обителей, книжных приношений мирян на помин души [14]. Одним из таких подношений и стало дорогое для сольвычегодского купца издание.

Как через несколько десятилетий священная книга очутилась за несколько тысяч километров от Вологды, в Иркутском Вознесенском монастыре? Нам представляется, что, будучи уже опытным художником-иконописцем из знатной устюжской династии Березиных, Василий выполнял заказы, работая в иконописной мастерской самого лучшего монастыря Вологодчины. Необходимо отметить, что хотя книги из монастырских библиотек были доступны немногим, зачастую «их раздавали всем желающим для чтения и переписывания» [15, с. 20, 30]. Вероятно, «Сборник переводов» мог оказаться во владении Василия Березина во время исполнения им иконописных работ. Так книга

совершила путешествие по городам Вологодской епархии: из Сольвычегодска в Вологду, оттуда в Великий Устюг.

Эти города по указу Петра I с 1708 г. входили в состав Архангелогородской губернии. В 1719 г. губерния была поделена на четыре провинции, одной из которых была Великоустюжская, с центром в Великом Устюге, состоявшая из Великоустюжского, Сольвычегодского и Яренского уездов. И Сольвычегодск, и Великий Устюг, и Яренск, города, где жили персонажи нашего исследования, находились достаточно близко друг от друга и не так далеко от Вологды.

Полагаем, что и в Сухановой слободе, и в Киренском Свято-Троицком монастыре, и в Вознесенском монастыре Вонифатий (Березин) не раз открывал святую книгу, чтобы нести учение великих христианских богословов жителям сибирских поселений.

Очевидно, что, приступив к исполнению новой должности настоятеля Вознесенского монастыря в декабре 1798 г., Вонифатий прежде всего озаботился ознакомлением и упорядочиванием монастырских архива и библиотеки, которые располагались позже на втором этаже каменной часовни, что была установлена на могиле основателя монастыря старца Герасима [1, с. 97].

Именно тогда, 9 февраля 1799 г. в «Сборнике переводов Епифания Славинецкого» появилась скрепа, сделанная собственной рукою настоятеля красивым округлым почерком: *«Сия книга иркутскаго вознесенскаго монастыря казенная подписал архимандрит Вонифатий. 1799 года февруария месяца в 9 день»*. Позже на страницах фолианта были проставлены экслибрисы Иркутского Вознесенского монастыря, шрифтовые штампы начала и второй половины XIX в.

Необходимо отметить, что почти такая же вкладная запись имеется на книге Иннокентия Гизеля «Мир с Богом человеку, или покаяние святое...» (Киев: Тип. Печерской лавры, 1669), хранящейся также в редком фонде НБ ИГУ. Но в отличие от «Сборника переводов» книга эта поступила в монастырскую библиотеку «из описнаго имени игумена Гавриила Копырина» [12, с. 31–32], бывшего настоятеля Вознесенского монастыря, предшественника Вонифатия, известного тем, что на свои средства в 1795 г. он построил церковь Смоленской иконы Божьей Матери. Заметим, что в случае смерти служившего в монастыре и состоявшего на его иждивении все его имущество, в том числе и книги, поступало во владение обители, «наращивая тем самым фонд библиотеки» [15, с. 25].

В чьих руках находился «Сборник переводов Епифания Славинецкого» почти восемьдесят лет, с 1920-х до 2000-х гг., когда

книга поступила в редкий фонд бывшей библиотеки Педагогического института, остается пока белым пятном в этой истории.

Будто под сенью великих православных богословов уцелела и не канула в Лету в последующие два столетия книга с подлинной надписью архимандрита Вонифатия (Березина), отдавшего свою жизнь служению православной вере.

Литература

1. Калинина, И. В. Православные храмы Иркутской епархии XVII – начала XX века. М. : Галарт, 2000. 496 с.
2. Иркутские повествования. 1661–1917 годы : в 2 т. Т. 1. / авт.-сост. А. К. Чернигов. Иркутск : Отгиск, 2003. 464 с.
3. Иркутская летопись (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова). С предисловием, добавлениями и примечаниями И. И. Серебrenникова. Иркутск : Паровая типография И. П. Казанцева, 1911. 418 с.
4. Лыхин, Ю. П., Крючкова Т. А. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век – 1917 год) : биобиблиогр. слов. Иркутск : Изд-во АЭМ «Тальцы», 2000. 408 с.
5. Сыроватская, Л. «Право похвалиться иконописною работою». Искусство мастеров Великого Устюга [Электронный ресурс]. URL: <http://cultinfo.ru/tour/index.php?id=330> (дата обращения: 15.01.2016).
6. Рыбаков, А. А. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII веков [Электронный ресурс]. М. : Галарт, 1995. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/ico/nso/fvo/log/da/7.htm> (дата обращения: 15.01.2016).
7. Кудрявцев, С. Очерк истории Забайкальской епархии. Миссия среди тунгусов в XVIII столетии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chita-parhia.ru/enarx/hist/nov/kydr/missia/> (дата обращения: 13.01.2016).
8. Дулов, А. В., Санников А. П. Православная Церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX века. Ч. 1. Иркутск, 2006. 294 с.
9. Мангилёв, П. Ермоген // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексея II. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. Т. 18. С. 647–648.
10. Герчук, Ю. Я. Искусство печатной книги в России XVI–XXI веков. СПб. : Коло, 2014. 512 [128] с. : ил.
11. Зёрнова, А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. С. 95.

12. Старопечатные книги Зональной научной библиотеки Иркутского государственного университета: Каталог / Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях Сибири и Дальнего Востока: Материалы к Сводному каталогу / сост. Н. Д. Игумнова ; науч. ред. В. Н. Алексеев. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2002. 142 с.

13. Вологодская старина : ист.-археолог. сб. [Электронный ресурс] / сост. И. К. Степановский. Вологда : Типография Вологодского губернского правления, 1890. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/ste/pan/ovs/kyv/olo/gda/1.htm> (дата обращения: 14.01.2016).

14. Житие преподобного Димитрия Прилуцкого, вологодского чудотворца : послесловие [Электронный ресурс] / Спасо-Прилуцкий монастырь при участии АО «Ворота Севера». Вологда : Технологическая школа бизнеса, 1996. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/pri/lut/sky/22.htm> (дата обращения: 14.01.2016).

15. Фунитикова, С. П. Православные библиотеки: прошлое и настоящее : учеб. пособие. Изд. 2-е, доп. и перераб. М. : Изд-во МГУКИ, 2002. 256 с.

УДК 94(571.53)

А. П. Санников*

ЕПИСКОП ВЕНИАМИН (БАГРЯНСКИЙ): ШТРИХИ К БИОГРАФИИ

Четверть века Иркутской епархией управлял Вениамин (Багрянский). Это был сложный, противоречивый и неординарный человек. Он очень много сделал для обустройства епархии. Однако полной биографии епископа Вениамина Багрянского до настоящего времени не написано. Статья рассматривает ключевые вехи в жизни этого архиерея.

---

* Санников Александр Павлович, канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета, Иркутск.

Sannikov Aleksandr Pavlovich, PhD in History, associate professor of the Department of History of Russia of the Irkutsk State University, Irkutsk.

E-mail: aps.72@mail.ru

Ключевые слова: Православная церковь, Восточная Сибирь, Иркутская епархия, православное духовенство, миссионерство, проповедническая деятельность.

Aleksandr P. Sannikov

BISHOP VENIAMIN (BAGRANSKI): STROKES TO THE BIOGRAPHY

A quarter of a century Irkutsk diocese was ruled by the Benjamin (Bagranski). This was a complex, contradictory, and extraordinary man. He did a lot for the arrangement of the diocese. However, a full biography of bishop Benjamin (Bagranski) to date is not written. The article examines the key milestones in the biography of this Bishop.

Keywords: Orthodox Church, Eastern Siberia, Irkutsk Diocese, Orthodox clergy, missionary work, preaching.

Важной датой в судьбе святителя Иннокентия (Вениаминова) стал 1814 г., когда он, ученик Иркутской духовной семинарии Иван Попов, поступивший в это учебное заведение в девятилетнем возрасте в 1806 г., по предложению ректора сменил свою родовую фамилию на Вениаминов. Причиной такого решения ректора стало то, что в семинарии в это время училось не менее семи воспитанников с именем Иван и фамилией Попов. Фамилия Вениаминов — в память скончавшегося иркутского епископа Вениамина (Багрянского) — была дана Ивану Попову за личные достоинства и сходство душевных качеств. Постараемся представить штрихи к биографии человека, чью фамилию с огромной гордостью носил святитель Иннокентий.

Епископское служение Вениамина (Багрянского) оказалось самым продолжительным на Иркутской кафедре в дореволюционный период: оно продлилось четверть века, с 1789 по 1814 г. Епископ Вениамин (в миру Василий Иванович Багрянский) родился в 1742 г. в селе Гладкое (Георгиевское) Тульской губернии в семье сельского священника. Окончил Славяно-греко-латинскую академию в Москве, где показал блестящие результаты, особенно в пиитике, риторике и латинском языке. В 1766 г., вместе с другими отличившимися студентами, был отправлен в Ленденский университет, где изучал философию, географию, историю и иностранные языки (французский, немецкий, греческий).

В 1775 г. принял монашеский постриг и был назначен префектом Новгородской духовной семинарии, где преподавал философию. С

1776 г. одновременно читал курс богословия в Александро-Невской духовной семинарии. В 1782 г. был произведен в архимандрита, переведен в Зеленецкий Троицкий монастырь в Санкт-Петербурге и назначен ректором семинарии. В конце 1783 г. Вениамина перевели в Новгородский Антониев монастырь, а в 1784 г. назначили ректором Новгородской духовной семинарии. В 1788 г. он стал архимандритом Свяязского Богородицкого монастыря.

В связи со смертью иркутского епископа Михаила (Миткевича) Синод представил императрице Екатерине II две кандидатуры: архимандрита Новоиерусалимского Воскресенского монастыря Платона (Любарского) и архимандрита Свяязского Богородицкого монастыря Вениамина (Багрянского). 17 ноября 1789 г. Екатерина II подписала указ о назначении на Иркутскую кафедру Вениамина (Багрянского). 9 декабря того же года в Большом соборе Зимнего дворца он был рукоположен в сан епископа. Прибыл в Иркутск 10 марта 1790 г.

Деятельность этого архиерея была удивительно многогранной. При нем расширились границы Иркутской епархии: в ее состав вошли Алеутские острова и Аляска. Главу духовной миссии, отправленной на Аляску в 1794 г., Иоасафа Болотова он, по решению Синода, 3 апреля 1799 г. рукоположил в сан епископа Кадьякского, викария Иркутской епархии.

При Вениамине продолжилось церковное строительство, было построено более 20 новых храмов, открыты богадельни для духовенства. В Иркутске существовало предание о том, что владыка инкогнито принимал участие в финансировании городской больницы купца Чупалова, открытой в 1807 г.

«Иркутская летопись» дает Вениамину такую оценку: «Управляя Иркутской епархией, достопамятно был строгих правил в домашней жизни, слушал каждый день церковную службу, в летнее время жил в своей заимке в Вознесенском монастыре» [4, с. 207, 215]. Иркутянин, писатель И. Калашников говорит, что епископ «...был человеком высокого образования и необыкновенного ума, нрава строгого и вспыльчивого... Духовенство во многом при нем улучшилось, духовные его уважали и крайне боялись» [3, с. 273].

Особое внимание епископ уделял духовному образованию. Почти десять лет Вениамин был ректором и преподавателем Иркутской духовной семинарии (с 1798 г. ректором стал назначаться архимандрит Вознесенского монастыря). Вениамин добился увеличения размера содержания семинарии до 3 тысяч рублей в год, а также сумел увеличить ее книжный фонд. Многим ученикам он помогал лично: епископ выделял талантливых учеников, таких как Прокопий Громов и Иван Попов — впоследствии святитель Иннокентий (Вениаминов).

В 1800 г. при деятельном участии епископа возобновила свою работу школа при Якутском Спасском монастыре, в 1805 г. открылось Нерчинское духовное училище.

Пожалуй, главным делом епископа Вениамина стала канонизация святителя Иннокентия (Кульчицкого). Культ святителя получил в Восточной Сибири широкое распространение. Он объединял все слои сибирского общества. Многие свидетельства об этом носили легендарный характер. Так, генерал-губернатор И. А. Пиль, не надеясь на докторов в ходе лечения своего внука, отвез его в Вознесенский монастырь, где после панихиды мальчику стало легче, а вскоре он выздоровел. Полковник Сапожников объявил, что в период болезни он взял земли от мощей святителя, растворил в воде, выпил и «сделался здоров». Жительница Елизавета Постникова рассказала, что «была больна глазами. Взятый от лампы святителя маслом мазала глаза и стала здорова» [1, с. 343].

В 1800 г. граждане Иркутска подали прошение епископу Вениамину о ходатайстве перед Синодом «об общецерковном прославлении Иннокентия». Ходатайство подписали 389 жителей. Вениамин, через находившихся в Иркутске сенаторов Ржевского и Левашова, направил письмо на имя императора Павла I и приложил выписку «о чудесах». Для освидетельствования мощей по распоряжению Синода в Иркутск прибыл Казанский викарный епископ Иустин (Вишневский). Епископы Вениамин и Иустин дважды, 29 января и 3 марта 1801 г., осмотрели гроб и мощи. В докладе Синоду от 5 марта 1801 г. они сообщали: «Тело первого Иркутскаго епископа Иннокентия нетленное яко истинныя мощи и достойныя, чтобы для почитания народнаго были объявлены и открыты» [7, т. 23, с. 722].

После убийства Павла I вопрос о канонизации не поднимался два года. Лишь 5 марта 1803 г. Синод вновь запросил у епископа Вениамина, не было ли «изменений в мощах». Епископ подтвердил прежний акт о нетлении мощей и прислал в Синод выписку о вновь совершенных чудесах. Он сообщал, что «всенародное почитание святейшего продолжается и ширится», но Синод медлил с решением.

Тогда епископ Вениамин обратился за помощью к генерал-губернатору Ивану Осиповичу Селифонтову, с которым они вновь осмотрели мощи. Селифонтов, обращаясь к первоприсутствующему в Синоде митрополиту Амвросию и к обер-прокурору Голицыну, выразил свое и всей Сибири настояние об открытии нетленных мощей. После обсуждения в Синоде мнение о канонизации епископа Иннокентия было представлено императору Александру I и 28 октября 1804 г. утверждено.

1 декабря 1804 г. Синод определил: «Тело первого епископа Иркутского Иннокентия огласить за совершенно святые мощи и с подобающим благоговением Иркутскому епископу Вениамину с прочим духовенством поставить в церкви Иркутского Вознесенского монастыря наверху, либо в другом достойном месте, с установлением празднования ему 26 ноября, на день памяти преставления сего святителя» [4, с. 185]. Дата была изменена, поскольку 27 ноября, в день кончины епископа, проходило празднование Знаменской иконы Божьей Матери и в Иркутске проводился крестный ход в Знаменский монастырь.

Известие об этом в Иркутске получили 19 января 1805 г. Через два дня всенародно был отслужен благодарственный молебен. 2 февраля 1805 г. святые мощи подняли из склепа, а 9 февраля при стечении народа торжественно перенесли в соборную Вознесенскую церковь. В 1808 г. иркутский купец Мыльников преподнес в дар роскошную серебряную раку, украшенную литыми позолоченными гирляндами и медальонами с изображениями херувимов. Рака весила более 5 пудов и стоила 14 тысяч рублей.

Дальнейшие события оказались для Вениамина не столь радостными. В Синод поступил донос на его действия. Его написал секретарь духовной консистории Попов, а инициатором выступил бывший архимандрит Иркутского Вознесенского монастыря и ректор Иркутской духовной семинарии Иакинф (Бичурин). Донос поддержали некоторые духовные лица. Епископа обвинили в симонии, т. е. назначении на церковные должности за деньги, «беспорядках и упущениях». Член Синода и покровитель Иакинфа Бичурин митрополит Амвросий дал делу ход.

По своему характеру епископ Вениамин был быстрым в принятии решений, при этом отличался вспыльчивостью и нетерпимостью к неисполнению своих распоряжений или медлительности. Иркутское духовенство, привыкшее к размеренному течению событий, зачастую не поспевало за архиереем. Результатом становились кадровые изменения. За период с 1794 по 1804 г. епископ несколько раз менял состав духовной консистории, при этом изменения происходили ежегодно, хотя ранее членство в консистории длилось десятилетиями. В мужских монастырях епархии за период управления Вениамина настоятели поменялись по пять раз [6, с. 85]. Ранее изменения происходили в основном по причине смерти или старости, реже — из-за проступков.

Некоторые из кадровых решений принимались епископом на основании доносов или мнения одной из сторон. Так, он отстранил от миссионерской деятельности в Якутии проповедника Григория Слепцова из-за доноса протопопы Федора Скрыбина. На защиту миссионера встали якутские волостные головы и наследные князья,

обратившиеся в Синод и к императору. Вениамин был вынужден восстановить Григория Слепцова.

Еще более серьезным оказался конфликт с архимандритом Иакинфом (Бичуриным). 16 мая 1802 г. архимандрит Иакинф был переведен настоятелем в Иркутский Вознесенский монастырь из Казанского Иоанновского монастыря по предложению митрополита Амвросия. Епископ Вениамин настаивал на другой кандидатуре — игумена Киренского Троицкого монастыря Лаврентия (Мордовского). 4 августа 1802 г. архимандрит Иакинф прибыл в Иркутск, принял в управление монастырь, 9 августа вошел в состав духовной консистории и возглавил Иркутскую духовную семинарию.

Новый архимандрит попытался установить строжайший режим в монастыре, начал решительно реформировать учебную программу семинарии и установил палочную дисциплину. Использование розог стало обыденным делом. При этом поведение самого Иакинфа оказалось далеким от аскетизма и подвижничества. Он не чуждался светского общества, был вхож в дома местного купечества, с удовольствием посещал увеселительные вечера «с угощением и горячительными напитками», свободно обращался с монастырской казной. Под видом келейника-послушника Адриана Иванова Иакинф Бичурин содержал бывшую дворовую девушку Наталью Петрову, привезенную с собой из Казани «для ночных бдений». 11 февраля 1803 г. семинаристы и часть братии восстали против архимандрита. Для наведения порядка пришлось использовать полицейскую команду. Епископ Вениамин отстранил Иакинфа Бичурина от священнослужения и лишил всех должностей. Против «впавшего в соблазн» архимандрита началось следствие, длившееся три года. В итоге его отправили в Тобольск под надзор митрополита Антония, а девять семинаристов-бунтовщиков получили телесные наказания и были отданы в солдаты.

В ответ Иакинф (Бичурин), найдя лиц, обиженных епископом, организовал написание доноса и переправил его в столицу. Синод распорядился создать комиссию для проверки жалобы, поручив сделать это иркутскому губернатору Н. И. Трескину. Впервые арбитром в конфликте духовных лиц выступила гражданская администрация, что было новым явлением для Восточной Сибири.

Комиссия начала работу в октябре 1806 г. По свидетельству декабриста Штейнгейля, Трескин, приехав в Иркутск, «назначил в комиссию с гражданской стороны “деловых” людей и точных исполнителей своей воли и духовных лиц. При открытии комиссии он потребовал и настоял, чтобы архиерей явился в присутствие как ответчик. Смешно было видеть, как тогда сами же чиновники рассказывали, что священники, которые при входе архиерея сидели как на иголках, показывали, что рады бы встать, но угрозы гражданских

членов комиссии удерживают их. Для архиерея это было крайнее унижение. Он смирился, и Трескин над ним сжалился; но зато нещадно показывал, какое влияние на него имеет. В торжественный день, например, архиерей вышлет говорить проповедь, а Трескин пошлет городничего в алтарь сказать «не надо» — и аналой тотчас унесут. Все это видят и дивятся. И чего он с ним не делал! Заставлял даже приезжать в маскарады и любоваться фарсом масок, которые перед ним плясали... Зато комиссия следственная действовала уже так медленно, что бедный Вениамин успел умереть, прежде нежели дождался обвинения или оправдания» [8, с. 197]. Смерть архиерея в 1814 г. остановила работу комиссии, не сумевшей за семь лет найти никаких серьезных упущений в его деятельности.

Н. И. Трескин сознательно затягивал решение дела, поскольку никаких крупных нарушений комиссия найти не смогла. По образному выражению современника С. С. Шашкова, «Вениамин, этот высокообразованный, умный, энергичный, благочестивый архиерей оказался в трудном положении и не смог проявить всех своих потенциальных возможностей из-за присутствия в Иркутске губернатора-самодура Трескина, не желавшего видеть рядом с собой самостоятельных фигур» [2, с. 19].

Умер епископ 8 июня 1814 г. По свидетельству очевидцев, перед смертью он «позвал своего духовника и духовенство, исповедался, причастился, соборовался и стал ожидать разлуки души с телом, сидя в кресле. Потребовал к себе членов консистории, спросил, нет ли дел, требующих разрешения. Всех священнослужителей, состоявших под запрещением, простил и разрешил. После этого закрыл глаза и заснул» [5, с. 526].

Правление епископа Вениамина ознаменовало завершение восемнадцатого столетия и начало нового этапа в истории православия в Сибири. Закончилось формирование структур епархиального управления, сложилась система подготовки священников и причетников, укрепился статус Иркутской епархии. Церковное служение в Восточной Сибири более не рассматривалось как ссылка или почетное удаление.

Литература

1. Громов П. Начало христианства в Иркутске и святой Иннокентий, первый епископ Иркутский : его служение, упр., кончина, чудеса и прославление : с литогр. раскрашенным изображением Святителя, и со снимками с почерков его и некоторых современных ему лиц / [Кафедр. прот. Прокопий Громов]. Иркутск : Тип. Окр. штаба, 1868. 408 с.

2. Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX века. Т. 2. Иркутск : СибПолиграфСервис, 2006. 324 с.

3. Записки иркутских жителей : сборник / сост., примеч., послесл. М. Д. Сергеева. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. 540 с. (Литературные памятники Сибири).

4. Пежемский, П. И. Иркутская летопись / летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова; с предисловием, добавлениями и примечаниями И. И. Серебренникова ; Вост.-Сиб. отдел Император. Рус. географ. о-ва. Иркутск : Пар. Тип. И. П. Казанцева, 1911. 418 с. (Труды Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества ; вып. 5).

5. Памяти высокопреосвященного Вениамина, еп. Иркутского // Православный собеседник. Казань, 1905. Ноябрь.

6. Наумова О. Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX века. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 1996. 205 с.

7. Православная энциклопедия [Текст] / ред. Кирилл. М. : Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2000.

8. Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Т. 2. Записки и статьи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 448 с. (Полярная звезда).

УДК 7.044 (908)

В. И. Тарасов*

**КАРТИНА «ПЕРЕНОСЕНИЕ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ
ИННОКЕНТИЯ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК:
ГАЛЕРЕЯ ПОРТРЕТОВ ДУХОВЕНСТВА
ГУБЕРНСКОГО ИРКУТСКА ХУДОЖНИКА
М. А. ВАСИЛЬЕВА**

Статья посвящена атрибуции портретных изображений иркутских священнослужителей на картине «Перенесение мощей святителя Иннокентия» (XIX в.). Отличающаяся насыщенным и

---

*Тарасов Владимир Иванович, художник, историк, преподаватель Иркутской областной детской школы искусств, заслуженный работник культуры и искусства Иркутской области.

Tarasov Vladimir Ivanovich, artist, historian, lecturer of Irkutsk Regional Children Art School, honored worker of culture and art of Irkutsk Region.

E-mail: taraskartush55@yandex.ru

детально проработанным портретным и предметно-событийным компонентом, картина является ценным источником по региональной гражданской и церковной истории Иркутска начала XIX в. Помимо уникальных портретных изображений иркутян, современников святителя Иннокентия (Вениаминова), особую ценность представляют изображение чудотворного образа Божией Матери Казанской из Богоявленского собора, сохранившее облик иконы в цвете, а также самое раннее изображение Вознесенского монастыря. Авторство картины точно не установлено, но можно предположить, что полотно принадлежит кисти иркутского портретиста М. А. Васильева.

Ключевые слова: Иркутск, святитель Иннокентий (Кульчицкий), перенесение святых мощей, духовенство, портреты, одежда, атрибутика, иконы, церкви, портретист М. А. Васильев.

Vladimir. I. Tarasov

IMAGE OF THE TRANSFERRING OF THE HOLY RELIQS OF ST. INNOCENT AS A HISTORICAL SOURCE: GALLERY OF PORTRAITS OF CLERGY OF PROVINCIAL IRKUTSK ARTIST M.A. VASILYEV

The article is devoted to attribution of portrait images of the Irkutsk priests on the picture «The transferring of Holy Relics of the St. Innocent» (19th century). Differing in the saturation and in detailed performance of the portrait subject and event component, the canvas is a valuable source of regional civil and church history of Irkutsk in the beginning of the 19th century. Besides unique portrait images of inhabitants of Irkutsk, contemporaries of the St. Innocent (Veniaminov), the image of a wonder-working image of the Mother of God Kazan from Bogoyavlensky Cathedral, kept shape of an icon in color and also the earliest image of Voznesensky monastery is of special value. Authorship of the picture is not established clearly, but it is possible to assume that the canvas belongs to the brush of the Irkutsk portraitist M. A. Vasilyev.

Keywords: Irkutsk, Innocent (Kulchitsky), transferring of holy relics, clergy, portraits, clothes, attributes, icons, churches, portraitist M. A. Vasilyev.

Первое десятилетие XIX в. в истории Иркутска отмечено событиями, значимыми как для сибирской провинции, так и для России в целом. Все они были связаны с активизацией внешней политики

Российской империи на Востоке, организацией посольских миссий в Китай и Японию, поощрением предпринимательской деятельности Российско-американской компании, продвижением миссии Русской Православной Церкви в Сибири, на Камчатке, на Аляске и Алеутских островах. Прерванная событиями Отечественной войны 1812 г., эта работа обрела достойного продолжателя в лице апостола Америки и Сибири Иннокентия Вениаминова.

Ярким событием, обозначившим и идеологически закрепившим результаты многовекторного движения на восток, стала канонизация первого иркутского епископа Иннокентия Кульчицкого. Для губернского Иркутска сам факт канонизации иркутского чудотворца и торжественные церемонии, связанные с ней, по своему эмоциональному воздействию на горожан стали явлением исключительным. В этой духовной среде предстояло жить и воспитываться будущему первому Камчатскому, Алеутскому и Курильскому епископу, впоследствии митрополиту Московскому и Коломенскому: перенесение мощей святителя Иннокентия Иркутского состоялось в 1805 г., за год до того, как Ваня Попов (будущий митрополит Московский) приехал в Иркутск, чтобы поступить в духовное училище. В церемонии перенесения мощей и предварявшем ее крестном ходе приняло участие все духовенство Иркутска, чиновники, офицеры, купцы, обыватели, мещане и цеховые. Описание этого масштабного торжества сохранилось в иркутских летописях, архивных материалах Вознесенского монастыря и Иркутской духовной консистории [1, л. 19–23].

В 2005 г. вниманию историков и краеведов Иркутска был представлен интересный и уникальный для сибирской истории источник — картина «Перенесение мощей святителя Иннокентия» (Неизвестный художник. Начало XIX в. г. Иркутск, 42х19 см, дерево, масло. Хранится в иркутской Крестовоздвиженской церкви) (*Рис. 1*). Но все своеобразие и информационную насыщенность этого непривычного для иркутских историков и краеведов исторического документа мало кто смог оценить по достоинству. Даже первооткрыватель картины — известный иркутский искусствовед и исследователь истории Русской Церкви и церковного искусства Сибири Тамара Александровна Крючкова — увидела в обнаруженной ею репродукции живописной работы материал, интересный только как иллюстрация события [2, об. обл.]¹.

---

¹ Такое отношение к изобразительным материалам традиционно для иркутской историографии и определяется, вероятно, довольно скромным объемом доступных для исследователей документов. Исключением являются работы

При внимательном изучении картины в более высоком качестве и с кратным увеличением (для этого потребовалось еще несколько раз производить ее фотосъемку, с разрешения настоятеля Крестовоздвиженской церкви Сергия Кульпинова) обнаружилась не только масса подробностей в одежде участников торжества, но и виртуозно прописанные (с явной портретной характеристикой) лица и фигуры.

Иркутский живописец, написавший эту работу более двух столетий тому назад, создал в ней галерею миниатюрных изображений, разнообразных как по типологии, так и по формату и ракурсам. В полнофигурных, поясных, погрудных, головных портретах он отобразил всю социальную структуру современного ему Иркутска — от первых лиц города до нищих. При этом несомненно, что композиционной, живописной и смысловой доминантой картины является изображение церковного шествия и иркутского духовенства. Праздничные облачения служителей и священников выделяются не только своим архаичным силуэтом и мерцающим блеском дорогих тканей и атрибутов, но и дают конкретную информацию о месте их обладателей в церковной иерархии. Это тот редкий случай, когда изображение может выступать главным содержательным компонентом исследовательской работы, а поиск необходимых для атрибуции картины архивных материалов позволяет выявить и интерпретировать и представленное на картине событие, и круг его участников.

Композиционно картина состоит из изображения нескольких групп людей, объединенных общим событием, но различающихся степенью и динамикой участия. Плоскость картины разделена на три примерно равные части. Движение людских масс идет справа налево. В том же направлении нарастает насыщенность деталями и степень проработки фигур, а также плотность и многослойность живописной работы. Портретные и силуэтные изображения иркутских священнослужителей представлены во всех частях картины, но наиболее насыщена таковыми центральная часть (Рис. 3).

При этом самая динамичная и сложно организованная часть картины — левая (Рис. 2). Ее композиция строится на сочетании ярко выраженного движения по диагонали (от нижнего края — вглубь картины) головной группы священнослужителей и почти статичной

Е. А. Добрыниной, на протяжении многих лет занимающейся поиском, изучением и изданием изобразительных документов, относящихся к истории Восточной Сибири [3].

группы верхнего края, где возле чудотворной иконы Казанской Божьей Матери изображены: священник (ключарь Богоявленского кафедрального собора), два дьякона с кадилами и два с крестом и образом Божьей Матери запрестольным.

Центральная часть по композиции самая простая. Движение фигур во фронтальной плоскости — справа налево. На первом плане купол Тихвинской церкви. На втором — основная группа священников и служителей, сопровождающих мощи, во главе с архиереем, епископом Вениамином.

На правой части картины (*Рис. 4*) — Вознесенский собор и выходящие из него горожане. Эта часть менее других насыщена деталями. Основное пространство заполнено массой белокаменного собора (это первоначальный облик собора, до перестройки, начатой в 1809 г. и законченной к 1813 г.) [2, об. обл.]. В этой части картины изображений священнослужителей немного. Среди женских фигур первого плана выделяются яркой портретной трактовкой фигуры двух монахинь, выполненные энергичной и уверенной рукой. На дальнем плане, на боковом крыльце Вознесенского собора послушник прикрывает дверь в храм. Рядом с крыльцом — монастырский служитель (судя по сгорбленной фигуре, весьма преклонных лет), в руках у него три больших свечи, вероятно, для замены прогоревших во время церемонии.

Типология портретных миниатюр, представляющих иркутских священнослужителей, разнообразна и многогранна. Картина в целом соответствует известному еще по итальянскому Возрождению типу — «портрет в сценах из общественной или придворной жизни». Отдельные портретные изображения выполнены в полный рост, полуфигурно, погрудно, как лицевой портрет. В изображениях лиц применены всевозможные ракурсы — профиль, анфас, в три четверти, немного сверху, чуть снизу, а также портреты-типы, последние используются чаще для персонажей малознакомых или мало интересных автору картины.

Несмотря на обилие персонажей, нет ощущения заработанности, «засушенности», автор показывает себя виртуозом — с цепким взглядом, уверенной рукой и хорошей зрительной памятью. Похоже, что близко знакомые ему персонажи врисовывались в картину по памяти. Другие портреты (особенно лиц первого плана) носят явно натуральный характер, но и здесь не заметно следов длительной штудии — кисть движется бегло.

Атрибуция портретных изображений иркутских священнослужителей (*Рис. 5*). стала возможна благодаря документальной точности

художника, запечатлевшего не только индивидуальные черты персонажей, но и детали одежды и аксессуары. Так, среди большого количества одетых в яркие, долгополые и просторные одежды священников и служителей только восемь — в головных уборах. Пять из них — в черных клобуках, двое — в богато украшенных митрах, отличающихся по форме (одна — более широкая и низкая, другая — несколько вытянутая и высокая), и один — в наградном головном уборе священников камилавке (насколько можно определить, пурпурно-фиолетового цвета). Эти детали, соотнесенные с архивными источниками, позволяют определить должности и личности священнослужителей.

Митры являются важной деталью облачения епископов и архимандритов. В период с 1802 по 1806 г. в Иркутске было только два духовных лица такого ранга. Это епископ Иркутский и Нерчинский Вениамин Багрянский и архимандрит Иркутского Вознесенского монастыря Иакинф Бичурин. Сравнение с имеющимися портретными изображениями (Портрет епископа Вениамина. 1807. ИОХМ; Отец Иакинф, Никита Бичурин. Акварель Н. Бестужева. 1840 и Портрет Н. Бичурина, известный под названием «Благородный китаец в летнем одеянии». Литография А. Орловского. 1828) подтверждает факт присутствия на рассматриваемой картине их полнофигурных миниатюрных портретов. Рядом с архимандритом, несущим вместе с тремя другими священниками накрытый парчовой тканью гроб со святыми мощами, идет дьякон со свечой. Хорошо прописанные портретные черты и место расположения этого персонажа рядом с архиереем и архимандритом (что, конечно, не может быть случайным) дают надежду на установление и его личности.

Атрибуция персонажей в черных клобуках (жаль, что только два из них имеют индивидуальные портретные черты) стала возможна после обращения к архивным документам Вознесенского монастыря. Эти головные уборы в сочетании с облачением священника — принадлежность иеромонахов, то есть монахов-священников монастырских церквей Вознесенской, Тихвинской и Успенской. В таблице к рапорту «Учиненному за прошлый 1804 год», поданном настоятелем монастыря архимандритом Иакинфом в Иркутскую духовную консисторию, есть данные по четырем иеромонахам. Это казначей монастыря иеромонах Иероним, иеромонахи: Натанаил, Мисаил и Иов. К сожалению, даже по их возрасту, приведенному в таблице (43, 44, 50 и 59 лет), невозможно определить индивидуальную принадлежность портретов. Впрочем, по одному из пяти, несущему гроб со святыми мощами, можно высказать и иное предположение, тем более

что он изображен рядом с епископом и архимандритом. Возможно, это настоятель Киренского Свято-Троицкого монастыря, член Иркутской духовной консистории игумен Лаврентий Мордовский [5, л. 137–138, 139].

Личность священника в камилавке позволяет выявить цитата из «Церемониала», определяющая действия лица, идущего во главе церковного шествия: «потом идет протоиерей благочинный Сухих, кропит святою водою все шествие» [4, с. 2]. Именно такие действия производит священнослужитель с окладистой бородой и в наградной камилавке. Это священник Богоявленского кафедрального собора Федор Сухих, будущий архимандрит Посольского монастыря. Рядом с ним отрок-пономарь, несущий водосвятную чашу. Если это штатный пономарь монастыря, а не служитель Богоявленского храма, то изображен, вероятно, пятнадцатилетний Иван Кузнецов (сын кяхтинского священника Иоанна Кузнецова) [5, л. 137–138, 139 об].

Из следующих за протоиереем священников иркутских городских церковей шестеро имеют хорошо прочитываемые портретные черты. Но только штатных списков для атрибуции их портретов будет недостаточно. Их облачения имеют небольшую разницу в деталях, по цвету, присутствует и разница возрастная, но насколько это поможет в установлении персоналий, пока сказать трудно. Маловероятной на сегодняшний момент кажется и возможность атрибуции портретов дьяконов, несущих подсвечники, иконы и кресты, хотя многие изображения достаточно индивидуальны. В составе архиерейского хора, рядом с которым замедлила свое движение церковная процессия, изображена группа семинаристов, «обучавшихся партесному пению», и три дьякона, лица которых имеют также индивидуальные черты. Но определить их имена можно будет только после обнаружения новых архивных или мемуарных источников.

Личности двух монахинь, присутствующих на торжестве, но не участвующих в обрядовых действиях, напротив, было нетрудно установить по документам Знаменского женского монастыря, так как вероятнее всего — это первые лица в его иерархии: настоятельница и казначея. В 1804–1805 гг. настоятельницей Знаменского монастыря была игуменья Анфиса Шатилова, а казначеей (уже много лет занимавшей этот пост) — монахиня Меланья Попова [6, л. 5].

Священник (ключарь), два дьякона с кадилами и два с крестом и образом Божьей Матери запрестольным, что стоят возле чудотворного образа Казанской Божией Матери, принадлежат к Богоявленскому собору, они сопровождали икону во время крестного хода. Ключарь собора на 1808 г. известен: им был Никифор Парняков [7, л. 90 об.].

Возможно, именно он изображен на картине. Атрибуцию портретов группы дьяконов после обращения к церковным архивам может существенно облегчить заметная разница в их возрасте.

Два портретных изображения иркутян, имеющих отношение к происходящему, но не принадлежащих к иркутскому духовенству, представлены в левой части картины. Первое из них — портрет вышивальщицы, изображенной, что особенно интересно, за работой: это известная иркутская золотощвея Е. А. Постникова (ок. 1775–1854), выполнившая много замечательных работ для иркутских церквей. В их числе была икона-пелена с ростовым изображением святителя Иннокентия, посланная в дар царю (который поблагодарил мастерицу, пожаловал 300 р. и возвратил образ в Иркутск). Впоследствии пелена оказалась в Вознесенском монастыре [8, с. 306–307]. Возможно, за вышиванием именно этой пелены Постникова и изображена на картине.

Второй персонаж, не принадлежащий к иркутским священнослужителям, но тесно с ними связанный, изображен в верхнем поле, среди фигур, размещенных фронтально вдоль стены деревянного здания. В центре этой группы две женские и две мужские фигуры. Женщины в богатых шубах, крытых по-видимому парчовой тканью, мужчины: один в офицерском мундире (шеф гарнизонного полка), другой — в синем сюртуке (иркутский городской голова), оба опираются на трости. Справа, на фоне слегка обозначенной толпы, — два офицера (командир гарнизонного полка и плац-майор), между ними — две женские фигуры. Самая крайняя правая фигура в этой группе — бородатый старец в простонародной одежде и с посохом, отличающийся весьма не парадным видом от окружающих. По ряду признаков (возраст, привычка к простой одежде) можно предположить, что это портрет иркутского купца Чупалова, на средства которого в 1802 г. была сооружена каменная ограда Вознесенского монастыря (отображенная и на рассматриваемой картине), а в 1805 г. (по сведениям иркутского краеведа С. С. Попова) изданы «Описания чудес св. Иннокентия, напечатанные в первый раз иждивением иркутского купца Николая Семеновича Чупалова в 1805 г. в Иркутске» [9, л. 303] Уже этот, далеко не полный перечень деяний позволяет купцу занимать почетное место в ряду первых лиц губернского Иркутска на церковной церемонии в Вознесенском монастыре.

Содержание картины не исчерпывается насыщенным портретным и событийным компонентом. Она интересна еще и достаточно хорошо детализированными для такого размера изображениями церковной утвари и атрибутики: от священнических одежд и икон — до выносных

подсвечников, рипид, трикирий и кадил. Это в сочетании с сохранившимися предметными описаниями из церковных документов существенно расширяет базу исследований по истории материальной культуры и церковного искусства. Особую ценность представляет изображение чудотворного образа Божией Матери Казанской из Богоявленского собора, сохранившее облик иконы в цвете (материал уникальный, т. к. до сего времени представление о ней давали только неразборчивые черно-белые фотографии конца XIX в.).

Кроме того, на картине — самое раннее изображение Вознесенского монастыря. Бревенчатые настоятельские и монашеские келии с дворовыми оградами; еще не подвергшаяся перестройке Тихвинская церковь; каменная монастырская стена, построенная в 1802 г. (на средства купца Чупалова) и почти законченное здание каменных настоятельских келий. Здание Вознесенского собора через четыре года относительно представленного на картине времени лишится боковых палаток и крыльца у главного входа, на месте которых будут построены боковые приделы и новое крыльцо иного архитектурного вида [10, л. 47, 53]. (Новый законченный вид храм приобретет к 1813 г., когда будут завершены все строительные и оформительские работы).

Картина не имеет авторской подписи, но по ряду признаков она, несомненно, близка к живописным работам иркутского портретиста М. А. Васильева. И обоснованное доказательство его авторства — только дело времени. Пока же следует отметить, что художник, написавший эту картину, был хорошо знаком с приемами иконописного искусства: это проявляется и в общем построении композиции картины, и в канонической последовательности проработки фигур и лиц персонажей, и в условностях передачи пространства и его архитектурного наполнения. М. А. Васильевым был освоен опыт иркутских иконописцев, это можно легко обнаружить в его картинах. В то же время и масштабы стоявшей перед ним задачи (передача и организация на плоскости картины пространства большой протяженности и глубины, наполнение его огромным количеством действующих лиц), и его творческий темперамент, и особо отличающее его качество самобытного и талантливое «физиономиста» требовали более крепкой профессиональной основы. В первую очередь, знания приемов построения фигур в пространстве и азов линейной перспективы, умений, простых для «ученого светского живописца», но малопонятных для «самообразованного провинциала». Все это, впрочем, мало сказывается на художественной и тем более исторической ценности уникальной картины, представившей групповой портрет иркутского духовенства начала XIX в.

Литература и источники

1. Распоряжение Иркутской духовной консистории архимандриту Иакинфу 7 февраля 1805 г. // ГАИО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 28. Л. 13–16; Описание церковного обряда, происходившего 2, 8 и 9 февраля 1805 г. в граде Иркутске // ГАИО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 28.
2. Крючкова Т. А. Перенесение мощей святителя Иннокентия // Земля Иркутская. 2005. № 2. Об. обл.
3. Живописные путешествия по Иркутской губернии XVIII–XIX веков. Графика : опыт ист.-искусствовед. исслед. / авт.-сост. Е. А. Добрынина. Иркутск : Иркут. обл. краевед. музей, 2007. 196 с.
4. Церемониал выноса мощей святителя Иннокентия, первого епископа Иркутского из усыпальницы его в соборную церковь Вознесенского монастыря 9 февраля 1805 г. // Земля Иркутская. 2005. № 2. С. 2–3.
5. О состоящих в оном монастыре священноцерковных служителях с показанием имени и лет за 1804 г. ГАИО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 26. Л. 137–140 (об).
6. Настоятельница Иркутского Знаменского женского монастыря, со времени основания его – 1693 года по настоящее время // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1892. № 23. С. 1–10.
7. Расписание кому именно в торжественные дни и праздничные следующего 1808 г. в иркутском Богоявленском соборе говорить проповеди // ГАИО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 30. Л. 90–91.
8. Громов П. Начало христианства в Иркутске и Святой Иннокентий, первый епископ Иркутский. Его служение, управление, кончина, чудеса и прославление / П. Громов. Иркутск : В типографии Окружного Штаба, 1868. 412 с.
9. Попов С. Св. Иннокентий Иркутский // Рус. паломник. 1887а. № 25. С. 303–306, № 26. С. 316–320, № 27/28. С. 334–336.
10. Переписка архимандрита Аполоса с иркутской духовной консисторией // ГАИО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 2. Л. 47–53.

**СЕКЦИЯ «ЭКСПЕДИЦИОННО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ»**

УДК 94(910.4)+281.93

В. А. Коноплев*

**ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ
РУССКОЙ АМЕРИКИ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX ВЕКА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В «ЗАПИСКАХ ОБ
ОСТРОВАХ УНАЛАШКИНСКОГО ОТДЕЛА»
СВЯТИТЕЛЯ ИННОКЕНТИЯ (ВЕНИАМИНОВА)**

Одним из важнейших географических вопросов, поднимаемых святителем Иннокентием (Вениаминовым) в «Записках об островах Уналашкинского отдела», является предположительное существование к югу от Алеутских островов неизвестной земли. Пути его решения, предлагаемые святителем, позволяют судить как о методологии его собственных исследований и сделанных им открытиях, так и о влиянии на православного миссионера, прожившего в Русской Америке долгое время, географических представлений, свойственных ее коренному населению.

***Ключевые слова:** Русская Америка, географические исследования, православные миссионеры, святитель Иннокентий (Вениаминов).*

Vladimir A. Konoplev

**GEOGRAPHICAL NOTIONS OF THE DWELLERS OF
RUSSIAN AMERICA OF XVIII — FIRST HALF XIX
CENTURIES IN WORK OF ST. INNOCENT
(VENIAMINOV): «NOTES ON THE ISLANDS OF THE
UNALASHKA DISTRICT»**

One of the most important geographical issues raised by St. Innocent (Veniaminov) in the «Notes on the Islands of the Unalashka District», is the problem of the existence of an unknown land south of the Aleutian Islands.

---

* Коноплев Владимир Андреевич, ст. научный сотрудник Государственного архива Вологодской области, г. Вологда.

Konoplev Vladimir Andreevich, senior research of the State Archive of the Vologda region, Vologda.

E-mail: vlk1506@yandex.ru

The ways of solving this problem proposed by the St. Innocent allow us to judge both the methodology of his own research and his discoveries and the influence on the orthodox missionary who lived in Russian America for a long time, as well as to understand the geographical representations intrinsic to its native population.

Keywords: *Russian America, geographical explorations, orthodox missionaries, St. Innocent (Veniaminov).*

Географические исследования являлись одной из важнейших задач при освоении Русской Америки, значимый вклад в решение которой внесли не только промышленники и военные моряки, но и православные миссионеры, и прежде всего святитель Иннокентий (Вениаминов). Будучи священником на о. Уналашка, он собрал топографические, этнографические, метеорологические и лингвистические сведения об островах Уналашкинской группы, составившие «Записки об островах Уналашкинского отдела» — уникальный источник по географии и этнографии алеутов. В одной из глав святитель поднимает вопрос о существовании к югу от Алеутских островов неизвестной земли.

Мысль о существовании островов, возможно, богатых пушниной, среди русских промышленников зародилась еще в середине XVIII в. На протяжении ста лет предпринимались многочисленные попытки отыскать эту землю [1]. По утверждению историка В. Н. Берха, поводом стала «всеобщая молва». Как источник Берх приводит слова соликамского купца Ивана Саввича Лапина. Согласно его рассказу, казак Гаврило Пушкарев, член экипажа «Св. Петра» в 1741 г. утверждал, что к югу от о. Беринга должен находиться еще один остров. Данное умозаключение было сделано на основании наблюдений за каланами и морскими котиками, которые, проведя зиму на о. Беринга, затем удалялись на юг, но не приставали ни к Камчатке, ни к Курильским островам. Следовательно, для наблюдательного казака встал вопрос, где же они зимуют. Он неоднократно указывал купцам Лапину и Трапезникову на необходимость найти этот остров, что может привести к получению богатых промыслов [2, с. 38–38].

Мореплаватель Ф. П. Литке, посетивший о. Уналашка в августе 1827 г. во время кругосветного плавания на шлюпе «Сенявин», отмечал, что предположения о существовании земли южнее Алеутской гряды весьма прочно укоренилось в российско-американских колониях: «мысль о существовании земли около тех мест не новая и почитается в том крае несомненною истиною» [3, с. 188–189]. Он отмечал, что данная мысль подкреплялась не только ежегодной миграцией морских котиков, но и несколькими плаваниями: судна «Зосима и Савватий»

в 1797 г. и штурмана Герасима Измайлова в 1792 г. на поиск о. Чикхлик к югу от о. Укамок, о котором тогдашний главный правитель колоний Александр Андреевич Баранов узнал от местных жителей [3, с. 189].

В своей книге Литке упоминает о беседах со священником И. Вениаминовым, а также о своем знакомстве с записками о колониях РАК приказчика К. Т. Хлебникова, из которых он почерпнул сведения о походах Измайлова и миграции морских котиков. [3, с. 84, 121, 145, 173]. Вслед за Хлебниковым он предполагал наличие между параллелями 40° и 45° с. ш. «островков или камней», на которых могли бы зимовать морские котики [3, с. 188–200]. Мореплавателю посчитал, что интересы РАК требовали скорейшего обнаружения предполагаемых зимовий, т. к. если бы русских опередили американские капитаны, с промыслом морских котиков было бы покончено [3, с. 189].

В 1833–1834 гг. тогдашний главный правитель колоний РАК Ф. П. Врангель по настоянию директоров отправлял суда на поиски этой земли, но безуспешно. Сам он весьма скептически относился к ее существованию [4, с. 295–296, 302, 304–305].

Несмотря на прекращение ко второй половине 1830-х гг. Российско-американской компанией активных поисков новых островов на севере Тихого океана, убеждение в их существовании у жителей колоний так и не развеялось. Подтверждением может служить вышедший в 1840 г. труд священника И. Вениаминова «Записки об островах Уналашкинского отдела», первая часть которого посвящена географии Алеутских островов. Вениаминов суммировал все данные о предполагаемых островах к северу и югу от Алеутской гряды и попытался рационально обосновать их существование [5].

Рассуждая о возможности существования острова или лайды¹ к юго-востоку от Уналашки, где зимуют каланы, сивучи и морские котики, Вениаминов приводит аргументы и против, и за.

Сомневаться в существовании земли заставляют, по его мнению, следующие факты. Во-первых, суда в данной акватории ходят уже более пятидесяти лет и все пространство моря, от Лисьей гряды до 53° с. ш. особенно там, где находится предполагаемый остров, «совершенно исчерчено путями наших судов ... не осталось ни одной точки, которая была бы не осмотрена», на поиски этого острова было отправлено два судна, но никакого результата это не принесло (очевидно, речь идет о поисках, предпринятых Ф. П. Врангелем) [5, с. 306–307]. Если же острова эти находились бы западнее или южнее данной акватории, то в любом случае были бы обнаружены признаки земли: птицы или сами

---

¹ Лайда — полоса отлогого морского берега, обнажающаяся во время отлива.

котики, а если острова находятся гораздо южнее, то их нашли бы европейские мореплаватели Ванкувер, Кук или же европейские китоловы. Опровержением могло служить и предположение о том, что морские котики могут зимовать просто в море, тогда «без всякого сомнения, острова эти не существуют» [5, с. 307].

С другой стороны, по мнению Вениаминова, может быть выдвинут и ряд аргументов, подтверждающих наличие островов южнее алеутской гряды: во-первых, он отмечает, что многочисленные корабли, которые ходят между азиатским побережьем России и американскими колониями, повторяют свои маршруты и лишь немногие появляются в тех местах, где предполагались острова, да и сами острова могут быть либо небольшими, либо покрытыми туманами. Но этот довод будет иметь силу только при условии составления карты маршрутов всех судов, ходивших в районе севера Тихого океана: «Я уверен, что такая карта послужит не столько опровержением, сколько доказательством мнения о существовании неизвестных островов; или она, по крайней мере, покажет где надобно искать их» [5, с. 308–309]. Выказанная автором уверенность заставляет думать, что сам он был сторонником идеи о существовании островов. При этом Вениаминов упоминает труд Ф. П. Литке, который утверждал, что южнее Алеутских островов неоднократно наблюдались признаки земли. Книга Ф. П. Литке вышла в 1835 г., когда И. Вениаминов активно работал над составлением записок [6, с. 276].

Также Иннокентий опирается и на собственный мореходный опыт: в 1823 г., следуя в колонии на судне «Константин» и находясь на меридиане Уналашки, он видел трех урилов², которые, несколько раз облетев судно, направились на север. Около этих же мест, по его сведениям, судно РАК «Волга» видело мутную воду [5, с. 309–310].

Делая предположение о том, что морские котики зимуют прямо в море, Вениаминов пишет, что в таком случае они должны проводить время на участках воды с очень малой глубиной и изобилием пищи, а также быть приспособленными ко сну в воде, как нерпа. Таким образом, до тех пор, пока не будет доказано, что морские котики обладают такими способностями, остается полагать, что эти животные проводят зиму на островах или небольших скалах [5, с. 311–312].

Миграцию морских котиков, как и другие — за столетие до него, Вениаминов считал основным аргументом в пользу существования острова к югу от Уналашки. По его мнению, остров, на котором

---

² Урил — краснолицый баклан, морская птица, обитает на Командорских, западных Алеутских островах и островах Прибылова.

животные проводят зиму, находится не на меридиане о. Уналашка, а на меридиане о. Саннах (54° 22' с. ш и 163° 22' з.д.) и, возможно, восточнее, приблизительное расстояние до него 200–400 миль к югу [5, с. 313–315].

Вениаминов упоминает и предания эскимосов-кадьякцев об острове к югу от о. Укамок, который они называли «Чикхлик», на поиски которого А. А. Баранов потратил несколько лет. Также он пишет о том, что в древности алеуты Лисьевских островов совершали путешествия на север, восток и запад с целью поиска других народов и установления с ними дружественных отношений. Одно такое плавание позволило им достичь заполярных областей Аляски [5, с. 272]. Во время первого посещения о. Уналашка экспедицией С. Глотова в 1759 г. промышленники получили от алеутов сведения о 13 Андреяновских островах и островах к западу от о. Уналашка [7, с. 64–65]. Алеуты, по словам И. Вениаминова, знали и об островах Прибылова, задолго до прибытия русских [5, с. 269]. Кроме того, лейтенант Р. П. Галл в своем дневнике упоминал сведения алеутов как источник догадок о наличии островов к северу от о. Уналашка [7, с. 254]. Однако в отношении островов к югу от Уналашки, по словам И. Вениаминова, никто из алеутов ничего определенного сказать не мог [5, с. 303]. Все эти доказательства, по мнению автора, не являются бесспорными, однако нельзя и пренебрегать ими, особенно преданиями коренных жителей [5, с. 313].

Доказательством существования острова могли служить и два плавания: судна «Зосима и Савватий», которое заблудилось в океане и ушло далеко на юг, и судна «Александр Невский» в 1812 г., упоминаемого Ф. П. Литке. Последнее плавание проходило под командованием штурмана Петрова. Согласно его записке, остров располагается в 200 верстах к юго-востоку от о. Уналашка. Записку эту И. Вениаминов читал, а также беседовал с участниками плавания, которые описали ему данный остров. С их слов, «остров этот не более 10 верст, продолговатый от Запада к Востоку, и на обоих концах имеет невысокие сопки. Данный остров был виден на протяжении целого дня, но, не имея возможности подойти к нему, корабль направился к Уналашке, которую увидели на следующий день» [5, с. 303, 312–313].

Отдельного рассмотрения заслуживает упоминание о плавании судна «Зосима и Савватий», принадлежавшего иркутским купцам Киселевым и совершившего последнюю частную экспедицию на Аляску и Алеутские острова.

Основные события этого морского похода изложены в трудах морских офицеров, побывавших в Русской Америке, — В. Н. Берха и Г. И. Давыдова, описанные ими со слов участников похода, некоторые

из которых в 1802–1804 гг. находились на о. Кадьяк [2, с. 119–128; 8, с. 158–159]. Еще одно описание плавания оставил Филипп Кошеваров, который, хотя и не был участником, но взял на себя управление судном на пути от о. Кадьяк к Уналашке и имел возможность непосредственно общаться с его экипажем [9, с. 556–562]. Все эти описания, с небольшими разночтениями, сходны. Следует отметить, что И. Вениаминов был знаком с трудами В. Н. Берха, которые читал в августе 1827 г. [6, с. 166].

Судно вышло в море в 1797 г.³ из Охотска [2, с. 120]⁴. Основной целью экспедиции был о. Уналашка. Кошеваров в своей статье отметил, что неопытные мореходы не знали, что в сентябре в Беринговом море господствуют северные ветры, следовательно, идти на север им пришлось бы против ветра. При этом течение имело направление на юг и скорость, доходящую до 25 миль⁵ в сутки. Из-за этого судно оказалось не севернее, а южнее Алеутских островов. При этом промышленники считали, что они находятся севернее и соответственно взяли курс на юг⁶ [9, с. 559–560].

Об открытии острова промышленник рассказывает следующим образом: «но коль велико было удивление наше, когда в октябре месяце стали мы ощущать теплотворный воздух, через несколько дней, то есть уже в ноябре, дошла теплота до такой степени, что смола, которою обмазано было наше судно, начала растапливаться. Новое обстоятельство сие привело весь экипаж в недоумение. Пока мы в течение полусуток заняты были спорами и размышлениями, то вдруг увидели перед собою остров, а около судна множество морских котиков». Однако вместо того чтобы идти к острову или заняться промыслом котиков, экипаж решает, что видит «нечистое привидение» [3, с. 121–122] и намеревается служить молебен перед образом Пресвятой Богородицы, а затем направиться в ту сторону, куда подует ветер. После молебна задул сильный южный ветер, и промышленники решились плыть на север. После 12-дневного плавания пристали к о. Афогнак [3, с. 123].

Если исходить из того, что промышленники плавали очень короткое время, с июля по сентябрь [8, с. 156], а назад корабль повернул только

---

³ У Берха в 1798 г.

⁴ По данным Берха, «Зосима и Савватий» пристал к о. Беринга. Команда провела три года на Командорских островах, однако представляется, что это был неправильно истолкованный рассказ о промысле на Алеутских островах в 1799–1803 гг. Кошеваров же не упоминает об остановке на о. Беринга [9, с. 559].

⁵ Морская миля — 1852 м.

⁶ Речь в данном случае идет о Курильском течении [9, с. 559–560].

в начале ноября, то можно предположить, что плавание «Зосимы и Савватия» действительно было очень долгим, около двух месяцев⁷ [9, с. 560]. Краевед А. Епатко считает, что корабль во время этого плавания достиг Гавайских островов [10]. Ведь по свидетельству промышленника, команда в октябре начала чувствовать теплый воздух, а значит, «Зосима и Савватий» вошел в тропические широты.

А. Ф. Кошеваров в своей статье не упоминает о жаре, в его изложении сначала показались признаки земли — водоросли и птицы, а затем экипаж увидел берег. На основании длительности плавания и господства в субтропических и тропических широтах северо-восточных пассатов он посчитал, что «Зосима и Савватий» дошел до берегов Америки [9, с. 561–562]. Речь может идти о берегах южной Калифорнии, но наиболее вероятной представляется версия о Гавайском архипелаге.

Ю. Лисянский во время первой русской кругосветной экспедиции на шлюпе «Нева» при переходе из Кадьяка в Китай в сентябре — октябре 1805 г. отмечал, что 9 октября «жара сделалась несносной», корабль в это время находился в 30°20' с. ш., «однако же, наши гребные суда совершенно разошлись, а стены и бушприт, сделанные нами из елового леса, расщелялись так, что я принужден был положить на них во многих местах найтовы⁸. Вчера мы были обрадованы появлением нового рода рыбы. Длинной она была не более полуфута [15 см], довольно толста, но с удивительными перьями, или, лучше сказать, крыльями, длиной около трех четвертей всего тела. Сегодня показались тропические птицы и множество летучей рыбы» [11, с. 221]. Сравнив это сообщение с данными о плавании «Зосимы и Савватия», можно с уверенностью утверждать, что судно пересекло параллель 30° с. ш. и находилось на пути к Гавайскому архипелагу⁹.

---

⁷ А. Ф. Кошеваров также называет срок в два месяца [9, с. 560].

⁸ Найтовы — судовая снасть, используемая для закрепления предметов оборудования и снабжения, деталей судовых устройств, а также штучных грузов в трюмах и на палубе.

⁹ Вместе с тем на островах основной группы имеются высокие вулканы, да и сами острова достаточно возвышенны и способны попасть в поле видимости на значительном расстоянии, об этом упомянуто в книге Дж. Кука о его третьем плавании в Тихом океане [14], а также в описании кругосветных путешествий В. М. Головнина [15] и О. Е. Коцебу [16]. Кроме того, на Гавайских островах американские китобой говорили Коцебу о том, что в районе 35° с. ш. и 155° з. д. находится остров. 24 февраля 1825 г. во время перехода в Новоархангельск Коцебу провел корабль через эту точку, однако земли не обнаружил. Сообщение американских китобоев свидетельствует о том, что в данном районе также неоднократно наблюдались признаки близкой земли. А значит, «Зосима и Савватий» мог и не дойти до Гавайского архипелага, а повернуть назад в районе 29–30° с. ш.

Таким образом, имеющиеся данные позволяют предположить, что «Зосима и Савватий» было первым русским судном, достигшим тропических широт Тихого океана и, возможно, даже Гавайского архипелага на несколько лет раньше, чем суда первой кругосветной экспедиции. Однако данное открытие не могло быть зафиксировано, так как никто на корабле не владел навигацией.

К моменту выхода в свет труда И. Вениаминова руководство РАК и мореплаватели убедились, что никакой земли в акватории Тихого океана между Гавайями и Алеутскими островами не существует. Например, Л. А. Загоскин, командуя в 1839 г. бригом «Охотск» на пути из Охотска в Новоархангельск отмечал что, «находясь севернее мнимых островов Зосимы и Савватия, не уносился мечтами открытий» [12, с. 358–359]. Редактора, готовившие в 1850 г. публикацию «Записок гидрографического департамента», также отметили, что данное пространство «теперь конечно может быть считаемо наверное безземельным» [9, с. 557].

Гипотеза о путях миграций морских котиков с мест размножения в места зимовки впервые была высказана Н. В. Слюниным в 1895 г., а затем развивалась в XX в. [13, с. 242]. Морские котики, действительно, как показали позднейшие исследования, зимуют в открытом море, а значит, миф об островах южнее Алеутской гряды стал считаться окончательно развеянным лишь к началу XX в.

Таким образом, несмотря на рациональный подход к изучению природных особенностей Алеутских островов, И. Вениаминов за годы жизни в Русской Америке прочно впитал в себя убеждение рядовых промышленников о существовании островов к югу от Алеутского архипелага. Вместе с тем, он не мог игнорировать факт их безуспешных поисков, поэтому в своей работе выстроил систему доводов — как подтверждающих их существование, так и прямо противоположных. На первые повлияли сведения о миграции морских котиков, полученные от местных жителей, и собственные наблюдения за морскими млекопитающими. Кроме того, Вениаминов пользовался трудами мореплавателей Ф. П. Литке и В. Н. Берха, откуда почерпнул сведения о плавании судна «Зосима и Савватий», и сведениями о поисках, предпринятых по инициативе А. А. Баранова.

Следует также подчеркнуть, что, размышляя над физиологией морских котиков и предполагая у них возможность зимовать в открытом море, Вениаминов, по сути, совершает научное открытие, которое в дальнейшем найдет полное подтверждение.

Литература

1. Коноплев, В. А. Эльдorado Русской Америки: поиски пушных богатств к югу от Алеутского архипелага (1741–1840) [Электронный ресурс] // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5. С. 24–33 URL: http://www.hses-online.ru/2012/05/07_00_03/03.pdf (дата обращения 06.12.2015).
2. Берх, В. Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или Подвиги российского купечества. С присовокуплением исторического известия о меховой торговле. СПб. : В типографии Н. Греча, 1823. 169, [3] с.
3. Литке, Ф. П. Путешествие вокруг света, совершенное по повелению императора Николая I на военном шлюпе «Сенявин» в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах. СПб. : Тип. III отделения собственной Е. И. В. канцелярии. 1834. Ч. 1. 356 с.
4. Постников, А. В. Русская Америка в географических описаниях и на картах. 1741–1867. СПб., 2000. 470 с.
5. Иннокентий (Попов-Вениаминов, Иван Евсеевич; митр. Московский и Коломенский; 1797–1879). Записки об островах Уналашкинского отдела, составленные И. Вениаминовым. СПб. : изданием Рос.-амер. компании, 1840. Ч. 1–3.
6. Святитель Иннокентий Московский, просветитель Америки и Сибири. Собрание сочинений и писем : в 7 т. М. : Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2015. Т. 7: Архив Аляскинской епархии. Библиотека Конгресса США (1824–1865); Путевые журналы (1823–1867); История репрессий и реабилитации членов семьи Вениаминовых (1930–1989). 848 с.
7. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века. М. : Наука, 1989. 399 с.
8. Давыдов, Г. И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова. СПб. : Морская тип. 1810 Ч. 1. 287 с.
9. Кошеваров, А. Плавание судна «Зосима и Савватий» 1797 года // Записки Гидрографического департамента. 1850. Ч. 8. С. 556–562.
10. Епатко, А. Ю. Шхуна «Зосима и Савватий» близ Гавайских островов // Гангут. 2011. № 62. С. 83–94.
11. Лисянский, Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803–1806 гг. М. : ОГИЗ, 1947. 271 с.
12. Загоскин, Л. А. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. М. : Гос. изд-во географ. лит-ры, 1956. 454 с.
13. Кузин, А. Е. Северный морской котик. М. : Совет по морским млекопитающим, 1999. 395 с.

14. Кук Дж. Третье плавание капитана Джеймса Кука. Плавание в Тихом океане 1776–1780. М.: Мысль. 1971. С. 255; Cook J. The Three Voyages of captain James Cook Round the World. Vol. 6. London.; printed for Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown. 1821. P. 176–177.

15. Головин В. М. Кругосветное путешествие, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головинным. М.: Мысль. 1965. С. 188

16. Коцебу О. Е. Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. М.: Наука. 1987. С. 309.

УДК 281.93+908(571.53)

С. В. Мельникова, Т. А. Крючкова*

ОРГАНИЗАЦИЯ ЦЕРКОВНО-КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАК ПРОГРАММНАЯ ЗАДАЧА «ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ИРКУТСКОМ ИЗДАНИИ**

В статье дается анализ типовой программы «Епархиальных ведомостей» и ее интерпретации в программных заявлениях редакторов иркутского издания в аспекте организации историко-

---

* Мельникова Софья Владимировна, канд. филол. наук, ст. научный сотрудник Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского, Иркутск.

Melnikova Sofya Vladimirovna, PhD in Philology, senior researcher of Irkutsk Regional State Universal Scientific Library of Molchanov-Sibirskii, Irkutsk.

E-mail: memuaristika@yandex.ru

Крючкова Тамара Александровна, канд. ист. наук, гл. специалист Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского, Иркутск.

Kruchkova Tamara A., PhD in History, chief expert of Irkutsk Regional State Universal Scientific Library of Molchanov-Sibirskii, Irkutsk.

E-mail: kruchkova-tamara@yandex.ru

** Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (отделение гуманитарных и общественных наук). Проект № 16-04-00434 «Православные духовные писатели Восточной Сибири XIX — начала XX в. Библиографический словарь».

краеведческих исследований. Церковная периодика, нацеленная на разработку форм и языка локального историописания, рассматривается как важный фактор организации научной и культурной коммуникации в провинциальной среде.

Ключевые слова: *«Иркутские епархиальные ведомости», Громов, Виноградов, Дроздов, церковное краеведение, духовные писатели.*

Sofya V. Melnikova, Tamara A. Kruchkova

ORGANIZATION OF CHURCH AND REGIONAL STUDIES AS A PROGRAM TASK OF DIOCESAN NEWS AND ITS INTERPRETATION IN THE IRKUTSK EDITION

The article analyzes the model program of the Diocesan News and its interpretation in the policy statements of the editors of the Irkutsk edition in terms of organization of local history studies. The Church periodicals, aimed at the development of forms and language local history writing, are regarded as an important factor in the organization of scientific and cultural communication in provincial environment.

Keywords: *Irkutsk Diocesan News, Gromov, Vinogradov, Drozdov, church local history, spiritual writers.*

К середине XIX в. церковно-историческая наука в России складывается как самостоятельная и разветвленная область знания, требующая организации в том числе и массовых региональных исследований историко-краеведческого характера. Безусловно, эта потребность была вызвана не только собственно научными, но и церковно-административными интересами в сфере епархиального управления. Сформулирован данный информационный запрос был в ряде синодальных инициатив и документов 1860-х гг., предписывающих ведение в епархиях церковно-приходских летописей (от 12 октября 1866 г., № 1881 [1, л. 283] и составление церковно-статистического и исторического описания епархий (от 12 декабря 1868 г.) [2, с. 57–58].

Встреченные на местах с известной долей опасений и даже скепсиса (например, в отношении летописей сомнения вызывал их «подцензурный» характер, скудость источников, малообразованность для такой работы священнослужителей, их загруженность другими обязанностями и проч. [3]), эти предложения, тем не менее, закладывали

основы не только церковного, но и в целом исторического краеведения или, в современной терминологии, «локального историописания».

Немаловажное значение в этом процессе имела региональная церковная периодика, активное и централизованное формирование которой также началось в 1860-е гг. В 1853 г. св. Иннокентием (И. А. Борисовым), архиеп. Херсонским и Таврическим была разработана концепция «Епархиальных ведомостей». Спустя шесть лет, в 1859 г., будучи утвержденной Синодом, данная концепция была предложена ко всеобщему рассмотрению и реализации. И уже 16 апреля 1860 г. в Ярославле, по инициативе архиеп. Нила (Исаковича Н. Ф.), бывшего архиеп. Иркутского и Нерчинского, в свет вышли первые «Ярославские епархиальные ведомости». К началу Первой мировой войны ведомости издавались в 63 епархиях Российской Православной Церкви и полностью прекратили существование только к 1922 г., чтобы начать свое возрождение уже в 90-е гг. XX в.

Прототипом для «Епархиальных ведомостей» послужило другое официальное издание — «Губернские ведомости» (выходили с 1838 г.). Церковной газетой была воспринята важнейшая структурно-семантическая особенность ведомостей — наличие двух отделов, официального и неофициального. Первый обеспечивал информационную поддержку губернской и епархиальной жизни в русле государственной и церковной политики. Второй имел научно-публицистическую и просветительскую направленность и формировал картину местной жизни в ее историческом, статистическом, географическом, этнографическом, мемориально-биографическом, литературном и прочих аспектах.

Типовая программа для неофициальной части «Епархиальных ведомостей» состояла из восьми пунктов, непосредственное отношение к организации церковно-краеведческих исследований имел третий пункт, рекомендовавший размещать в газете «описания по части всего, что в епархии есть особенно примечательного касательно исторических событий и древнейших церковных, церквей, святых икон, утвари, крестных ходов и т. д.» [4, с. 2–3].

В части оригинальных материалов (тех, которые не являлись простой перепечаткой из центральных газет и журналов) «Епархиальные ведомости» наполнялись преимущественно за счет сочинений местных авторов. Таким образом, газетой предоставлялась не только готовая информация историко-краеведческого характера, но и создавались условия для самостоятельного научного и литературного творчества провинциальной интеллигенции. Это было тем более важно потому, что долгое время в большинстве регионов официальные

губернское и епархиальное издания оставались единственными органами местной печати.

По сути, именно «Епархиальные ведомости» аккумулировали и делали достоянием широкой общественности, не только церковной, но и светской, различные формы историко-краеведческого дискурса. На их страницах публиковались отрывки историко-статистических описаний и летописей приходов и храмов. Публикуя документы из местных церковных архивов, «Епархиальные ведомости» выполняли археографическую и палеографическую функции. Материалы публицистического характера могли быть представлены хроникой приходской жизни. Значительную часть публикаций составляли сочинения мемуарного характера: миссионерские путевые заметки, биографии и воспоминания о представителях местного духовенства, автобиографические записки, дневники.

Концептуальное осмысление роли «Епархиальных ведомостей» «в формировании массового исторического сознания православного населения Российской империи» дается в статье доктора ист. наук М. П. Мохначевой «Сельский мир сквозь призму “Епархиальных ведомостей”» [5]. Отталкиваясь от собственных наблюдений, а также ряда мнений современных историков [6, 7, 8], Мохначева определяет «Ведомости» и их программу историко-краеведческих исследований как культурную «норму» историописания региональной истории и исторически сложившуюся форму «местографии» и предлагает рассматривать газету «в качестве одной из главных составляющих провинциальной историографии местной истории...» [5].

Следует добавить, что «Епархиальные ведомости» имели не только историческое, но и литературно-художественное значение: исторические материалы дополнялись богословскими и агиографическими сочинениями, мемуарами, духовной поэзией.

На территории Сибири первые «Епархиальные ведомости» стали выходить в 1863 г. в Иркутске. Первым редактором «Иркутских епархиальных ведомостей» (далее — «ИЕВ»), возглавлявшим издание в течение восьми лет, стал *Прокотий Васильевич Громов* (1801–1880), протоиерей, выпускник МДА, на тот момент настоятель Иркутского Богоявленского кафедрального собора. Громов был назначен редактором 20 июня 1862 г., а уже 10 августа 1862 г. представил на рассмотрение архиеп. Парфения программу будущего издания. В соответствии с ней «Прибавления» к газете должны были содержать:

«1) Наставления, как-то: изъяснение учения веры; объяснение церковных обрядов и установлений; слова, речи, духовные стихотворения и другие статьи духовно-нравственного содержания, как

изготавливаемые духовенством Иркутской епархии, так и заимствуемые из других источников.

2) Историко-статистические сведения об Иркутской епархии.

3) Грамоты, акты и другие замечательные документы, касающиеся церкви, монастырей и духовенства Иркутской епархии.

4) Описание нравов, религиозных обычаев, суеверий и предрассудков в Иркутской епархии.

5) Замечательные случаи в духовно-нравственной жизни, наблюдаемые в Иркутской епархии, а также перепечатываемые из других журналов» [9, с. 271–272].

В этих пяти пунктах был задан, по сути, весь спектр возможных форм и уровней краеведческого описания: от официальной статистики до того, что в современной науке принято называть «историей повседневности».

Громов был не только редактором, но и ведущим автором «ИЕВ». Так, с 1863 по 1865 г. на страницах газеты вышла серия его очерков о святителе Иннокентии Иркутском — первом Иркутском епископе. Собранные воедино, впоследствии они составили книгу «Начало христианства в Иркутске и святой Иннокентий, первый епископ Иркутский. Его служение, управление, кончина, чудеса и прославление» (Иркутск, 1868).

Заданный Громовым формат исторического и краеведческого описания будет поддержан его преемниками на посту редактора и транслирован корреспондентами газеты. В частности, интерес к личности и деяниям первого иркутского епископа Иннокентия станет центральным и для второго редактора «ИЕВ» (1871–1878) — *архимандрита Модеста (Стрельбицкого)*, в то время ректора Иркутской духовной семинарии, настоятеля Вознесенского мужского монастыря. Главная заслуга Стрельбицкого в истории сибирской науки — обнаружение и публикация рукописи проповедей святителя Иннокентия (Кульчицкого) (Иркутск, 1873). На страницах «ИЕВ» он также печатал материалы о третьем иркутском епископе — Софронии (Кристалевском).

Но если протоиерей Прокопий Громов и архимандрит Модест были своего рода учеными-одиночками, то третий (1877–1878) редактор «ИЕВ» — *архимандрит Мелетий (Михаил Кузьмич Якимов)*, в то время начальник Иркутской духовной миссии — написание истории сибирской церкви обозначил в своем программном заявлении как коллективный процесс и призвал к активному участию в нем местное духовенство. Объявляя о текущей издательской программе на 1878 г., он писал: «Любители духовного просвещения приглашаются к просвещенному участию в трудах исследования Сибирского края в

церковно-административном, историческом, этнографическом и других отношениях. Редакция с признательностью примет всякие материалы, собранные с ученой целью, хотя бы в необработанном виде, надеясь по компактности издания дать всему приличное место» [10]. Редакция, таким образом, брала на себя археографическую функцию научного редактирования и издания материалов.

Существенно обновленную и развернутую редакционную программу для «ИЕВ» предложил их шестой по счету редактор, возглавлявший газету с января 1888 г. по декабрь 1894 г. — известный иркутский историк и публицист, *протоиерей Афанасий Александрович Виноградов*, настоятель Иркутского кафедрального Богоявленского собора. В своей концепции он сохранил основной принцип — соединение исторических материалов (как дань традиции, заложенной первыми редакторами) с современной публицистикой: «... мы намерены возобновить в нашем журнале ряд статей, касающихся прошедших судеб Иркутской епархии, так много интересовавших читателей во времена первого редактора «Иркутских епархиальных ведомостей». Но, разумеется, главное наше внимание по-прежнему будет обращено на современные церковно-исторические события и явления, происходящие в Иркутской епархии. Следить неустанно за всем, что совершается в современной истории православной церкви в Иркутской епархии, а отчасти и во всей Восточной Сибири, мы считаем своей главной обязанностью» [11, с. 6].

Одной из основных задач редакции было увеличение круга корреспондентов из среды местного духовенства, которым предъявлялся довольно четко сформулированный информационный запрос, ориентировавший их на сбор краеведческих и этнографических сведений: «... Мы желаем получать от сельских священников описание нравов народа, его обычаев, его поверий и даже суеверий, идущих из седой старины, или заимствованных им от инородцев, насколько все это имеет отношение к христианству» [11, с. 6].

Виноградовым была разработана концепция, в базовых своих установках совпадающая с современным «новым краеведением»: «Мы желаем иметь от них сведения о церковно-приходских школах, не одни официальные, но более подробные и обстоятельные, иллюстрированные теми мелкими, по-видимому, фактами и явлениями, которые одни могут сообщить подобного рода сведения — жизнь и занимательность... какой богатый материал все это представляет для сотрудничества в «Епархиальных ведомостях», если взяться за него умело, — если с умом обставить данное явление местными бытовыми подробностями!» [11, с. 6]. Как видно из этого обращения, основную цель издания его

редактор видел в формировании местографии, имеющей в своей основе церковную историю, но не исчерпывающуюся ее границами.

При этом редакция «ИЕВ» не просто задавала направление исторических разысканий духовенства, но и пыталась организовать его работу с методической точки зрения, советуя «завести дневник и заносить в него всякий мелочный, но выдающийся факт, будет ли то разговор с какой-либо суеверной старухой, или любомудрым благочестивым старцем, встреча с поразительно нравственно распушенностью, или проявлением высшего христианского благочестия, оригинальная беседа о церковно-приходской школе с лицами, сочувствующими ей, или враждебными и индифферентными и т. п. ...» [11, с. 7].

Еще более конкретные и развернутые требования и рекомендации к духовенству содержала программа *протоиерея Иоанна Никандровича Дроздова*, кандидата богословия, преподавателя Иркутской духовной семинарии, возглавлявшего редакцию с января 1904 по май 1916 г.

Сам о. Иоанн Дроздов обстоятельно занимался церковной историей. В его книге «Святитель Иннокентий I-й, епископ Иркутский» (Иркутск, 1903) приводятся сведения о жизни Иннокентия Кульчицкого, не вошедшие в книгу П. Громова. В «Прибавлениях к ИЕВ» им были опубликованы «Краткий исторический очерк Иркутской миссии и ее современное положение» (1910), «Высокопреосвященный Серафим, архиепископ Иркутский и Верхотурский» (1911) и другие статьи.

Программа, предложенная Дроздовым и обращенная главным образом к миссионерам, как можно предположить, в большой степени отражала его собственные научные интересы, в ней проступает внутренний план большой историко-этнографической работы. Помимо стандартного историко-статистического описания храмов и миссионерских станов, миссионерам предлагалось ответить на ряд религиозно-этнографических вопросов: «Ввиду того, что дарованной высочайшими манифестами 17 апреля и 17 октября 1905 г. веротерпимостью, по-видимому, хотя и широко воспользоваться ламы, очень важно было бы иметь основанные на фактах сведения по следующим вопросам: 1) Насколько сознательно буряты перечисляются в ламайство? 2) Какими средствами для пропаганды пользуются ламы? 3) Знакомы ли буряты с теоретическим учением ламства? 4) В чем выражается приверженность бурят к ламайству? 5) Какой успех имеют у бурят ламайские школы? 6) Какой успех имеют у бурят ламы-лекаря?» [12, с. 643].

Шаманизм, не составляющий такой серьезной конкуренции христианским миссионерам, находился больше в сфере этнографического интереса: «1) Какие эжины и заяны считаются

местными покровителями? 2) Известны ли бурятам тэнгрины? сказания о них. 3) Сказания о «кузнецах»: а) белые кузнецы, в) черные кузнецы, с) легенды о их происхождении, д) родословные. 4) Сказания о шутхурах, бохолдойях, анахайях, ада и проч. духах низш. порядка: а) Связь их с душами умерших. 5) Идеи загробной жизни и проч.» [12, с. 644].

Редакция ориентировала священнослужителей не только на работу с архивными источниками и церковной документацией, но и на полевые фольклорные разыскания. Таким образом, «ИЕВ» выступали уже в полной мере в формате научно-методического издания. Программа, предложенная Дроздовым, подтверждает мнение, что в XIX в. именно периодика, гражданская и церковная, «на региональном уровне была средством нормативной коммуникации научных разработок» [7, с. 153].

Приведенные выдержки из программных заявлений редакторов «ИЕВ» и обзор их собственных сочинений позволяют сделать выводы: 1) о направлениях поддерживаемых газетой научных исследований, основные среди которых: начальный период восточно-сибирской церковной истории, развитие Иркутска как духовного и сакрального центра (фигуры местных святых), история духовных миссий и храмов Иркутской епархии, этнография и религия бурят и иных местных народностей; 2) о довольно высокой научной активности самих редакторов и их попытках методического руководства исследованиями на местах; 3) о постепенном расширении и конкретизации проводимых и организуемых «ИЕВ» исследований; 4) об ориентированности на местную проблематику и отображение истории повседневности, изображение частной, бытовой жизни приходов в контексте локальной сибирской истории. Направленное на воссоздание такой истории краеведение называют «новым», тем самым определяя его место в авангарде исторической науки, но по сути своей подобная методология разрабатывалась уже в дореволюционной региональной периодике и, учитывая ее распространенность («Епархиальные ведомости» были обязательны к подписке в каждом приходе), транслировалась в масштабах всей страны.

Проблема «ИЕВ» как научно-исторического издания, значимого для культурного развития региона, в целом уже поднималась в местной историографии [13; 14], однако еще далеко не исчерпала себя. Перспективы дальнейшего развития темы задаются вопросами о том, как предложенные программы историко-краеведческих исследований были восприняты местным духовенством, насколько полное отражение нашли в его публикациях и какую роль исследования, организованные «ИЕВ», сыграли в общем развитии региональной науки и культуры.

Литература и источники

1. РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 164-6.
2. Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода 1867–1895 гг. / собр. и изд. А. Завьялов. СПб. : Типо-литография И. А. Фролова, 1896. 282 с.
3. Добренький, С. И. Церковно-приходские летописи как исторический источник [Электронный ресурс] : дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 230 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/tserkovno-prihodskie-letopisi-kak-istoricheskii-istochnik-seredina-xix-nachalo-xx-v> (дата обращения: 12.07.2017).
4. Титов, А. А. Ярославские епархиальные «ведомости». Неофициальная часть. Список и указатель статей, помещенных в ведомостях за все время их существования. 1860–1892 гг. Сергиев Посад : 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1893. XVI, 203 с.
5. Мохначева, М. П. Сельский мир сквозь призму «Епархиальных ведомостей» [Электронный ресурс] // Новая локальная история : сб. науч. ст. / Ставропольский гос. ун-т, Российский гос. гум. ун-т. Ставрополь, 2009. С. 257–276. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/134/> (дата обращения: 17.07.2017).
6. Журавский, А. В. Современное церковное краеведение и его роль в воссоздании церковно-исторической науки [Электронный ресурс] : [доклад на секции «Краеведение» на IX Рождественских чтениях]. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=302308> (дата обращения: 17.07.2017).
7. Луман, Н. Реальность массмедиа / [пер. с нем. А. Ю. Антоновского]. М. : Праксис, 2005. 256 с. (Серия «Образ общества»).
8. Чижов, Р. В. Роль периодической печати в консолидации регионального культурного сообщества (на примере деятельности «Ярославских епархиальных ведомостей» 1860–1917 гг.) : дис. ... канд. культурологии. М., 2006. 226 с.
9. Хрусталеv, Д. М. Основание «Иркутских епархиальных ведомостей» // Прибавления к Иркут. епарх. вед. 1898. № 10. С. 270–277.
10. Объявление от редакции // Прибавления к Иркут. епарх. вед. 1877. № 43. С. 559–560.
11. От новой редакции «Иркутских епархиальных ведомостей» // Прибавления к Иркут. епарх. вед. 1888. № 1. С. 5–7.
12. От редакции // Прибавления к Иркут. епарх. вед. 1906. № 24. С. 643–645.

13. Акулич, О. А. «Иркутские епархиальные ведомости» как краеведческий источник // Четвертые Романовские чтения : науч.-практ. конф. Иркутск, окт. 2007. Иркутск : ИГУ, 2008. С. 25–30.

14. Молокова, Л. В. Значение церковной периодики в общественной жизни регионов, вторая половина XIX – начало XX века (На примере «Иркутских епархиальных ведомостей») [Электронный ресурс] // Омский научный вестник. 2007. № 3 (55). С. 94. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-tserkovnoy-periodiki-v-obschestvennoy-zhizni-regionov-vtoraya-polovina-hh-veka-na-primere-irkutskih-eparhialnyh#ixzz4ZRi33tJ9> (дата обращения: 17.07.2017).

УДК 281.93+908(571.56)

Т. А. Максимова, С. В. Мельникова*

ПРАВОСЛАВНАЯ КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ШКОЛЬНИКОВ «ПО ПУТИ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ЕВГЕНИЯ (ЗЕРНОВА) НА ПРИЛЕНСКОЙ ЗЕМЛЕ»

В статье рассказывается о совместном опыте организации православным приходом храма во имя святителя Иннокентия Московского в г. Ленске Республики Саха (Якутия) и районными органами образования краеведческой экспедиции школьников. Маршрут экспедиции проходит по следам поездки по Киренскому уезду летом 1913 г. епископа Евгения (Зернова), священномученика. Цель экспедиции — историческая реконструкция православных храмов Приленья. Проект

---

* Максимова Татьяна Александровна, учитель русского языка и литературы СОШ №1, ведущий специалист методического объединения «Ленский район» районного управления образования, г. Ленск.

Maksimova Tatyana Aleksandrovna, teacher of Russian Language and Literature of School № 1, leading expert of the methodical alliance of «Lensky District», Regional department of education, Lensk.

E-mail: 10.03@inbox.ru

Мельникова Софья Владимировна, канд. филол. наук, ст. научный сотрудник Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского, Иркутск.

Melnikova Sofya Vladimirovna, PhD in Philology, senior researcher of Irkutsk Regional State Universal Scientific Library of Molchanov-Sibirskii, Irkutsk.

успешно реализуется в течение нескольких лет и может рассматриваться как новая и эффективная форма духовно-нравственного воспитания молодежи.

Ключевые слова: школьная краеведческая экспедиция, р. Лена, православные храмы, епископ Евгений (Зернов), историческая реконструкция, духовно-нравственное воспитание.

T. A. Maksimova, S. V. Melnikova

ORTHODOX LOCAL HISTORY EXPEDITION OF SCHOOL STUDENTS «ON THE WAY OF THE HIEROMARTYR EVGENY (ZERNOV) ON THE PRILENSKY EARTH»

The article relates the joint experience of the organization by orthodox parish of the temple of the St. Innocent Moskovsky of Lensk (Sakha (Yakutia) Republic) and regional educational bodies of a school local history expedition. The route of the expedition traces the trip around the Kirensky County in the summer of 1913 of the bishop Evgeny (Zernov), the holy martyr. The expedition purpose is historical reconstruction of Orthodox churches of Prilenya. The project has been successfully functioning for several years and can be considered as a new and effective form of spiritual and moral education of pupils.

Keywords: *school local history expedition, Lena River, Orthodox churches, bishop Evgeny (Zernov), historical reconstruction, spiritual and moral education.*

Летом 1913 г. викарный епископ Евгений (Зернов) совершил поездку по вверенному его управлению Киренскому уезду, входящему тогда в состав Иркутской губернии (с 1922 — в составе Якутии). Целью был обзор православных храмов и приходов Приленья, совершение церковных служб и миссионерская проповедь среди местного населения. Сопровождавший епископа священник Н. А. Пономарев, настоятель Крестовоздвиженского храма г. Иркутска составил подробный дневник этой поездки, который опубликовала православная газета «Иркутские епархиальные ведомости» в нескольких номерах за 1913–1914 гг. В 1937 г. епископа Евгения расстреляли по обвинению в антисоветской деятельности. В 2000-м Русская Православная Церковь

канонизировала его как священномученика. В 2007 г. сотрудниками Государственного исторического архива и архитектурно-этнографического музея «Тальцы» было подготовлено переиздание дневника Пономарева [1]. В книгу вошел и фотоальбом Пономарева, который с 1965 г. хранился в фондах Государственного архива Иркутской области. Это 136 черно-белых фотографий приленских церквей начала XX в., а также снимки епископа Евгения (Зернова). Фотоальбом и дневник Пономарева — уникальные исторические источники, запечатлевшие образ священномученика Евгения (Зернова) и десятков православных храмов Приленья (большинство из них не сохранилось).

Судьба книги оказалась необычной: она получила продолжение в школьной историко-краеведческой экспедиции. Идея провести школьников по пути священномученика Евгения (Зернова) по р. Лене, которым он следовал более ста лет назад, зародилась у настоятеля храма святителя Иннокентия Московского, ныне благочинного Ленского округа Якутской епархии протоиерея Анатолия Астафьева. Районные управления образования и культуры одобрили предложение. Поддержали отца Анатолия учитель-словесник Татьяна Александровна Максимова, одна из авторов настоящей статьи, и Елена Платонова, заместитель директора Центра православной культуры им. святителя Иннокентия Московского. В экспедицию отправились учащиеся 8–9 классов школ Ленского района. Хотя проект инициирован церковью, он не имеет целью воцерковление детей. Как говорит отец Анатолий, «нельзя привести в храм насильно, но можно воспитать гармонически развитую, духовную личность, которая сама найдет дорогу к храму».

Проект, стартовавший в 2011 г., в 2015-м получил поддержку Международного открытого грантового конкурса «Православная инициатива». За шесть лет состоялось восемь экспедиций по р. Лене. Их задача — вовлечь детей в научно-исследовательскую деятельность по изучению и популяризации историко-культурного наследия родного края, неразрывно связанного с православием, и раскрыть на примере выдающейся личности епископа Евгения (Зернова) смысл духовного подвига.

Маршрут экспедиций (*Рис. 1*) был составлен на основе книги Пономарева.

Маршрут экспедиции по книге Н. А. Пономарева

п/п	Населенный пункт	Храм	Время	Примечание
1	Усть-Кутский солеваренный завод	Храм во имя праведного Прокопия	20 июня	Не доезжая 5 верст* до Усть-Куты
2	с.Усть-Кутское	Храм во имя Образа Нерукотворного Спаса, с 1869 г.	20 июня, днём	
3	с.Балахинское	Храм в честь пророка Или	днём	
4	с.Якурим	Храм во имя Пресвятой Богородицы	в 22.00 прибыли	
5	с.Подымахинское	Храм во имя Казанской Божией Матери	21 июня утром приплыли, отплыли в два часа дня	
6	с.Кокуй	Храм во имя св.Николая, новый		18 вёрст от Подымахинского,
7	с.Таюра	храм строится	проехали мимо	
8	д.Суховская		прибыли в 6 ч. вечера	
9	с.Назарово, Марковский приход	Храм во имя св.Архистратига Михаила		остались ночевать, 22 июня утром школу посетил
10	д.Верхне-Марковская	часовня	22 июня в 13.00 прибыли	
11	с.Марково	Храм во имя Живоначальной Троицы	отплыли 23 июня в 15.00	через три версты от д.Верхне-Марковской
12	с.Улькан	Введенский храм, с 1898 г.	прибыли в 18.00	22 версты от с.Марково
13	с.Красноярово	храм сгорел в 1911 г., есть старый молитвенный дом св.Иннокентия	через 1 час от с.Улькан	последнее село Марковского прихода
14	с.Потаповское, Макаровский приход	храм в честь образа Казанской Божией Матери	прибыли в 22.00	
15	с.Макаровское	храм во имя пророка Или, построен в 1901 г.	прибыли 24 июня в 10.00, отплыли в 14.00	

Рис. 1

К настоящему времени обследовано среднее Приленье (от Усть-Кута до Ленска и далее до Русской Жербы) и восстановлена история редко упоминаемых в краеведческой литературе селений Ленского района: Русская Жерба, Большие и Малые Коньки, Хамра, Терешкино; введены в научный оборот новые сведения. Отчет о прохождении маршрута представлен в виде таблицы (*Рис. 2*).

Отчёт о прохождении маршрута экспедиции							
Ночь	п/п	Населённый пункт	Есть/нет	Наличие храма, в т.ч. в начале XX в.	Новое название	км	Кол-во людей
8-9		Иркутск		+	Иркутск		125
10-11-12 утром отплыли	1	с.Усть-Кутское	Есть	+ Посетили Свято-Никольский, видели Прокопьевский, Успенский, Спасский	Усть-Кут	500	22
	2	с.Балахниное	Нет	+	Балахня	510	
Остановка утром		с.Якурим	Нет	+	Якурим	520	
		с.Подымахиновское	Есть	+ Нашли место	Подымахино	550	6
Остановка вечером	3	с.Кокуй	Нет		Кокуй	570	
		с.Таюра	Есть	+ Нашли место	Таюра	580 (85)	5
Мимо проплыли	4	д.Суховская	Нет		Суховская	*593	
		с.Назарово	Нет	+ Сгорел	Назаровское	620	
12-13 утром		д.Верхне-Марковская	Есть	+ Нашли место	Верхнемарково	*642	7
После обеда	5	с.Марково	Есть	+ Деревянный, заброшенный	Марково	*645	8
Остановка на рейде 13-14	6	с.Улькан	Есть	+ Сгорел. Нашли место	Улькан	670	2
Остановка 14-го	7	с.Красноярво	Есть	+ Используется под клуб	Красноярво	690	5
Мимо проплыли	8	с.Поталовское		+	Поталово	703	
Остановка 14-15		с.Макаровское	Есть	+ Деревянный, заброшенный	Макарово	729	2

Рис. 2

Планируется исследование Верхоленья (от устья Лены до Усть-Кута) и нижней Лены.

Основная форма исследовательской работы — историческая реконструкция, под которой понимается описание хозяйственной, культурной и духовной жизни поселения со времени его возникновения до наших дней. Естественно, что основное внимание уделяется храму — центру любого дореволюционного православного села. Удалось описать современное состояние храмов в 27 селениях и восстановить их историю. Собранные информация дополняет известную книгу И. В. Калининой «Православные храмы Иркутской епархии. XVIII — начало XX века» [2], хронологические рамки которой ограничены периодом 1980-х гг.

Исследовательская работа школьников строится на основе осознанной методологии. Применяются разнообразные методы полевых исследований (записи, замеры, эскизы); метод социологического опроса (в среднем за экспедицию опрашивают 60–80 человек — местных старожилов и краеведов); сравнительно-исторический метод (анализ архивных документов и иных типов исторических источников, в том числе обнаруженных в ходе экспедиций памятников материальной культуры).

По окончании полевых исследований школьники приступают к обработке и систематизации собранного материала, дополняют его

архивными документами, обращаются к специальной литературе, то есть вовлекаются в научно-исследовательскую краеведческую деятельность. И это не «игра в краеведение», поскольку некоторые сведения о приленских деревнях и храмах без этих экспедиций, возможно, были бы утрачены навсегда.

Яркой формой презентации результатов исследования, наглядно демонстрирующей связь времен, можно считать сравнительную таблицу, в которой описание храмов из дневника православного священника начала XX в. и сделанные им фотографии располагаются рядом с описанием и фотографиями, принадлежащими современным школьникам (Рис. 3, 4).

Храмы среднего Приленья. 1913-2016 гг.

 <p style="text-align: center;">с.Усть-Кутское Усть-Кутский соляной завод. Обширный и благолепный припешной храм во имя праведного Прокопия.</p>	<p style="text-align: center;">г.Усть-Кут Здесь сейчас курорт «Усть-Кут» (грязелечебница). На месте храма во имя праведного Прокопия Устюжского стоит котельная. Недалеко от котельной строится новый Прокопьевский храм.</p>
 <p style="text-align: center;">с.Усть-Кутское Храм во имя Образа Нерукотворенного Спаса (Спасский) существует с 1869 года. Здание требует замены: полы сгнили, крыльцо покосилось, обстановка убогая. Молящихся было более 300 чел.</p>	<p style="text-align: center;">г.Усть-Кут Самый первый храм в XVII веке построили казаки. Он сгорел. Спасский храм существовал до 1936-37 года. Деревянный. Закрыт до революции. «Епархиальным начальством было сделано предупреждение о закрытии прихода, если прихожане не будут выполнять своих обязанностей в отношении храма...», – так и произошло. На месте храма осталась часовня. Сейчас на территории бывшего храма заканчивается строительство храма Святого Николая Чудотворца с приделом пророка Илии.</p>
<p style="text-align: center;">с.Балахнинское Храм в честь пророка Илии.</p>	<p style="text-align: center;">г.Усть-Кут Сейчас с.Балахнинское – это часть города. Храма нет. «В 1921 г. церковь закрыли, здание переоборудовали под склад зерна» [4].</p>
<p style="text-align: center;">с.Якурим Приличнейший припешной храм во имя Пресвятой Богородицы. В храме собралось человек 60.</p>	<p style="text-align: center;">г.Усть-Кут Это село сейчас тоже в черте города, где расположена ОИК-5 (исправительная колония), на территории которой стоит храм Пресвятой Богородицы Споручницы грешных.</p>

Рис. 3

с.Марково

Храм во имя Живоначальной Троицы красиво стоит на берегу Лены.
Здание светлое, просторное.
Старый молитвенный дом в церковной ограде.
Прихожан до 4000 крестьян.

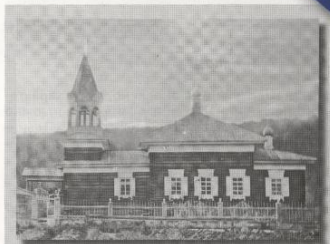
с.Марково

Храм сохранился до наших дней.
Внутри всё разрушено, пол сорван, стены ободраны до штукатурной драпки, потолочные балки рухнули, на стене в алтаре прилеплена бумажная иконка Живоначальной Троицы. Окна пусты, без стекол, забиты досками. Колокольня отсутствует. Колокол увезли в 60-70 годах.

В здании храма был клуб, зернохранилище.

Старого молитвенного дома нет, определен по фотографии Н. А. Пономарева, где он стоял, находим место, где он располагался – теперь здесь покосившийся дом, неужоненные хозяйственные постройки, улица Партизанская, дом №71.

1913 2016

с.Улькан

Приписной Введенский храм. Он построен в 1898 г. при деятельном участии крестьянки Агафьи Арбатской.

с.Улькан

Местность разделена на Верхний Улькан (старый) и Нижний Улькан. Разделяет эти части поселения река Улькан.

Верхний Улькан сгорел от лесного пожара в 2008 году. Там же стоял и храм, он сгорел вместе с последними старыми избами. До пожара в нём не было окон и дверей, стоял только сруб, полов не было. До пожара выглядел внешне, как на фотографии Н. А. Пономарева. «Однопрестольную церковь освятили 14 ноября 1898

года во имя Введения во Храм Пресвятой Богородицы и приписали к Марковскому приходу». (4)
Храм располагался от берега Лены примерно в ста метрах, от реки Улькан – 200 метров. От верхней створы – 7 метров, от нижней створы на юг – 12 метров. В 20 метрах от храма – обгоревший фундамент церковной школы. Здание было разрушено раньше, до пожара. В 2000 году сруб с крышей стоял, колокольни не было, сруб был не гнилой.

Рис. 4

Результаты экспедиций публикуются в специальном краеведческом сборнике «Возрождение», издаваемом ленским Центром православной культуры (в 2016 г. вышел уже пятый выпуск). Также все собранные данные должны найти отражение в создаваемой интерактивной карте «Православные храмы Приленья». Предполагается, что этот ресурс будет размещен в свободном доступе в сети Интернет. Кроме этого, в планах создание школьного музея, в перспективе — малого историко-краеведческого научного центра.

Кроме путешествия по Лене, в программу экспедиций вошла поездка в Иркутск с посещением архитектурно-этнографического музея «Тальцы», Иркутского областного краеведческого музея, Иркутской областной научной библиотеки. Ребята побывали также в музеях и библиотеках приленских городов и поселков, таких как Усть-Кут и Витим. Все это позволило расширить образовательные рамки проекта: школьники получили доступ к архивным документам и научной литературе, встретились со специалистами-краеведами, познакомились с редкими музейными экспонатами.

В формате школьной краеведческой экспедиции, таким образом, соединились духовное воспитание, научно-исследовательская работа, а также игра и отдых, точнее, осмысленное и наполненное трудностями и приключениями времяпрепровождение. Естественно, что школьников готовили к экспедиции: ее участниками они стали в результате конкурсного отбора на школьных научных конференциях. Была и подготовительная психологическая работа с ребятами, тренинги по формированию команды.

Очевидно, что опыт такой экспедиции как одной из эффективных форм организации научно-исследовательской деятельности школьников и одновременно духовно-нравственного воспитания заслуживает самого пристального внимания специалистов — историков, краеведов, педагогов.

Однако если говорить об эмоциях, они были для детей и руководителей экспедиций не всегда однозначными. Больно видеть брошенные деревни, разрушенные и оскверненные храмы. «Места райские, а рая нет», как сказал о. Анатолий. Вспоминалась и другая известная цитата — «не стоит село без праведника». Нет села — нет жизни, если в нем нет праведника. Умерла деревня, потому что осквернили храм — ранили сердце народа, плюнули на духовные ценности, и не нужна стала родная земля... Да, земля райская, а рая нет!..

Остается надеяться на то, что предпринятые экспедиции не прошли бесследно для участвовавших в них четырнадцатилетних ребят, стали благодатной «почвой», на которой должно прорасти брошенное в нее «семя». Педагоги стремились направить школьников к зрелому анализу происходящих событий, сформировать у них осознанный подход к истории родного края. И были такие минуты, когда казалось, что действительно что-то происходит в детских душах. Ребята с восторгом узнавали типы построек, подобные увиденным ими в «Тальцах», стояли, потрясенные, в бывшем подвале НКВД, где происходили расстрелы в 1937 г., радовались восстановленным храмам, увлеченно расспрашивали людей, чья судьба их тронула. В полевых условиях проявлялись различные (не только положительные, но и отрицательные) качества, которые в итоге и определяют личность. Главное, была работа души, а значит и надежда на ее возрождение!

Литература

1. Пономарев Н. А. Поездка Преосвященного Епископа Евгения в Киренский уезд в июне – июле 1913 г. / публ. и авт. вступ. ст.: Т. А. Крючкова, А. И. Шинковой ; коммент. Т. А. Крючковой. Иркутск, 2007. 232 с.
2. Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии. XVIII – начало XX в. М. : Галарт, 2000.
3. Возрождение. Сборник материалов по организации духовно-нравственного воспитания детей и молодежи в Ленском районе. Выпуск 5. Ленск: Издат. отдел Центра православной культуры. 2016. 48 с.

УДК 329.78:908+281.93(7)

Е. В. Емельянова, Л. А. Глацкова, М. Е. Барсукова*

МОЛОДЕЖНЫЙ КУЛЬТУРНО- ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «ПО ПУТИ СЯТИТЕЛЯ ИННОКЕНТИЯ (ВЕНИАМИНОВА)» КЛУБА «ИРКУТСК — ФОРТ РОСС»

В статье рассказывается о деятельности общественной детско-молодежной организации «Краеведческий клуб “Иркутск — Форт Росс”» на примере пресс-тура (июль 2017 г.) по местам Русской

---

* Емельянова Елена Владимировна, вице-президент клуба «Иркутск – Форт Росс», ст. преподаватель Иркутского государственного университета.

Yemelyanova Elena Vladimirovna, vice-president of Irkutsk — Fort Ross Club, senior lecturer of the ISU.

E-mail: emely07@yandex.ru

Глацкова Лариса Анатольевна, вице-президент клуба «Иркутск – Форт Росс».

Glazkova Larisa Anatolyevna, vice-president of Irkutsk — Fort Ross Club.

E-mail: larisa.glackova@mail.ru

Барсукова Мария Евгеньевна, член совета клуба «Иркутск – Форт Росс», помощник депутата Иркутской городской думы.

Barsukova Maria E., member of the Council of Irkutsk – Fort Ross Club, assistant to the deputy of the City Duma.

E-mail: maria777-07@mail.ru

Америки, связанных с жизнью и деятельностью святителя Иннокентия (Вениаминова).

Ключевые слова: клуб «Иркутск — Форт Росс», краеведение, история Русской Америки, святитель Иннокентий (Вениаминов), народная дипломатия, выставка детских рисунков.

Elena V. Yemelyanova, Larisa A. Glazkova, Maria E. Barsukova

YOUTH CULTURAL AND EDUCATIONAL ETHNOGRAPHIC PROJECT «ON THE WAY OF THE ST. INNOCENT (VENIAMINOV)» OF IRKUTSK-FORT ROSS CLUB

The article describes the activities of the public children's and youth organization «Local Lore Club “Irkutsk — Fort Ross”» on the example of a press tour (July 2017) in places of Russian America related to the life and activities of St. Innocent (Veniaminov).

Keywords: *Irkutsk-Fort Ross Club, local history, history of Russian America, St. Innocent (Veniaminov), public diplomacy, an exhibition of children's drawings.*

Клуб «Иркутск — Форт Росс» создан в 1997 г. на базе Музея истории города Иркутска. Основное направление деятельности — краеведческая и просветительская работа по изучению истории земли Иркутской и ее роли в формировании Русской Америки, популяризация историко-культурного наследия и традиций русских поселений на северо-западном побережье Америки.

В течение двадцати лет клуб поддерживает тесные дружественные связи с национальным парком Ситки (Аляска) и интерпретаторами истории парка-музея «Форт Росс» (Калифорния). Это позволяет нашей детско-молодежной организации осуществлять политику народной дипломатии между двумя государствами на общественном уровне. Результатом стали несколько совместных международных проектов: телекоммуникационный археологический проект «Global Village: Fort Ross» (1997 г.) [1], международные лагеря для школьников на Байкале (1998 г.) и в Форте Росс (Калифорния, 1999 г.), совместные публикации и участие в международных научных конференциях по теме «Русская Америка» (Иркутск, 2007 г. [2], Аляска, 2010 г. [3]), организация выставок детских художественных работ в Форте Росс и Сан-Франциско (2010, 2012 гг.), телемост в режиме видеоконференции между Иркутском и Фэрбенксом (Аляска, США, 2011 г.) по теме «Изучение

проблем окружающей среды в школьном и вузовском обучении (экологические и исторические аспекты)». В июле 2012 г. прошли широкомасштабные общественные мероприятия, посвященные 200-летию парка-музея Форт Росс (Калифорния), в которых клуб «Иркутск — Форт Росс» принял непосредственное и самое активное участие.

На сегодняшний момент актуальны проблемы дефицита позитивного имиджа России в США, необходимости популяризации традиционных русских ценностей, отсутствия понимания значения русского культурного наследия в истории Америки. Как решение обозначенных проблем и возникла идея творческого молодежного культурно-просветительского этнографического проекта «По пути святителя Иннокентия (Вениаминова)». Цели проекта были сформулированы как развитие общественной культуры в России и Америке средствами публичной дипломатии, сохранение и распространение культурно-исторического наследия Русской Америки, популяризация православной культуры среди народностей Аляски и Калифорнии. Путем к их достижению было избрано обращение к жизненному пути и деятельности святителя Иннокентия (Вениаминова). Именно образ святителя, одинаково чтимый народами России и Америки, может способствовать формированию позитивного имиджа нашей страны в мире и пропаганде ее вклада в мировую цивилизацию, науку и культуру. Также ставилась задача по укреплению молодежного сотрудничества в деятельности по улучшению внешнеполитических взаимоотношений двух стран.

Мероприятия проекта включали в себя следующие разделы:

1. Просветительская деятельность по теме проекта среди молодежи города и сельской глубинки: публичные лекции и соцопросы.

2. Сбор этнографического материала по местам маршрутов святителя Иннокентия (Вениаминова) и членов морских экспедиций Русской Америки.

3. Пропаганда традиций школы российского изобразительного искусства посредством передвижной выставки детских художественных работ, призеров конкурса «Святитель Иннокентий (Вениаминов) — просветитель, ученый, гражданин» и проведение пленэров для школьников Ситки и участников фестиваля в Форте Росс.

4. Широкое освещение результатов экспедиции в СМИ и на научных конференциях, презентация идей проекта местному населению на всем пути следования.

Проект состоял из двух этапов: исследовательской экспедиции в Качугский район, на родину святителя Иннокентия (Вениаминова)

в августе 2016 г. [4] и пресс-тура по американскому континенту «Молодежь за сохранение культурно-исторического наследия жизненного пути святителя Иннокентия (Вениаминова)» в июле 2017 г.

Состоялись молодежные этнографические десанты в населенные пункты Качугского района: Ангу, Бугульдейку, Верхолениск, Качуг. Поисковая работа включала видеозапись и зарисовку старых построек и улиц, строящегося музейного комплекса в Анге, запись воспоминаний старожилов о быте и особенностях традиционных старинных промыслов местного населения.

В Качуге начинались исторические маршруты морских экспедиций в Русскую Америку. Участники нынешней экспедиции попытались обнаружить остатки старой судоверфи на реке Лене. К сожалению, время не пощадило эти строения, хотя, по словам старожилов, остались вбитые сваи бывшей торговой пристани из лиственницы, недалеко от нового навесного моста через Лену.

В первой экспедиции участвовали ребята из детской художественной школы № 4 г. Иркутска и воспитанники Православной женской гимназии.

Итогами начального этапа стали экскурсии и пленэры с зарисовками посещенных мест, просветительские лекции для местного населения и выставки рисунков участников экспедиции, пресс-конференция в редакции газеты «Комсомольская правда: Байкал», снятый фильм.

Опрос участников десанта и их положительные отклики показали, насколько важны подобные мероприятия для активизации исследовательской краеведческой работы молодежи. Именно эта поездка вдохновила членов клуба на разработку второго этапа масштабного проекта, связанного с дальнейшим изучением пути святителя Иннокентия (Вениаминова) на Аляске и в Калифорнии.

К сожалению, современная культурная общественность как в России, так и за рубежом, изучая историю освоения Русской Америки, деятельность Российско-американской компании, незаслуженно забывает о том, что именно старинный город Иркутск, столица Восточной Сибири, являлся основной базой для формирования морских промысловых экспедиций к берегам Русской Америки. Именно здесь заключались контракты между компаньонами и нанимались будущие участники промыслов, морские навигаторы для небезопасного путешествия. Поэтому одна из задач представленного проекта — это популяризация идеи о неочинимом вкладе иркутян в дело освоения северо-западной части Американского материка.

Пресс-тур начался с дипломатической миссии в Нью-Йорке, прошли встречи и презентации проекта «Клуб “Иркутск — Форт Росс”» в генконсульстве России. Встречи сопровождались фотосессией делегации на фоне символики нашего региона: флагов Иркутской области и г. Иркутска, флага России и клуба «Иркутск — Форт Росс».

Дух народной дипломатии — визитная карточка нашего клуба. Одной из эффективных форм такой дипломатии стала передвижная выставка художественных работ учащихся детской художественной школы № 4, сопровождавшая участников экспедиции на всем пути следования — на Ситке, в Сан-Франциско, в Форте Росс. Многие из авторов работ являются членами нашей детско-молодежной организации. Торжественное открытие выставки состоялось 24 июля в г. Ситка (Аляска, США) в Fine Art Camp — международном образовательном центре изобразительных искусств. Этот центр является творческой мастерской для художников и волонтеров из разных городов и штатов. Здесь проводятся мастер-классы известных художников. Преподаватели иркутской художественной школы также провели свой мастер-класс для учащихся Fine Art Camp по пленэрным зарисовкам видов бывшей столицы Русской Америки.

Гостями выставки детских работ по теме «Путь святителя Иннокентия (Вениаминова)» стали не только обычные жители Ситки, но и специалисты, от которых особенно приятно было получить положительную оценку экспозиции. В книге отзывов можно прочесть: «Я художник из Ситки, ...эта художественная выставка — просто созвездие работ! Прекрасное использование оттенков, передающих свечение. Невероятные работы! (Jake, Sitka)».

Помимо этого, отмечалось историческое содержание работ с жизнеописанием святителя Иннокентия (Вениаминова). Многие жители Аляски знают о нем как о выдающемся человеке, исследователе, труженике и миссионере, принесшем коренному народу свет Православия, грамоту и возможность получить образование, сохранив в то же время свою уникальную культуру. Как отмечено в записях, «это очень важно, что отражено в рисунках детей. Святитель Иннокентий имеет большое историческое значение для всей территории Аляски (Joni, Florida, USA)», «в честь этого великого человека будет названа одна из улиц Ситки, на которой находится Дом святителя (Bishop's House). Большое спасибо, что приехали к нам! (V. Revnickalung, Sitka)».

На следующий день в местной газете на первой полосе были опубликованы фотографии этого события.

В Ситке члены экспедиции встретились с представителями национального исторического парка и посетили Дом-музей святителя

Иннокентия (Вениаминова). «Мы очень рады продолжить нашу совместную работу с группами из России, — отметил начальник отдела ресурсов национального исторического парка Ситки Бриннен Картер, — важно развивать наши исторические связи с Сибирью и Россией, так как мы являемся единственным подразделением национальных парков, которое освещает колонизацию Аляски Россией и историческое присутствие России на северо-западном побережье Америки» [5].

После посещения Ситки экспедиция отправилась в Калифорнию: передвижная выставка детских рисунков была представлена участникам Фестиваля живой истории парка-музея Форт Росс и членам русской общины в Русском центре Сан-Франциско. Сама выставка, презентация проекта и мастер-класс по пленэрным зарисовкам были официально включены в программу фестиваля в Форте Росс. Руководители нашей делегации дали интервью представителю Нью-Йоркского радио. Отвечая на вопрос, что для нас означает «Иркутск — Форт Росс», мы говорим словами из песни о нашем клубном летнем лагере: «Это люди, что нас окружают, это люди, что нас понимают». Действительно, на всем нашем долгом пути (как мы посчитали, семь из восемнадцати дней путешествия ушло на перелеты и переезды!) к нам, русским, относились с уважением и пониманием. Мы очень благодарны всем, кто помог осуществить этот проект: Renova Fort Ross Foundation, Fort Ross Conservancy, Sitka National Historic Park, нашим соотечественникам за рубежом.

Проект показал, что отношения между странами начинаются с личного общения, основанного на взаимном изучении культуры и истории. «Русский след», оставленный сотни лет назад, до сих пор виден в культуре тех мест, которые мы посещали. Традиции русского гостеприимства, церемония чаепития, русские блюда (борщ, взвар и др.), доброе отношение к гостям, русские имена, русские слова: «спасибо», «пожалуйста», «на здоровье», «привет», «здравствуйте» — все это до сих пор живет в Русской Америке!

Полагаем, что просветительская деятельность нашего клуба не только укрепляет международные связи, но и расширяет кругозор у подрастающего поколения России, США, способствует развитию общественной культуры, патриотическому воспитанию, формированию позитивных жизненных ориентиров и духовно-нравственных основ у молодежи, чувства ответственности за сохранение и развитие российской государственности.

Литература

1. E. Breck Parkman. Send Me To Siberia! [Электронный ресурс] // Society for California Archaeology Newsletter. 2000. September. Volume 34, Number 3. P. 10–11. URL: [https://scahome.org/publications/newslettersPDFs/sca34\(3\).pdf](https://scahome.org/publications/newslettersPDFs/sca34(3).pdf)
2. Белгородская Л. В. Международная научная конференция «Русская Америка» // Отечественная история. 2008. № 2. С. 213–214.
3. О международной конференции «Русская Америка» в Ситке [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: http://www.mid.ru/foto_posledniye_dobavlenniye/-/asset_publisher/7gVir6Z7EIX8/content/id/238406
4. По пути Святителя Иннокентия Вениаминова [Электронный ресурс] // МБУК «Гуманитарный центр – библиотека имени семьи Полевых». URL: <http://hcenter-irk.info/news/po-puti-svyatitelya-innokentiya-veniaminova>
5. Daily Sitka Sntinel. 2017. July 24. № 142. P. 3.

**ПРОГРАММА
IV МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «СВЯТИТЕЛЬ ИННОКЕНТИЙ
(ВЕНИАМИНОВ) И НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА
В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА»**

8 сентября

5.00 – 20.00. ПАЛОМНИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА в с. Анга Качугского района. Освящение Свято-Иннокентьевского храма. Торжественное открытие духовно-просветительского центра имени святителя Иннокентия (Вениаминова).

9 сентября

10.00 – 10.15. ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

каб. 204

Приветствия

Стасюлевич Ольга Константиновна, министр культуры и архивов Иркутской области

Протоиерей Алексей Середин, настоятель Князе-Владимирского храма Иркутской епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)

Сулейманова Лариса Александровна, директор Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского

10.15 – 18.00. ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

каб. 204

Святитель Иннокентий (Вениаминов) как педагог и катехизатор

Протоиерей Борис Пивоваров, д-р богословия, председатель Отдела образования и просвещения Новосибирской митрополии, настоятель прихода Всех Святых в земле Русской просиявших, председатель попечительского совета Православной гимназии во имя Преподобного Сергия Радонежского, учитель истории, г. Новосибирск

Святитель Иннокентий (Вениаминов) и вопросы духовного образования в эпоху «великих реформ» (1860–1870-е гг.)

Курляндский Игорь Александрович, канд. ист. наук, ст. научный сотрудник Центра истории религии и Церкви Института российской истории РАН, г. Москва

«Да скажет Россия: надобно!»: к истории православной миссии в Северо-Тихоокеанском регионе

Смирнова Ирина Юрьевна, канд. ист. наук, ст. научный сотрудник Центра истории религии и Церкви Института российской истории РАН, г. Москва

13.00 – 14.00. ОБЕД

Инкорпорация Якутского края в российскую государственность: социальная и учебно-просветительская деятельность духовенства

Юрганова Инна Игоревна, канд. ист. наук, ст. научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

Святые миссионеры Забайкалья: подвиги и направления деятельности

Камедина Людмила Васильевна, д-р культурологии, профессор кафедры литературы Забайкальского государственного университета, г. Чита

Участие забайкальского духовенства в деятельности местных отделений Императорского Русского географического общества (конец XIX — начало XX в.)

Косых Владимир Иванович, канд. ист. наук, доцент кафедры истории Забайкальского государственного университета, г. Чита

Братство во имя святителя Иннокентия Иркутского и научное наследие М. В. Одинцова

Чернышова Надежда Константиновна, д-р ист. наук, гл. научный сотрудник лаборатории книговедения Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН, г. Новосибирск

16.00 – 16.30. ПРЕСС-ПОДХОД

16.00 – 16.30. КОФЕ-БРЕЙК

Образ святителя Иннокентия (Вениаминова) в изобразительном искусстве. 1841–2017 гг.

Полунина Надежда Михайловна, историк, научный сотрудник Государственного исторического музея, г. Москва

Путь святителя Иннокентия (Вениаминова) в творчестве иркутских художников. 1997–2017 гг.

Куклина Надежда Петровна, директор галереи современного искусства Дома художника Иркутского отделения Союза художников России, г. Иркутск

17.30 – 18.00. ПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЫСТАВОК

каб. 204

«Апостольские труды и подвиги святителя Иннокентия (Вениаминова). Посвящается 220-летию со дня рождения»: выставка исторического портрета и картин (в технике жикле) художника Филиппа Москвитина, г. Москва

«Герои Русской Америки. Скульптурная галерея Ильи Вьюева»: фотовыставка работ скульптора Ильи Вьюева (координатор выставки Липилина Инна Александровна), г. Москва

«Утраченные святые Иркутска. Путь к возрождению»: выставка документов Государственного архива Иркутской области

«Литература о святителе Иннокентии в редком фонде Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского»: книжно-журнальная выставка (*каб. 623*)

«По пути святителя Иннокентия»: выставка рисунков учеников Иркутской художественной школы (руководитель В. И. Черкалова, историко-краеведческий клуб «Иркутск — Форт Росс»)

каб. 706

18.00 – 19.30. ВСТРЕЧА с историком, потомком святителя Иннокентия (Вениаминова) И. А. Курляндским **«Потомки святителя Иннокентия (Вениаминова) в XX в. Особенности биографий»**

каб. 723

18.00 – 19.30 ВСТРЕЧА с писателем Л. М. Анисовым и презентация книги **«Просветитель Сибири и Америки. Жизнеописание святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского»**

10 сентября

10.00 – 14.00. СЕКЦИЯ 1. ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

каб. 706

*Модератор — Мельникова Софья Владимировна,
канд. филол. наук, зав. сектором
научного проектирования и инноваций
Иркутской областной государственной
универсальной научной библиотеки
им. И. И. Молчанова-Сибирского*

**Архиепископ Михаил (Бурдуков) и его роль в жизни святителя
Иннокентия (Вениаминова)**

*Священник Стефан Бажков, секретарь Иркутского епархиального
управления Иркутской епархии Русской Православной Церкви,
г. Иркутск*

Семейство святителя Иннокентия: новые архивные материалы

*Крючкова Тамара Александровна, канд. ист. наук, гл. специалист
отдела краеведения Иркутской областной государственной
универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского,
г. Иркутск*

**Документы Российского государственного исторического архива
в составе выставки Государственного архива Иркутской области
«Святитель Иннокентий (Вениаминов) – миссионер, исследователь,
просветитель»**

*Михайлова Олеся Андреевна, гл. архивист отдела использования
документов и работы с обращениями граждан и организаций
Государственного архива Иркутской области, г. Иркутск*

**Архимандрит Иркутского Вознесенского монастыря Вонифатий
(Березин) и книга Великих Пастырей**

*Бедулина Ирина Павловна, канд. ист. наук, гл. библиотекарь отдела
обслуживания Научной библиотеки Иркутского государственного
университета, г. Иркутск*

Картина «Перенесение мощей святителя Иннокентия» как исторический источник: галерея портретов духовенства губернского Иркутска художника М. А. Васильева

Тарасов Владимир Иванович, художник, историк, преподаватель Иркутской областной детской школы искусств, заслуженный работник культуры и искусства Иркутской области, г. Иркутск

12.00 – 12.15. КОФЕ-БРЕЙК

Епископ Вениамин (Багрянский): штрихи к биографии

Санников Александр Павлович, канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета, г. Иркутск

Путевые дневники и отчеты священников-миссионеров как исторический источник: по материалам архивного фонда Иркутской духовной консистории Государственного архива Иркутской области

Бондарь Ирина Витальевна, гл. архивист отдела использования документов и работы с обращениями граждан и организаций Государственного архива Иркутской области, г. Иркутск

Миссионер Яков Чистохин — переводчик, этнограф, член ВСОИРГО: по документам Государственного архива Иркутской области

Чичкова Надежда Викторовна, зав. сектором изданий документов Государственного архива Иркутской области, г. Иркутск

Программа краеведческих исследований на страницах «Иркутских епархиальных ведомостей»

Мельникова Софья Владимировна, канд. филол. наук, зав. сектором научного проектирования и инноваций Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского, г. Иркутск

14.00 – 15.00. ОБЕД

15.00 – 18.00. СЕКЦИЯ 2. ЭКСПЕДИЦИОННО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ

каб. 706

Модератор — Сумарокова Екатерина Валерьевна,

зав. отделом краеведения

Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского

«По пути святителя Иннокентия». Из опыта работы детско-молодежного историко-краеведческого клуба «Иркутск — Форт Росс»

Глацкова Лариса Анатольевна, вице-президент детско-молодежного клуба «Иркутск — Форт Росс», г. Иркутск

Емельянова Елена Владимировна, ст. преподаватель Педагогического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск

Барсукова Мария Евгеньевна, помощник депутата Думы г. Иркутска, член совета детско-молодежного клуба «Иркутск — Форт Росс», г. Иркутск

Школьная историко-краеведческая экспедиция «Возрождение» и электронный портал «Храмы Приленья»

Максимова Татьяна Александровна, учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 1, ведущий специалист методического объединения «Ленский район» Районного управления образования, г. Ленск

История Усольского района в храмах

Плотников Равиль Федорович, учитель истории и обществознания высшей квалификационной категории Тайтурской средней общеобразовательной школы, почетный работник образования Иркутской области, с. Тайтурска Иркутской области

«Какие просвещенные священники раньше были» (образ иркутского священника в письмах начала XX в. дочери иерея Евгения Литвинцева)

Зуева Инга Валерьевна, учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории средней общеобразовательной школы № 1, пос. Качуг Иркутской области

СТЕНДОВЫЕ ДОКЛАДЫ

Взаимоотношения светской и духовной власти в русской истории

Маняхина Марина Реевна, д-р культурологии, профессор кафедры социально-политических наук Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, г. Санкт-Петербург

Вопросы историографии образовательной деятельности православного духовенства Забайкальской епархии в XVIII — начале XX в.

Дроботушенко Евгений Викторович, канд. ист. наук, декан исторического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита

Миссия на Аляске: документ на рукоположение в сан священника

Митыпова Гунсема Сандаковна, д-р ист. наук, доцент кафедры религиоведения и теологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ

Вклад М. З. Винокурова в сохранение архивов Русской Православной Церкви в Соединенных Штатах Америки

Самсонова Валентина Андреевна, доцент Арктического государственного института культуры и искусств, гл. библиотекарь Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия), заслуженный работник культуры РФ и РС (Я), г. Якутск

Географические представления жителей Русской Америки XVIII — первой половины XIX в. и их отражение в «Записках об островах Уналашкинского отдела» святителя Иннокентия (Вениаминова)

Коноплев Владимир Андреевич, ст. научный сотрудник Государственного архива Вологодской области, г. Вологда

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПЛОЩАДКИ

10.00 – 14.00

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ В РОССИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ ИСТОЧНИКАХ XIX В. — 1930-Х ГГ. РОССИЙСКИЕ И ТИПИЗИРОВАННЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ (ДО 1917 Г.) ПО ИСТОРИИ НЕБОЛЬШИХ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ

каб. 723

Лектор — **Балацкая Надежда Михайловна**,
канд. пед. наук, ст. научный сотрудник отдела библиографии и
краеведения Российской национальной библиотеки,
г. Санкт-Петербург

15.00 – 17.00

ЦЕРКОВНЫЕ АРХИВЫ: ВИДЫ, СОСТАВ, ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

каб. 703

Лектор — **Юрганова Инна Игоревна**,
канд. ист. наук, ст. научный сотрудник Института гуманитарных
исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск

17.00 – 18.00

СОЗДАНИЕ ВЫСТАВКИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ: ОТ ПРОЕКТА ДО ЭКСПОНИРОВАНИЯ

каб. 703

Лектор — **Михайлова Олеся Андреевна**,
гл. архивист отдела использования документов и работы с
обращениями граждан и организаций Государственного архива
Иркутской области, г. Иркутск

каб. 203

18.00 – 20.00 ТОРЖЕСТВЕННАЯ ТРАПЕЗА

Святитель Иннокентий (Вениаминов) и научно-просветительская деятельность православного духовенства в Сибири и на Дальнем Востоке XIX — начала XX века

Материалы IV межрегиональной научно-практической конференции

Составитель, научный редактор С. В. Мельникова

Ответственный за выпуск Л. А. Сулейманова

Редактор Е. П. Малованюк

Редактор английского текста О. Б. Васильева

Библиографическое редактирование: Е. Л. Воробьева, Л. Ю. Олейник

Компьютерная верстка И. В. Лисина

Оформление И. А. Киберт

Подписано в печать 30.08.2017 г. Формат 60x84 ¹/₁₆

Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 11. Уч.-изд. л. 12,5.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»
664047, г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2
Тел. (3952) 540 940